Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Екатеринбург
2025

УДК 33.012.2
ББК 65.9(2 Рос)-94
Ч 39

Монография подготовлена в соответствии с государственным заданием ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Под общей редакцией
д-ра экон. наук О. В. Артёмовой,
канд. экон. наук Д. А. Плетнёва

Рецензенты:
д-р экон. наук. И. Д. Колмакова,
д-р экон. наук С. Н. Орлов

Человеческий потенциал приграничных регионов России / под ред. О. В. Артемовой, Д. А. Плетнёва. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2025. — 296 с.

ISBN 978-5-94646-710-0

В монографии представлены результаты исследования человеческого потенциала приграничных регионов России в период 2013–2022 гг. на основе комплексного анализа, включающего в себя как изучение научных работ по проблеме, так и эмпирическое исследование показателей человеческого потенциала приграничных регионов, выполненное с использованием двух альтернативных способов: первый основан на выделении географических макрорегионов в соответствии с граничащими с регионами странами, второй базируется на выделении кластеров, сформированных по принципу схожести показателей человеческого потенциала. Исследование основано на авторской методике оценки человеческого потенциала региона, учитывающей экономический, демографический и социальный аспекты этого явления. В результате сформулированы практические рекомендации по совершенствованию государственной политики в сфере развития человеческого потенциала с учетом специфики различных кластеров приграничных регионов. Монография будет полезна научным работникам, аспирантам и студентам, обучающимся по направлению «Государственное и муниципальное управление», а также государственным служащим, занятым в социальной и экономической сферах на федеральном и региональном уровне.

УДК 33.012.2
ББК 65.9(2 Рос)-94
ISBN 978-5-94646-710-0
© Институт экономики УрО РАН, 2025
© Авторский коллектив

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА 8
1.1 Содержание, структура и факторы человеческого потенциала 8
1.2 Подходы к измерению человеческого потенциала 38
1.3 Особенности человеческого потенциала приграничных регионов и его влияние на социально-экономическое развитие 47
2. КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ 57
2.1 Об оценке человеческого потенциала приграничных регионов России 57
2.2 Анализ человеческого потенциала «европейских» приграничных регионов 61
2.3 Анализ человеческого потенциала «азиатских» приграничных регионов 127
3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ 191
3.1 Многомерная группировка приграничных регионов России по степени развития человеческого потенциала 191
3.2 Кластеры приграничных регионов: структура и особенности государственной политики 206
3.3 Качество жизни как ключевой фактор развития и сбережения человеческого потенциала приграничных регионов 224
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 239
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ 251
ПРИЛОЖЕНИЯ 262
Приложение А 262
Приложение Б 267
Приложение В 280
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ 295

ВВЕДЕНИЕ[1]

Современные глобальные вызовы, стоящие перед российской экономикой, которые определяются размерами и особенностями территории страны (в частности, обеспечение ее связности), не могут получить достойного ответа без сохранения и приумножения человеческого потенциала во всех регионах. Особое значение эта задача приобретает для приграничных регионов, испытывающих действие специфических факторов, от угроз безопасности и миграции из сопредельных стран до позитивных возможностей сотрудничества с ними в различных сферах. Одновременно следует отметить, что приграничные регионы как таковые редко становятся объектом пристального внимания экономистов. Эти обстоятельства определяют необходимость исследования человеческого потенциала приграничных регионов России, включая как совершенствование методологии, так и получение конкретных эмпирических результатов.

Авторами монографии на протяжении нескольких лет ведутся исследования приграничных регионов Российской Федерации. Представляется, что данное направление исследований сегодня является одним из важнейших и актуальных. Это вызвано несколькими обстоятельствами: во-первых, многочисленностью приграничных регионов РФ, протяженностью границ этих регионов с сопредельными государствами, что требует осмысления потенциала географического положения регионов; во-вторых, особенностями социально-экономической ситуации в приграничье России, которая обусловливает уровень и качество жизни населения на этих территориях; в-третьих, необходимостью использовать трансграничные возможности для развития приграничных территорий РФ и сопредельных стран. Учитывая эти обстоятельства, авторы фокусировались на возможностях реализации человеческого потенциала на приграничных территориях для улучшения качества жизни населения.

Названные направления исследования представлены авторами в научных публикациях (Айвазян и др., 2019; Анопченко, Воронина, 2023; Антонова, 2024), которые использовались при подготовке данной монографии. В частности, применялись разработанные алгоритмы исследования и оценки человеческого потенциала

[1] Подготовлено: д-ром экон. наук О. В. Артемовой, канд. экон. наук Д. А. Плетневым.

приграничных территорий. Однако если ранее в научных публикациях авторов были представлены исследования, которые проводились применительно к отдельным регионам или группе регионов (например, Российско-Казахстанский макрорегион исследован в работах (Анопченко, Воронина, 2023; Антонова, 2024)), то отличительной особенностью данной монографии является присутствие в ней масштабного охвата приграничных территорий: рассмотрены все регионы, объединенные в макрорегионы применительно к европейской и азиатской частям страны.

Цель исследования, нашедшего отражение в настоящей монографии, — изучение особенностей человеческого потенциала российских приграничных регионов в 2013–2022 гг.

Для достижения цели были последовательно решены следующие задачи:

1. Определены содержание, структура и ключевые факторы человеческого потенциала.

2. Систематизированы существующие подходы к оценке человеческого потенциала регионов.

3. Определены особенности человеческого потенциала приграничных регионов России на основе анализа существующих исследований.

4. Проведены комплексный анализ и оценка приграничных регионов России на основе данных региональной статистики за 2013–2022 гг.

5. Определена региональная специфика человеческого потенциала российских приграничных регионов на основе их многомерной группировки и последующего анализа.

Объект исследования — приграничные регионы России. Полигон исследования — 39 российских регионов, имеющих сухопутную границу с другими государствами в течение всего периода наблюдений (2013–2022 гг.). Анализ результирующих показателей проводился по данным за 2013, 2022, 2023 гг.

Предмет исследования — человеческий потенциал приграничных регионов.

В ходе проведенного исследования получен ряд результатов, обладающих научной новизной.

Во-первых, определена логика исследования человеческого потенциала с позиции социально-экономического развития территории, а также факторы, влияющие на этапы воспроизводства человеческого потенциала, что позволило комплексно подойти к подбору показателей его оценки.

Во-вторых, выделены особенности человеческого потенциала приграничных регионов России на основе анализа научной литературы по проблеме, что позволило сформулировать и проверить гипотезы, связанные с оценкой данного потенциала. Установлено, что большинство авторов обращают внимание на существенную дифференциацию в уровне и динамике человеческого потенциала, а также подчеркивают такие явления, связанные с человеческим потенциалом, как обезлюдивание и монопрофильность приграничных регионов. Установлено, что приграничные регионы часто характеризуются периферийным положением, ослабленными институциональными связями, дифференцированным доступом к социальной инфраструктуре, а также повышенной миграционной мобильностью. Результатом таких негативных процессов является снижение человеческого потенциала (снижение численности населения в половине приграничных макрорегионов; снижение численности и доли населения в трудоспособном возрасте; миграционный отток населения и др.).

В-третьих, предложен новый подход к исследованию приграничных территорий РФ, который основан на выделении больших институциональных единиц — приграничных макрорегионов европейской и азиатской частей России (шесть макрорегионов), что позволило охватить более масштабные территории для сравнения ситуации по развитию в них человеческого потенциала.

В-четвертых, предложен алгоритм исследования, который предусматривал, в частности, типологизацию регионов по географическому признаку и выделение на этой основе макрорегионов; определение направлений исследования (экономического, демографического, социального) по каждому макрорегиону в целом и в разрезе отдельных регионов. Важнейшим этапом исследования являлся анализ результирующих показателей (продолжительность жизни и качество жизни населения (КЖН)), которые в обобщенном виде оценивали ситуацию в приграничье РФ, определяли их место в рейтинге регионов РФ. Период исследования охватывает 2013–2022 гг.

В-пятых, проведена оценка экономического и человеческого потенциалов приграничных макрорегионов по трем направлениям (экономическому, демографическому, социальному), для которых была сформирована соответствующая система показателей. При этом первая группа в обобщенном виде отражала ситуацию с экономическим потенциалом регионов, вторая и третья группы — с человеческим потенциалом.

В-шестых, выявлено, что происходит усиление дифференциации приграничных макрорегионов по экономическому потенциалу. Демографический потенциал приграничных макрорегионов, оцениваемый по показателям численности населения, доли трудоспособного населения и миграционного прироста, как правило, ниже среднего по России. В социальной в сфере (здравоохранение и образование) отмечаются разнонаправленные процессы в отношении человеческого потенциала (к отрицательным тенденциям следует отнести снижение уровня рождаемости, к положительным процессам — рост количества выпускников средних профессиональных образовательных организаций).

В-седьмых, впервые выделены однородные по показателям человеческого потенциала кластеры российских регионов, обоснована их устойчивость и определены ключевые характеристики, а также состав с учетом возможных временных колебаний. Для каждого кластера определены его особенности и предложены перспективные направления государственной политики, направленной на сохранение и приумножение человеческого потенциала.

Информационной базой исследования стали официальные данные ФСГС Росстат в региональном разрезе за 2013–2023 гг., показатели ЕМИСС, результаты исследований качества жизни населения агентства «РИА Рейтинг».

Теоретическая значимость исследования определяется проведенной систематизацией существующих подходов к содержанию и оценке человеческого потенциала, выявлению особенностей человеческого потенциала приграничных регионов, развитием методических подходов к оценке и анализу приграничных регионов.

Практическая ценность исследования состоит в выявлении тенденций и закономерностей человеческого потенциала приграничных регионов России, ключевых «болевых точек», а также формулировке рекомендаций для государственной политики в области сохранения и развития человеческого потенциала для различных групп приграничных регионов России.

Монография состоит из трех глав, девяти параграфов и трех приложений.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

1.1 Содержание, структура и факторы человеческого потенциала[1]

Главное богатство любого общества составляют люди, поэтому исследование вопросов, связанных с накоплением и реализацией качественного человеческого потенциала, приобретает особую актуальность. Сегодня главная составляющая национального богатства — это уже не природно-ресурсный потенциал, включающий минерально-сырьевую и топливную базу, земные, водные, лесные и климатические ресурсы, а благосостояние человека, его хозяйственная, трудовая, творческая деятельность, в том числе позволяющая содержать в нормальном состоянии и возобновлять природные ресурсы, а также гуманизировать и экологизировать экономическое развитие.

Невозможно не процитировать слова М.В. Ломоносова: «Началом сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением Российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего Государства, а не в обширности тщетной без обитателей…» (цит. по: (Вишневский, 2010)). До сих пор является недостаточно изученной и не до конца оцененной демографическая концепция Д.И. Менделеева. Всячески призывая к укреплению обороноспособности страны, наращиванию ее экономического и духовного потенциала, ученый подчеркивал, что «рост населения, в том числе образованного, — это первичный фактор развития инновационной промышленности, надежного роста экономики страны, подъема ее конкурентоспособности и доходов» (цит. по: (Троицкий, 2007, с. 27).

В настоящее время перед Российской Федерацией стоит грандиозная задача сбережения и преумножения человеческого потенциала страны. В национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.[2] в числе приоритетов заявлено, что важнейшим фактором развития на ближайшие несколько лет

---

[1] Параграф подготовлен канд. экон. наук О.А. Антоновой.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (дата обращения: 10.05.2025).

станут демографические вызовы. В силу объективных демографических трендов в ближайшие несколько лет население Российской Федерации будет сокращаться. Необходимо переломить эту тенденцию и обеспечить к 2030 г. рост численности населения за счет стабилизации рождаемости, снижения смертности и обеспечения качественного миграционного прироста. Продолжительность жизни — один из важнейших индикаторов качества жизни людей. В России продолжит расти доля населения старших возрастов, в том числе за счет возврата на траекторию увеличения продолжительности жизни, следовательно, возрастет потребность в инфраструктуре, соответствующей потребностям населения старших возрастов — как традиционной для этого поколения инфраструктуре здравоохранения и социального обеспечения, так и прежде не востребованной в таких масштабах досуговой, образовательной, туристической. Данные действия приведут к последовательному проведению политики интенсивного наращивания человеческого потенциала, структурного обновления и диверсификации хозяйств, макроэкономическому оздоровлению, повышению уровня социальной защищенности. Одним из важнейших направлений политики Правительства РФ на ближайшие годы является проведение институциональных реформ, обеспечивающих устойчивое и динамическое развитие человеческого капитала. Именно инвестиции в Человека труда: повышение эффективности систем образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, создание стимулов и инструментов улучшения жилищных условий и т. п., — должны стать приоритетом государственной политики и приоритетом расходов государственного бюджета.

Из федеральных, региональных и частных бюджетов на развитие человеческого потенциала и рост человеческого капитала в рамках национальных проектов, реализация которых состоялась в 2019–2024 гг., было направлено 5,7 трлн р.[1] С 2025 по 2030 г. происходит реализация 19 новых национальных проектов, из которых на развитие человеческого потенциала направлены шесть: «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры», «Новые технологии сбережения здоровья», «Экологическое благополучие». В таблице 1.1 представлены расходы федерального бюджета на финансирование национальных проектов, связанных

[1] Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. URL: https://novosarbai.minobr63.ru/info/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 1.1

Расходы федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации национальных проектов, направленных на развитие человеческого потенциала и получение человеческого капитала в 2025–2027 гг., млрд руб.

Название национального проекта	Период			
	2025 г.	2026 г.	2027 г.	Всего за 2025–2027 гг.
Семья	2 832,9	2 883,4	2 843,7	8560,0
Молодежь и дети	458,1	547,4	550,3	1555,8
Продолжительная и активная жизнь	369,8	284,2	284,7	938,7
Кадры	17,9	15,6	17,3	50,8
Новые технологии сбережения здоровья	4,8	4,7	5,0	14,5
Экологическое благополучие	48,6	109,3	124,2	282,1
Всего	3732,1	3844,6	3825,2	11401,9

Источник: составлено автором по: «Бюджет для граждан 2025–2027 к проекту Федерального закона о Федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025–2027.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

с развитием человеческого потенциала и получением человеческого капитала в 2025–2027 гг.[1]

За период с 2025 по 2027 г. на шесть национальных проектов, направленных на развитие человеческого потенциала и получение человеческого капитала, будет выделено из федерального бюджета 11401,9 млрд р.

По рекомендациям ООН, о прогрессивности общества в настоящее время судят, прежде всего, по тому, каков человеческий потенциал этого общества, каковы качества его людских ресурсов, уровень нравственного и физического здоровья граждан, их благосостояние, профессиональное и интеллектуальное развитие.

Пониманию сущности резервов человеческого фактора в экономике способствует рассмотрение человека как активной производительной силы, активного субъекта отношений собственности, обмена, распределения и потребления. Благодаря своему труду,

[1] Бюджет для граждан 2025–2027 к проекту Федерального закона о Федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025–2027.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

своему вкладу в производство и, в первую очередь, в производство материальных благ, человек занимает центральное место в структуре производительных сил общества. Человек способен «быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 486).

Так как исследование в целом посвящено социально-экономическому развитию приграничных территорий, логика содержания настоящего раздела представлена на рисунке 1.1. Социально-экономическое развитие территорий должно быть основано на развитии человеческого потенциала и росте человеческого капитала, что приносит выгоды людям, проживающим на данной территории,

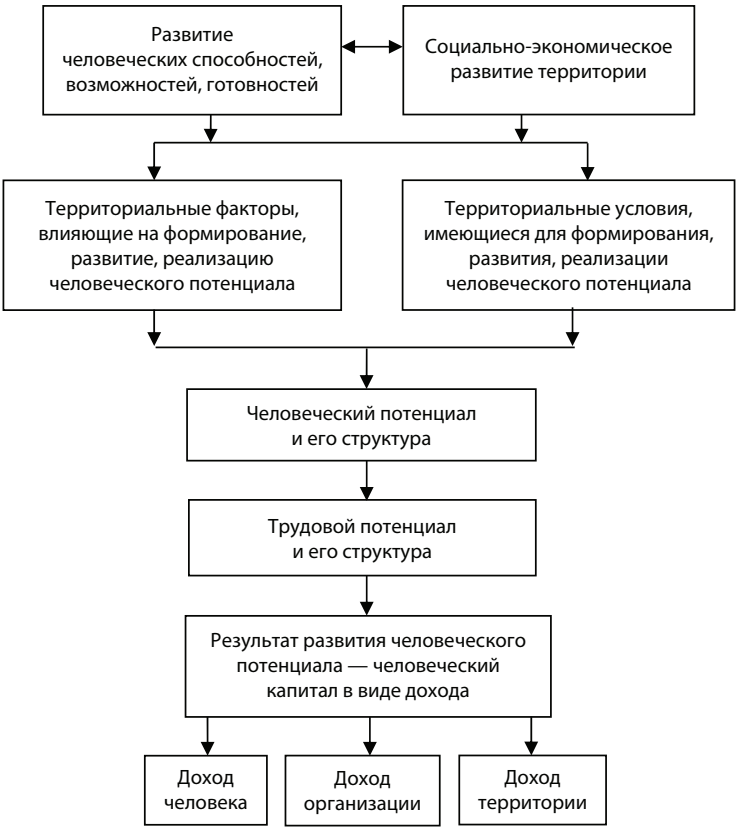

Рис. 1.1. *Логика исследования человеческого потенциала с позиции социально-экономического развития территории (источник: составлено автором)*

организациям и государственным органам власти и управления. Основная нагрузка в решении проблем развития человеческого потенциала ложится на территории, в которых ключевой по этому вопросу становится выработанная социально-экономическая политика, учитывающая специфику регионов, и ее реализация.

Особую значимость приобретает цель социально-экономической политики с позиции развития человеческого потенциала. И. А. Григорьева по этому поводу пишет: «Многие специалисты считают, что целью современной социальной политики является не столько рост благосостояния, сколько социальное развитие, рост образования, улучшение здоровья и степени участия людей в решении собственных проблем» (Григорьева, 2013, с. 136).

В первую очередь необходимо определить, что понимается под «человеческим потенциалом». Интерес к вопросам человеческого потенциала впервые появился во второй половине XX в. в научной литературе в результате осмысления ценности человеческой жизни и труда, последствий активности человека в природной среде, в результате оценки состояния здоровья человеческого сообщества в процессе развития цивилизации.

Впервые термин «человеческий потенциал» ввел в научный оборот Т. Щульц в середине XX в. В его парадигме феномен представлялся как «сложная категория общественного воспроизводства, имеющая системную структурно-функциональную организацию, с определенным индивидуальным комплексом генов, где все человеческие ресурсы и способности являются или врожденными, или приобретенными» (Shultz, 1968).

Дальнейшее развитие понимания человеческого потенциала дал Амартия Сен, нобелевский лауреат 1998 г. Его фундаментальный подход к представлению о человеческом потенциале стал основой для первого Доклада о человеческом развитии ПРООН за 1990 г. Концептуальные положения А. Сена основывались на пласте философских и гуманитарных знаний и заключались в том, что «цель общественного развития не в постоянном увеличении объёмов производства, а в создании возможностей для расширения выбора людьми трудовой деятельности и жизнеобеспечения» (Сен, 1989, с. 137). Выбор профессии, совершенствование знаний, стремление к долгой и здоровой жизни, право на участие в экономической и политической жизни — все это А. Сен связывал с расширением свобод человека.

По мнению Т. Ю. Анопченко, Н. Ф. Ворониной, «главной задачей человеческого развития в современном мире остается необходимость

расширения жизненных рамок, в которые заключено большинство людей» (Анопченко, Воронина, 2023).

ПРООН с 1990 г. ежегодно публикует доклады о человеческом развитии, в которых отражаются современные глобальные проблемы в этой области, дается статистика, что позволяет на этой основе осуществлять аналитические прогнозы. Т. Ю. Анопченко, Н. Ф. Воронина отмечают, что в «докладе 1997 г. обоснована идея, что только посредством развития человека и его потенциала возможно решение проблем нищеты в государствах. По данным в публикации, потенциал человека представляет собой различные комбинации функциональных качеств, которые он может обеспечить, и отражает свободу приобретения данных качеств. Под функциональными качествами понимается совокупность общественно полезных действий человека, направленных как на обеспечение благоприятных условий организации собственной жизни, так и на вклад в развитие и формирование социально-экономической сферы жизнедеятельности каждого участника социума» (Анопченко, Воронина, 2023, с. 21).

Последовательное осознание, одобрение и реализация на практике концепции человеческого развития предполагает коренную перестройку национальных, региональных и муниципальных программ развития, направленную на то, чтобы обеспечить по возможности наиболее полное удовлетворение потребностей людей, совершенствование и максимально возможную реализацию их способностей и качеств (Докторович, 2011). Широкомасштабные вызовы в разных направлениях деятельности также привели к тому, чтобы консолидироваться для ответов на эти вызовы. В рамках конференции по устойчивому развитию ООН, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 2012 г., были разработаны 17 целей устойчивого развития, которые в 2015 г. были приняты государствами-членами ООН. Вопросы об устойчивом развитии и человеческом развитии поднимались в Докладе 1994 г., где отмечается, что не существует противоречия между развитием человека и устойчивым развитием. Оба они основаны на универсальности требований к жизни. Как цели устойчивого развития ООН (2012), так и цели ПРООН в Декларации тысячелетия (2000–2015 гг.) были направлены на развитие человеческого потенциала и определенным образом взаимосвязаны. Особый акцент концепции развития человека делается на многомерности, что дополняет традиционные подходы к устойчивости, напоминая нам, что дискуссия о том, что сохранять, не менее важна, чем о том, как сохранять. Развитие человека требует, чтобы люди обладали достаточной свободой и возможностями

выбора, чтобы удовлетворять свои потребности, запросы и желания. Задача живущего поколения — сохранить условия для будущих поколений и их агентности[1].

В ходе проведения рыночных реформ 1990-х годов, по мнению Т.И. Заславской, «российская политическая элита не приняла во внимание важной закономерности: если наращивание человеческого потенциала объективно служит терминальной целью социетальных реформ, то достигнутый уровень этого потенциала — ключевой фактор их реализации. Экономические реформы 1990-х гг. фактически носили технологический асоциальный характер. В процессе реформ оказались забытыми те люди, которым адресовались новые институты. Не был организован надежный мониторинг социальных и экономических перемен, происходивших в разных частях страны, типах поселений, отраслях и секторах экономики, разных поколениях граждан и разных социальных слоях. Сосредоточив внимание на совершенствовании правил игры, реформаторы просмотрели (или проигнорировали) небывало быстрое сокращение численности и снижение социального качества населения» (Заславская, 2005 а).

Источником многих потерь в тот период стала «идеология, запущенная в массовое сознание в начале 1990-х годов» об обогащении любой ценой, которая «привела к резкому изменению общественных приоритетов. Реформаторы деформировали базовую ценностную модель россиян. Начиная реформы, они постоянно подчёркивали, что их не интересуют источники получения собственности — важно создать собственника. Тем самым был запущен процесс устранения моральных ограничений. В любом обществе всегда существуют люди, с готовностью воспринимающие идеологию, которая извиняет и освобождает их от социальной ответственности. Обращение к низменным инстинктам может захватить значительную часть даже вполне высокоцивилизованного народа» (Симонян, 2011). Культурно-нравственные, социально-экономические, демографические потери от реформ 1990-х годов продолжают отражаться сегодня на уровне и качестве человеческого потенциала.

В постсоветский и послереформенный периоды положение РФ в рейтинге стран по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП/ИЧР) сильно менялось: от 28-го места в 1990 г. до 56-го места в 2022 г. Худшие позиции страна занимала в 2022 г. (табл. 1.2).

[1] Доклад о развитии человека 2010. С.17. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_ch1.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

Таблица 1.2

Положение РФ в рейтинге по индексу развития человеческого потенциала

Год	**1990**	**1992**	**2000**	**2005**	**2007**	**2009**	**2010**	**2015**
Индекс РЧП / ИЧР	0,741	0,720	0,733	0,753	0,769	0,773	0,797	0,823
Место в рейтинге ООН	28	36	48	47	51	52	45	44
Год	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**
Индекс РЧП / ИЧР	0,815	0,820	0,841	0,839	0,826	0,822	0,821	0,832
Место в рейтинге ООН	42	44	39	45	44	52	56	50

Источник: составлено автором по: Statbase. URL: https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/human-development-index/?syear=2023&frmreq=0&sproc=sum&filter=&sort= (дата обращения: 10.09.2025); Доклад о человеческом развитии 2021–2022 гг. ООН (ПРООН). URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22ru.pdf (дата обращения: 10.09.2025); Доклад о человеческом развитии 2023–2024 гг. ООН(ПРООН). URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

По данным таблицы 1.2 видно, что выше 28-го места в рейтинге стран по ИРЧП/ИЧР РФ не поднималась за период с 1990 г. по 2023 г., т. е. за 33 года, и не опускалась ниже 56-го места.

По оценкам Программы развития ООН (ПРООН), Глобальный индекс человеческого развития (ИЧР) в 2023–2024 гг. достиг рекордно высокого уровня, однако прогресс был крайне неравномерным. В 2023 г. 38 стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) достигли более высоких показателей ИЧР по сравнению с 2019 г., при этом 18 наименее развитых стран не вернулись к имевшимся до пандемии показателям. Самый высокий ИЧР зафиксирован в Швейцарии (0,967), Норвегии (0,966), Исландии (0,959), Гонконге (Китае) (0,956). Россия относится к числу стран с очень высоким уровнем человеческого развития, занимая 56-ю строчку. Среди государств с наименьшими значениями индекса — Сомали (0,380), Южный Судан (0,381), ЦАР (0,387), Нигер (0,394) и Чад (0,394)[1].

Несмотря на сложную демографическую ситуацию со снижением рождаемости и ростом смертности в 90-е гг. XX в., продолжительность жизни россиян за 2000–2021 гг. увеличилась с 65,3 года до 70,1 года[2]. За 21 год ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 4,8 года. Однако в сравнении с гражданами других стран россияне живут меньше (табл. 1.3), причем эта тенденция

[1] Доклад о человеческом развитии 2023–2024 гг. URL: https://repository.ach.gov.ru/show/7313/?ysclid=mgzc145piy942055065 (дата обращения: 20.09.2025).

[2] ЕМИСС URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31293 (дата обращения: 20.09.2025).

Таблица 1.3

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)

Страна	Год	Все население	Мужчины	Женщины
Россия	2016	71,9	66,5	77,1
	2021	70,1	65,5	74,5
Норвегия	2016	82,5	80,6	84,3
	2021	83,2	81,7	84,7
Швейцария	2016	83,3	81,2	85,2
	2021	84,0	81,9	85,9
Австралия	2016	82,9	81,0	84,8
	2021	83,3	81,3	85,4
Германия	2016	81,0	78,7	83,3
	2021	80,8	78,4	83,3
Ирландия	2016	81,5	79,7	83,4
	2021	82,4	80,5	84,3
Швеция	2016	82,4	80,6	84,1
	2021	83,2	81,4	85,0
Нидерланды	2016	81,6	80,0	83,2
	2021	81,5	79,9	83,1
США	2016	78,5	76,0	81,0
	2021	76,4	73,5	79,3
Беларусь	2017	74,4	69,3	79,2
	2019	74,5	69,3	79,4
Казахстан	2017	72,9	68,7	76,9
	2022	74,4	70,3	78,4
Китай	2016	76,4	75,0	77,9
	2021	78,1	75,3	81,1
Бразилия	2016	75,1	71,4	78,9
	2021	74,0	70,7	77,4

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. Росстат. М., 2018. С. 49–50; Россия и страны мира. 2023: Стат. сб. Росстат. М., 2023. С.57. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

идеологически подпитывалась традиционно укоренившимся на Руси представлением о низкой ценности человеческой жизни.

По данным таблицы 1.3, в РФ самая низкая ожидаемая продолжительность жизни граждан в сравнении с гражданами представленных стран. В 2021 г. в РФ продолжительность жизни населения в среднем составляла 70,1 года — это на 13,9 года меньше,

чем в Швейцарии, на 13,2 года меньше, чем в Австралии, на 8 лет меньше, чем в Китае. За 2016–2022 гг. в большинстве представленных в таблице 1.3 стран ожидаемая продолжительности жизни как у мужчин, так и у женщин увеличилась. Так, в Казахстане за 2017–2022 гг. ожидаемая продолжительность жизни в среднем увеличилась на 1,8 года, в Китае за 2016–2021 гг. — на 1,7, Ирландии — на 0,9 года, в Норвегии, Швейцарии, Швеции — на 0,8 года. В ряде стран произошло снижение ожидаемой продолжительности жизни: в США — на 2,1 года, в России — на 1,8, в Бразилии — на 1,1 года, в Германии — на 0,2 года.

В рейтинге стран мира по продолжительности жизни Россия занимала в 2024 г. 139-е место, соседствуя с Тринидад и Тобаго и Бутаном[1]. Одна из причин этого кроется в структуре причин смерти. Смертность от внешних причин в РФ в 3–4 раза выше, чем в европейских странах, лидирующих по уровню человеческого развития. Показатели смертности от инфекционных и паразитарных болезней, болезней системы кровообращения и органов пищеварения тоже в 2–3 раза больше (табл. 1.4).

Не удается справиться с таким тяжелейшим явлением, как сверхсмертность, за которым стоит ранний, во многих случаях предотвратимый уход из жизни. Так, за 2016–2017 гг. потери России составили 838,6 тыс. чел. В основном это мужчины. Главные причины таких трагедий — болезни системы кровообращения и так называемые внешние причины (несчастные случаи, убийства, самоубийства, случайные отравления, утопления, травмы и т. п.) (Липатова, Градусова, 2019). В период пандемии COVID-19 накопленная избыточная смертность с марта 2020 г. по март 2021 г. составила 588,4 тыс. чел., что может рассматриваться как наиболее полная оценка численности человеческих потерь РФ от пандемии (Кашепов, 2021). Официальные статистические данные о численности человеческих потерь в ходе специальной военной операции с 2022 г. по 2025 г. отсутствуют.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. было сказано, что «сбережение народа России — наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении

[1] Разделение населения. Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/ (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 1.4

Смертность по основным классам причин смерти (число умерших на 100 000 человек населения)

Страна	Год	Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
Россия	2016	19,0	113,0	293,0	26,8	40,7	88,2
	2017	18,8	109,1	273,8	22,9	37,6	80,2
	2021	15,9	104,8	290,3	33,7	43,0	72,6
	2022	14,7	100,0	286,3	39,1	43,5	72,7
Норвегия	2015	7,2	108,1	90,8	33,8	11,2	29,7
	2019	7,9	105,4	77,0	11,9	11,4	24,7
Швейцария	2015	4,2	98,9	90,2	20,5	12,6	25,9
	2019	4,3	96,9	81,2	7,0	12,7	23,1
Австралия	2015	6,2	107,3	85,6	28,0	12,5	32,9
	2019	5,4	101,1	72,7	7,0	12,4	26,3
Германия	2015	8,8	116,2	139,0	28,7	20,3	23,8
	2019	7,0	114,2	107,3	7,7	20,0	23,0
Швеция	2016	7,1	101,1	109,0	22,8	12,7	30,6
	2019	7,8	97,4	98,8	8,4	12,3	26,8
Нидерланды	2016	7,6	128,6	89,9	28,7	12,0	24,7
	2019	7,9	125,4	79,1	10,0	11,7	25,4
США	2016	12,9	107,2	131,8	42,6	19,9	62,1
	2019	12,6	102,6	128,1	8,9	20,4	45,9
Китай	2004	35,6	142,7	279,5	135,9	25,1	73,4
	2019	6,4	133,7	235,8	11,4	14,1	41,7

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. Росстат. М., 2018. С. 51–52; Россия и страны мира. 2023: Стат. сб. Росстат. М., 2023. С. 59–60. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры»[1]. В связи с этим, демографическая политика и политика народосбережения становятся приоритетными направлениями в деятельности государственных органов власти и управления. В таблице 1.5 представлена динамика численности населения по федеральным округам РФ в 1991–2023 гг. В 1991 г. численность населения в РФ составляла 148164 тыс. человек, в 2023 г. численность населения сократилось до 146 150,8 тыс. человек, что на 2013,2 тыс. человек (1,4 %) меньше, чем в 1991 г.

По данным таблицы 1.5 видно, что численность населения за период 1991–2023 гг. сокращалась по всем федеральным округам, кроме ЦФО, в котором находится г. Москва, в ЮФО рост численности произошел в основном за счет присоединения Республики Крым, г. Севастополя и миграции, в СКФО традиционно из-за многодетных семей. В федеральных округах, где численность населения снижалась, существенным фактором естественной убыли является отказ по экономическим соображениям определенной доли семей даже от первенца. Фактически это означает нарушение прав и свобод граждан России в реализации своих репродуктивных потребностей (Римашевская, 2001).

Академик А.Г. Аганбегян отмечает, что в «результате осуществления с 2006 г. двух крупных президентских программ: Демографической программы и Программы „Здоровье населения" — были преодолены негативные тенденции в этих областях, связанные со снижением рождаемости, увеличением смертности, сокращающейся ожидаемой продолжительности жизни, продолжающейся крупной депопуляцией населения России и также снижением численности населения. В течение 15 лет (примерно с 1992 г.) эти негативные тенденции снизили естественный прирост населения страны на 13,5 млн чел. На начало 1992 г. численность населения страны составляла 148,3 млн чел., а к началу 2009 г. сократилась до 142,7 млн — на 5,6 млн чел. Численность населения сократилась меньше снижения естественного прироста из-за большого притока миграции в нашу страну, положительное сальдо которого составило около 8 млн чел. В 2005 г. коэффициент рождаемости в России (на 1000 человек населения) составил 10,2 и увеличился до 13,3 в 2015 г. Смертность за это время

[1] Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021 г. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794 (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 1.5

Динамика численности населения по федеральным округам РФ за период 1991–2022 гг. (оценка на конец года; тыс. чел.)

Федеральный округ	1991 г.	2023 г.	Динамика
ЦФО	38032	40198,7	2166,7
СЗФО	15311	13840,4	–1470,6
ЮФО	12112	16624,1	4512,1
СКФО	8757	10251,1	1494,1
ПФО	31929	28540,8	–3388,2
УФО	12767	12262,3	–504,7
СФО	21190	16567,1	–4622,3
ДВФО	8066	7866,3	–199,7
Итого	148164	146150,8	–2013,2

Источник: составлено автором по: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. Росстат. М., 2018. С. 51–52; Россия и страны мира. 2023: Стат.сб. Росстат. М., 2023. С.59–60. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_strani_mira_2023.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

сократилась с 16,2 до 13,0. В связи с этим депопуляция в размере 847 тыс. чел. сменилась естественным приростом на 32 тыс. чел. Соответственно, ожидаемая продолжительность жизни всего населения увеличилась с 65,37 лет до 71,39 лет, в том числе мужчин — с 58,92 до 65,92 лет, женщин — с 72,47 до 76,71 лет. А численность населения страны с 143,2 млн на конец 2005 г. поднялась до 146,5 млн чел. на конец 2015 г., в том числе в связи с присоединением Крыма» (Аганбегян, 2018).

Для снижения уровня естественной убыли населения, недопущения снижения численности населения и продолжительности жизни были реализованы в качестве поддержки ряд мероприятий: с 1 января 2007 г. начала действовать программа материнского капитала[1], с 2019 г. по 2024 г. был внедрен национальный проект «Демография», включающий в себя пять федеральных проектов[2], и другие.

[1] Федеральный закон №256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: https://www.garant.ru/actual/posobiya/posob_deti/1020053/?ysclid=mh0f7xcuym74208437 (дата обращения 10.09.2025).

[2] Паспорт национального проекта «Демография». URL: http://government.ru/info/35559/ (дата обращения: 10.09.2025).

По данным Социального фонда РФ, за весь период действия программы «Материнский капитал» его получили более 14 млн семей, в том числе 239 тыс. сертификатов было оформлено в 2024 г.[1]

В марте 2025 г. была принята Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, в которой в качестве целей обозначены:

« — сохранение населения за счет повышения уровня рождаемости, укрепления материнского, детского, репродуктивного здоровья населения, содействия реализации в субъектах Российской Федерации семейно ориентированной демографической политики с учетом национальных и социокультурных особенностей;

— охрана, поддержка и защита семьи как фундаментальной основы российского общества путем повышения благосостояния, качества жизни семьи и совершенствования ее поддержки в особых жизненных ситуациях, создания условий для гармоничного совмещения работы и учебы родителей с рождением и воспитанием детей, развития семейно ориентированной инфраструктуры;

— укрепление института семьи и брака как союза мужчины и женщины на основе сохранения и продвижения традиционных семейных ценностей, в том числе противодействия деструктивным идеологиям, направленным на разрушение ценностей крепкой семьи, брака и многодетности»[2].

В современной научной литературе понятие «человеческий потенциал» все чаще используется как более широкое в смысловой интерпретации, чем «человеческие ресурсы», поскольку оно позволяет давать комплексную характеристику социально-экономических, социальных, культурных, экологических и других условий жизни человека, а также реализации его способностей и возможностей. Понятие «человеческие ресурсы» используется в организациях и связано с трудовым потенциалом и персоналом предприятий. Вместе с тем, существующие подходы к определению конкретного содержания понятия «человеческий потенциал» порождают немало

[1] В Социальном фонде назвали число получателей материнского капитала. URL: https://xn--h1alcedd.xn--d1aqf.xn--p1ai/news/v-sotsialnom-fonde-nazvali-chislo-poluchateley-materinskogo-kapitala/ (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. URL: http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

вопросов, в том числе связанных с компонентами, которые входят в структуру человеческого потенциала, и их оценкой.

Анализ отечественной научной литературы показал, что все подходы авторов к определению понятия «человеческий потенциал» можно представить в виде следующих позиций:

— с позиции влияния на качество жизни населения (Федотов, 2020);

— с позиции влияния институциональных факторов на формирование и использование человеческого потенциала (Сахаровский, 2012);

— с позиции человеческого капитала (Буланов, Катайцева, 2011);

— с позиции системного подхода — как универсальных (общих) и специфических (специальных) потребностей, способностей и различных готовностей выполнять в обществе социально-значимые виды деятельности, социальные роли и функции (Иванов, 2013; Анопченко, Воронина, 2023; Заславская, 2005 а; Тихонова, 2012);

— с позиции запаса, ресурса и реализации потребностей. В этом подходе авторы рассматривают человеческий потенциал как накопленные запасы, и важнейшая сфера реализации человеческого капитала — инициирование перспективных потребностей, задающих импульс качественным изменениям экономики (Соболева, Чубарова, 2023);

— с позиции стратегического развития региона. В этом подходе автор рассматривает человеческий потенциал как категорию, соответствующую перспективному развитию, позволяющему представить преимущественно качественную динамику потенциального стратегического развития региона (Давыдова, 2018).

В зарубежной литературе в исследованиях (Jašková & Havierniková, 2020; Koišová et al., 2021; Svatošová, 2011; Zhang & Chen, 2024; Ma, 2024; Zhao & Du, 2012) встречается понятие не «человеческий потенциал», а «человеческие ресурсы». В представленных исследованиях речь идет об оценке человеческих ресурсов на региональном уровне. Отмечается, что человеческие ресурсы имеют как количественные, так и качественные характеристики. Количество человеческих ресурсов — это общее количество человеческих ресурсов, которыми владеет регион, в то время как качество человеческих ресурсов отражает тип качества и сложность населения (работников) в регионе (Ma, 2024). В ряде исследований говорится об управлении человеческими ресурсами, но уточняется, что большинство исследований посвящено управлению трудом и персоналом на уровне предприятий. Исследований по управлению человеческими ресурсами

на уровне регионов недостаточно, однако такое положение дел понятно и связано с тем, что осуществлять управление могут только собственники средств производства, а на уровне региона возможно лишь государственное регулирование, если собственником предприятия не является государство.

В данном исследовании, где предметом является человеческий потенциал приграничных территорий, предлагается придерживаться определения, данного В.В. Локосовым: «Человеческий потенциал есть совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных социально-исторических и природно-географических условий» (Локосов, 2024), т. к. в исследовании проводится оценка имеющихся свойств человеческого потенциала населения в определенных социально-исторических и природно-географических условиях по трем блокам показателей: демографическому, экономическому и социальному.

В настоящее время в науке не сложилось единого подхода как к определению понятия «человеческий потенциал», так и к его структуре, что усложняет измерение данного явления.

Анализ литературы показал, что можно выделить несколько подходов к включению определенных компонентов в структуру человеческого потенциала (Кравченко, 2018; Лапшин, 2013):

— с позиции концепции потенциала «жизненных сил» (Григорьев, 2002);

— с позиции синергетического эффекта структурирования элементов человеческого потенциала (Юдин, 1998);

— с позиции индивидуальных потребностей структурирования элементов с целью оценки индивидуального уровня человеческого потенциала (Бодак, 2015);

— с позиции территориального структурирования элементов человеческого потенциала с целью оценки территориального уровня человеческого потенциала (Заславская, 2005 б).

Все компоненты человеческого потенциала можно подразделить на врожденные и приобретенные. К врожденным компонентам относятся: психофизиологические характеристики, способности, темперамент; к приобретенным — развитие способностей, талантов, навыки, привычки, опыт, воспитание, приобретение профессиональных знаний и компетенций.

На человеческий потенциал, по мнению ряда авторов, влияют разные факторы в зависимости от природно-климатических

условий, дифференциации регионального развития, законодательного регулирования, современных социально-экономических, экологических, демографических вызовов и т. п. Под фактором в настоящем исследовании понимаются причины или движущие силы, которые непосредственно воздействуют на результат какого-то процесса или события. Факторы могут изменять ход событий и приводить к определенным последствиям. Выделяют факторы, влияющие на формирование, развитие, реализацию и воспроизводство человеческого потенциала.

На формирование человеческого потенциала региона, по мнению Е. С. Гришиной, оказывают воздействие внешние и внутренние факторы региональной среды. Она предлагает распределить факторы на два блока.

1. Факторы, влияющие на формирование человеческого потенциала в регионе (факторы, оказывающие влияние на воспитание и динамику роста человеческих ресурсов в регионе).

2. Факторы, влияющие на использование человеческого потенциала в регионе (факторы, оказывающие влияние на создание благоприятных условий в регионе для эффективного применения человеком своих умений и навыков в результате трудовой деятельности) (Гришина, 2013 а).

Такой подход, по мнению автора, позволит осуществить анализ эффективности формирования и использования человеческого потенциала и разработать программы для снижения негативного воздействия факторов на человеческий потенциал региона на различных стадиях его развития.

В исследовании Е.В. Зайцевой, А.Е. Казанцевой, Е.А. Азоркина к фактору формирования человеческого потенциала относят инновации и подчеркивают, что в эпоху цифровизации данный фактор становится наиболее важным для промышленных регионов (Зайцева и др., 2020).

В качестве фактора формирования человеческого потенциала Н.Г. Яковлева называет социальную сферу — это образование, здравоохранение и культура (Яковлева, 2023).

Таким образом, на основании представленных исследований к факторам формирования человеческого потенциала можно отнести наследственные характеристики и семейное воспитание, социально-экономические условия, социальную сферу, использование инноваций в производственной деятельности. В то же время необходимо добавить, что к факторам формирования человеческого потенциала относятся экономические, экологические условия,

культурные традиции, политическая система, доступ к ресурсам, технические и технологические достижения.

К факторам развития человеческого потенциала Ю.А. Кабанов, А.В. Чугунов относят грамотное социальное инвестирование в человеческое развитие, реализацию социально-экономической политики и электронное гражданское участие. По мнению исследователей, с одной стороны, новые технологии рассматриваются как необходимый стимул человеческого развития. С другой стороны, человеческое развитие часто выступает независимой переменной, формирующей спрос и предложение на электронное участие, что в современном мире становится прозой жизни. Отсюда следует важность вложений государства не только в ИКТ, но и в социальную политику, способствующую человеческому развитию (Кабанов, Чугунов, 2021).

Д.А. Игнатов, О.Г. Тимофеева, О.В. Михайлова рассматривают развитие человеческого потенциала в качестве неотъемлемой части повышения качества жизни населения. Авторы отмечают, что «в зависимости от качества заложенного фундамента потенциал и уровень жизни населения в различных областях России может существенно отличаться». Был проведен анализ качества жизни населения на основе индекса человеческого развития (Игнатов и др., 2020).

Благодаря дальнейшему развитию фундаментальных и эмпирических исследований по экономике труда, экономической теории труда, парадигма, в которой человек рассматривался как элемент в процессе производства материальных благ, изменяется на парадигму, в которой человек занимает центральное место, а его потребности, интересы, мотивы, качества, способности рассматриваются как основа совершенствования человеческого потенциала, имеющегося у населения. По мнению Т.Ю. Анопченко, Н.Ф. Ворониной, «появилась новая категория „качество населения", которая в современной теории представляет собой понятие, неотделимое от описания жизнедеятельности населения, обладающее классификационной основой и расчетной базой, проблемным аппаратом. Понятия „человеческий потенциал" и „качество населения" взаимосвязаны. Развитие человеческого потенциала, как следствие, включает в себя развитие качеств населения. Уровень человеческого потенциала и качество населения зависят от качества и условий жизни населения» (Анопченко, Воронина, 2023, с.112).

Качество населения определяется наличием и характером потребностей, интересов и мотивов людей, а качество условий жизни становится результатом степени удовлетворения потребностей,

интересов и мотивов, что говорит о зависимости данных явлений. От уровня развития человеческого потенциала зависит как качество населения, так и качество условий жизни. Можно продемонстрировать такую зависимость через образование, здравоохранение и доходы населения. Если рассматривать развитие человеческого потенциала через образование и знания в совершенном варианте событий, то считается, что высокий уровень образования позволит получить рост производительности труда, что приведет к росту доходов человека и страны, а это позволит обеспечить лучшее жилье, питание, медицинское обслуживание, отдых и т. п., т. е. образованный человек с большей вероятностью найдет высокооплачиваемую работу, сможет критически оценивать информацию о здоровом образе жизни и принимать осознанные решения (например, о прививках, питании), что напрямую улучшает качество его жизни. Однако, необходимо принять во внимание такое явление, как неравенство в доступе к образованию и т. п., что вносит коррективы в уровень развития человеческого потенциала и его влияния на качество условий жизни.

Если рассматривать развитие человеческого потенциала через здравоохранение и активное долголетие, то свободный доступ к качественной медицине, профилактике заболеваний приведет к увеличению продолжительности здоровой жизни, что повысит количество лет активной трудовой деятельности, а это отразится на росте благосостояния и удовлетворенностью жизнью. Так, вакцинация детей и диспансеризация взрослых предотвращают болезни, снижают расходы на лечение и позволяют людям дольше оставаться экономически активными, что повышает качество жизни на всех уровнях — от индивидуального до общественного. В то же время неравенство, ограниченный доступ населения к качественной медицинской помощи, нежелание части населения обращаться за медицинской помощью по тем или иным причинам могут привести к снижению продолжительности жизни, увеличению смертности в трудоспособном возрасте и т. п., что отразится на качестве условий жизни.

Если рассматривать развитие человеческого потенциала через достойный уровень жизни (доходы), то стабильный и достаточный (достойный) доход позволяет удовлетворить базовые потребности (еда, жилье, безопасность) людей и возможности инвестировать в свое развитие (образование, хобби), а также будущее (пенсионные накопления), что обеспечивает снижение стресса и рост субъективного благополучия. Когда человек не беспокоится о том, как прокормить семью, он может тратить ресурсы на духовное развитие,

путешествия, культуру, что является важнейшими компонентами качества жизни. Среди показателей неравенства выделяют дифференциацию доходов, что может привести к высокому уровню социальной напряженности и к самым непредсказуемым последствиям для развития общества, снижения качества условий жизни.

В свою очередь, от качества условий жизни и качества населения зависит развитие человеческого потенциала. Обратная связь не менее важна. Высокое качество жизни создает благоприятную среду, в которой человеческий потенциал может раскрываться максимально эффективно. К благоприятным условиям для развития детей, например, относят здоровое питание, доступ к качественному дошкольному образованию, физическое и когнитивное развитие ребенка — все это является фундаментом для успешного обучения в будущем. Дети, которые питаются в соответствии со здоровым образом жизни, живут в спокойной обстановке, лучше усваивают знания в школе, чем ребенок, живущий в бедности и стрессе.

Социальная стабильность и безопасность подразумевают также низкий уровень преступности, защищенность прав, доверие в обществе. Как следствие, люди в таких условиях чувствуют себя более уверенно, готовы к долгосрочным инвестициям в свое образование и здоровье. В безопасном обществе с низкой коррупцией предприниматели охотнее открывают бизнес, создавая новые рабочие места и возможности для развития других людей.

К благоприятным условиям экологии и здоровья относят чистый воздух и воду, доступ к зеленым зонам, что улучшает физическое и ментальное здоровье населения, снижаются затраты на лечение заболеваний, связанных с аллергическими реакциями и т. п., больше ресурсов остается на развитие. Жители города с развитыми парками и велодорожками чаще занимаются спортом, реже болеют и, как следствие, более продуктивны на работе.

Из взаимосвязи трех категорий: «человеческий потенциал», «качество населения» и «качество условий жизни», — возникают две спирали: спираль развития и спираль регресса. Спираль развития выглядит следующим образом: инвестиции в человеческий потенциал (образование, здравоохранение, жилье, безопасность) → рост качества жизни (доходы, здоровье, благополучие) → появление более образованного и здорового поколения, способного делать новые прорывы → новые инвестиции в человеческий потенциал и повышение их эффективности. Спираль регресса: недостаточные инвестиции в человека → низкое качество жизни (бедность, болезни) → низкая производительность и неспособность общества

к развитию → ухудшение человеческого потенциала в следующем поколении. Здесь уместно будет процитировать ответ основателя г. Дубая (ОАЭ) шейха Рашида на вопрос о будущем его страны: «Мой дед ездил на верблюде, мой отец ездил на верблюде, я на „Мерседесе", сын на „Ленд Ровере" и мой внук водит „Ленд Ровер", но правнук будет ездить на верблюде... Почему это так? Тяжелые времена рождают сильных людей. Сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена рождают слабых людей. Слабые люди создают тяжелые времена. Многие не поймут, но надо воспитывать воинов, а не паразитов»[1].

Стратегия развития любой страны должна быть нацелена на одновременное и сбалансированное улучшение человеческого потенциала, качества населения и качества жизни. Нельзя иметь высокое качество жизни, качество населения при низком уровне человеческого потенциала, и наоборот — бессмысленно развивать человеческий потенциал в стране, где низкое качество жизни и населения не позволяют этому потенциалу реализоваться.

В настоящее время большое внимание уделяется рейтингам по оценке КЖН. Анализ наиболее известных российских рейтингов по оценке КЖН, а также ряда других, но близких по сути, измеряющих человеческий потенциал и характеристики жизни населения, показывает следующее.

1. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни (АСИ Рейтинг качества жизни). Результаты рейтинга формируют приоритеты для проработки в рамках Национальной социальной инициативы и указывают на лучшие практики для тиражирования. Топ-20 регионов по интегральному показателю открыто публикуются, детальная информация по каждому субъекту передается управленческим командам региона. По результатам рейтинга в 2023 г. свои оценки улучшили 48 регионов. Анализ результатов рейтинга позволяет выявить регионы — потенциальные носители лучших практик для тиражирования по всей стране.

2. Рейтинг КЖН регионов РФ (РИА Рейтинг). Для удобства анализа и оценки рейтинга регионов Российской Федерации по КЖН предлагается диаграмма, построенная по рейтингу и показывающая территориальное расположение регионов, а также ранжирование по цветовой шкале на основе полученного регионом рейтингового балла (подробное описание см. в (Григорьева, 2013)).

[1] Основатель Дубая шейх Рашид о будущем поколении. URL: https://vk.com/video-205317594_456252216?ysclid=mhlvagrclw931227288 (дата обращения: 15.09.2024).

3. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ (РИА Рейтинг). Данное исследование подготовлено экспертами РИА Рейтинг по данным Росстата, Минфина, Казначейства и Центробанка. Методика основана на агрегировании показателей, характеризующих социально-экономическое положение регионов. Для удобства анализа и оценки рейтинга регионов Российской Федерации по социально-экономическому положению предлагается диаграмма, построенная по рейтингу и показывающая территориальное расположение регионов, а также ранжирование по цветовой шкале на основе полученного регионом рейтингового балла. Лидирующие позиции в 2023 г., как и годом ранее, занимают Москва (94,4 балла) и Санкт-Петербург (89 баллов). При этом почти у всех регионов из замыкающей десятки: Чеченская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский автономный округ и др., — интегральный рейтинговый балл вырос, что свидетельствует об улучшении социально-экономической ситуации.

4. Рейтинг качества жизни РБК. Рейтинг КЖН — это попытка ранжировать регионы не по традиционным показателям экономического потенциала или инвестиционной активности, а по целому ряду индикаторов, влияющих на уровень жизни россиян, проживающих в той или иной местности. Рейтинг отражает качество жизни в российских регионах и позволяет сопоставить уровень жизни в них. Он рассчитывается исходя из уровня покупательской активности, доступности жилья, способности населения обслуживать кредиты, уровня официальной занятости, обеспеченности региона спортивными и культурными объектами, жильём. Также при расчёте учитывается климат и ряд других показателей. Все данные являются публичными. В 2021 г. лидерами рейтинга были Санкт-Петербург, Москва, Белгородская область, Московская область, Воронежская область.

5. Индекс качества городской среды, который связан с реализацией национального проекта «Жилье и городская среда». Индекс формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Результаты формирования Индекса используются в реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», национального проекта «Жилье и городская среда», в том числе для определения размера субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных

программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды. Индекс формируется на основе методики, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 года № 510-р, и включает оценку шести типов городских пространств в соответствии с шестью критериями качества городской среды. Оценка подразумевает выделение для каждого типа пространства по каждому из критериев одного ключевого индикатора. В итоге складывается матрица оценки из 36 индикаторов. Поскольку качество городской среды не является простой суммой качества жилья, улиц, озеленения, инфраструктуры и пр. и требует оценки также по индикаторам, значения которых рассчитываются на весь город, к отдельным типам пространств в матрице добавляется общегородское пространство, в действительности объединяющее в себе все остальные.

6. ESG-индекс городов и регионов (разработчики индекса ВТБ. РФ, Сбер). ESG-индекс заявляется как общая система координат и инструментов, которая позволит регионам и городам оценить прогресс на пути их устойчивого развития, соблюдая три принципа: охрану окружающей среды, социальную ответственность и эффективное управление.

Основные параметры и структура ESG-индекса охватывают 85 субъектов Российской Федерации (уровень «Регион») и 218 городов России (уровень «Город»)[1]. Для оценки в Индексе были использованы наиболее актуальные значения показателей за год. Количество показателей внутри одного фактора не влияет на его вес, т. к. в итоговой оценке используется среднее значение по компонентам, количество отражает комплексность фактора.

В зависимости от целевой аудитории ESG-индекс имеет конкретное адресное применение:

— для федеральных органов власти — это комплексный инструмент отслеживания системных изменений и достижений в разрезе ESG и устойчивого развития городов и регионов;

— для местных и региональных органов власти — выявление конкурентных преимуществ и зон развития, возможность сравнения с другими регионами и городами, инструмент мониторинга изменений в ESG-повестке городов и регионов России;

[1] ESG-рейтинг городов и регионов. URL: https://xn----ctbjbleaab3chwacdqgef8f3d.xn--80afd3bal.xn--p1ai/?ysclid=m3v3f14fzz866349540 (дата обращения: 15.09.2024).

— для населения — возможность выбора регионов и городов с наиболее привлекательной городской и сельской средой, инфраструктурой, экологией, образованием, культурой и т. д.;

— для бизнеса — выбор городов и регионов для инвестиций;

— для экспертного сообщества — возможность получения актуального среза по ESG-факторам городов и регионов России для экспертной работы.

База данных состоит как из объективных количественных данных (не зависят от восприятия жителей и основаны на официальной статистике, результатах геоаналитики и др.), так и субъективных показателей (ответы жителей на вопросы, учитывающие оценочные суждения), характеризующих восприятие гражданами тех или иных направлений развития города. Для оценки уровня «Регион» используются объективные количественные показатели, для оценки уровня «Город» — совокупность объективных и субъективных показателей.

Это позволяет формировать многостороннюю оценку ESG-потенциала регионов и городов России с учетом как объективных факторов, так и субъективного восприятия жителей.

В таблице А1 приложения А представлена сравнительная характеристика рейтингов по оценке КЖН приграничных регионов РФ. По мнению К.А. Банновой, Н.Е. Актаева, «сравнение средних значений рейтинговых показателей лидеров-регионов и регионов-аутсайдеров дает возможность количественно сравнить превосходство лидеров-регионов над регионами-аутсайдерами, что позволяет (в зависимости от получившегося значения) делать выводы о ситуации в Российской Федерации по качеству жизни населения в среднем, а также определить разрыв между регионами с высоким развитием и с недостаточным, что позволит выработать наиболее точную и грамотную стратегию создания рекомендаций по улучшению описанной ситуации» (Баннова, Актаев, 2021).

Сравнительный анализ КЖН российских рейтингов показал, что отечественный дискурс обладает своими особенностями (табл. 1.6).

В частности, по данным рейтингов, «в России существенное внимание уделяется таким компонентам, как здоровье, образование, жилье, окружающая среда и транспортная доступность, что также соответствует человеческому потенциалу. Одновременно такие компоненты, как доход, богатство, стоимость жизни, социальные связи и гражданское общество используются редко» (Антонова, 2024).

Таблица 1.6

Сравнительная характеристика качества жизни и человеческого потенциала российских рейтингов

Компоненты оценки качества жизни населения/ человеческого потенциала	АСИ Рейтинг качества жизни	РИА Рейтинг качества жизни	РБК Рейтинг качества жизни регионов РФ	Рейтинг качества жизни ВЭБ	Индекс качества городской среды	ESG – индекс городов и регионов
Здоровье	+	+	+	+	+	+
Образование	+	+	+	+	+	+
Жилье	+	+	+	+	+	+
Работа	—	+	—	+	—	+
Окружающая среда, климат	+	+	+	+	+	+
Удовлетворенность жизнью	+	—	—	+	—	—
Социальные связи и гражданское общество	+	—	—	+	—	—
Доход, богатство	—	+	—	+	—	+
Безопасность	+	+	—	+	+	+
Расходы, «стоимость жизни»	—	—	+	—	—	—
Транспортная доступность	+	+	—	+	+	—

Примечания: «+» означает наличие соответствующего компонента в индексе. Цветом выделены компоненты, присутствующие во всех индексах.

Источник: составлено автором.

В каждом из подходов отражены цели оценки, выбор показателей оценки, источники информации, методики расчета и результаты оценки. Применение каждого из подходов целесообразно и полезно для оценки КЖН и выработки разнообразных путей его повышения и взаимосвязи с человеческим потенциалом.

Таким образом, несмотря на значительные успехи в оценке человеческого потенциала, необходимы дальнейшие исследования, направленные на унификацию подходов и внедрение инновационных методов измерения, что обеспечит более эффективное управление человеческим потенциалом в интересах социально-экономического развития территорий, в том числе приграничных, и страны в целом.

При формировании стратегии российских регионов И.В. Генчикова предлагает выделить следующие разделы в части развития человеческого потенциала и демографической ситуации в целом: «1. Текущее современное состояние, тенденции последних 3…5 лет. 2. Вызовы и угрозы (например, постарение населения). 3. Цели и задачи региона должны корреспондироваться с национальными целями и задачами. 4. Приоритеты. 5. Механизмы реализации. 6. Результаты и основные этапы реализации стратегии. 7. Мониторинг и контроль за реализацией стратегии…, что позволит, по мнению автора, при формировании стратегических документов, направленных на развитие человеческого потенциала региона, выстроить взаимосвязь как со стратегическими и территориальными документами Российской Федерации, так и с международными» (Генчикова, 2022).

Исследователи предпринимают попытки не только связать рост качества жизни населения с развитием человеческого потенциала, но и проследить влияние реализации целей устойчивого развития на человеческий потенциал. По мнению А.А. Федотова, «понятие человеческого потенциала слабо представлено в концепции устойчивого развития, в основном её цель — достижение и сохранение качества жизни населения данного и будущих поколений» (Федотов, 2021).

Регионы, где цифровой и научно-технический потенциал выше, имеют больше возможностей влиять на развитие человеческого потенциала. Это обосновано наличием тесной положительной связи между уровнем цифровизации, научно-техническим потенциалом региона и величиной ИЧР — к такому выводу пришли на примере субъектов Уральского и Сибирского регионов О.В. Артемова, Н.М. Логачева, А.Н. Савченко. Авторами в разработанной модели регионального развития, содержание которой описывается триадой

«условия — факторы — результаты», определены факторы цифровизации и научно-технические факторы, которые влияют на развитие человеческого потенциала (Артемова и др., 2020).

Таким образом, на развитие человеческого потенциала влияет следующий ряд факторов, представленных в исследованиях: грамотное социальное инвестирование в человеческое развитие, реализация социально-экономической политики и электронное гражданское участие; разработка региональных стратегий; реализация целей устойчивого развития; уровень цифровизации регионов.

Помимо перечисленных факторов, можно отметить рост уровня доходов, доступность ресурсов, инвестиции в образование, здравоохранение, системы жизнедеятельности, безопасные и комфортные условия труда, которые способствуют здоровьесбережению и повышению производительности труда, личностные факторы и др.

Факторы реализации человеческого потенциала охватывают широкий круг аспектов, связанных с условиями, в которых люди живут, работают и развиваются. Эти факторы можно разделить на несколько основных групп:

1. Экономические факторы:

— доход и материальное положение: уровень дохода определяет доступ к базовым потребностям, таким как жилье, еда, одежда, медицинское обслуживание и образование;

— экономическая стабильность: устойчивость экономики и отсутствие резких колебаний цен, безработицы и инфляции способствуют уверенности в будущем и планированию долгосрочных инвестиций в собственное развитие;

— доступ к рынкам труда: возможность найти подходящую работу, соответствующую навыкам и интересам, играет важную роль в реализации человеческого потенциала.

2. Социальные факторы:

— социальная мобильность: возможность перехода из одного социального слоя в другой благодаря образованию, карьерному росту и личным усилиям;

— социальная поддержка: программы социальной защиты, такие как пособия по безработице, пенсии, субсидии на образование и медицинские услуги, облегчают реализацию человеческого потенциала;

— социальные сети и связи: наличие сильных социальных связей и сетей поддержки помогает людям преодолевать трудности и достигать своих целей.

3. Образовательные факторы:

— доступ к качественному образованию: возможность получить качественное начальное, среднее и высшее образование значительно повышает шансы на успех в жизни;

— непрерывное обучение: возможность учиться на протяжении всей жизни, осваивать новые навыки и адаптироваться к изменениям на рынке труда;

— современное оборудование и методики: использование новейших образовательных технологий и методик улучшает качество обучения и ускоряет процесс освоения знаний.

4. Здоровьесберегающие факторы:

— доступ к медицинскому обслуживанию: качественная медицинская помощь, включая профилактику заболеваний, диагностику и лечение, способствует поддержанию здоровья и работоспособности;

— здоровый образ жизни: пропаганда здорового питания, физической активности и отказа от вредных привычек снижает риск хронических заболеваний и увеличивает продолжительность активной жизни;

— безопасная рабочая среда: отсутствие профессиональных рисков и травм на рабочем месте способствует сохранению здоровья и повышению эффективности труда.

5. Политико-правовые факторы:

— законодательная база: законы, защищающие права человека, свободу слова, равенство возможностей и социальную справедливость, создают условия для полной реализации человеческого потенциала;

— государственная политика: программы государственной поддержки, направленные на развитие образования, здравоохранения, культуры и спорта, стимулируют рост человеческого потенциала;

— гражданские свободы: свобода передвижения, свобода вероисповедания, свобода собраний и ассоциаций позволяют людям реализовывать свои интересы и таланты.

6. Экологические факторы:

— чистая окружающая среда: загрязнение воздуха, воды и почвы негативно сказывается на здоровье и качестве жизни людей, затрудняя реализацию их потенциала;

— устойчивое развитие: стратегии устойчивого развития, учитывающие потребности будущих поколений, способствуют созданию благоприятных условий для жизни и работы;

— природные ресурсы: доступ к природным ресурсам, таким как чистая вода, плодородные земли и полезные ископаемые, необходим для поддержания жизнедеятельности и экономического роста.

7. Технологические факторы:

— цифровизация и информационные технологии: доступ к интернету, цифровым библиотекам, онлайн-курсам и другим информационным ресурсам открывает новые возможности для обучения и саморазвития;

— автоматизация и искусственный интеллект: автоматизация рутинных операций и использование искусственного интеллекта освобождают время и ресурсы для творческой и интеллектуальной деятельности;

— наукоемкие отрасли: развитие наукоемких отраслей промышленности и услуг создает рабочие места, требующие высокой квалификации и творческого подхода.

8. Психологические факторы:

— мотивация и целеустремленность: внутренние стимулы и желание достичь поставленных целей играют решающую роль в успешной реализации человеческого потенциала;

— эмоциональный интеллект: способность осознавать и управлять своими эмоциями, а также понимать эмоции других людей, помогает в построении эффективных взаимоотношений и достижении успеха;

— стрессоустойчивость: умение справляться с трудностями и стрессовыми ситуациями сохраняет психологическое здоровье и работоспособность.

Все факторы взаимосвязаны и взаимозависимы. Для полноценной реализации человеческого потенциала необходимо учитывать все аспекты и стремиться к их сбалансированному развитию.

В научной литературе наблюдается терминологическая путаница в понятиях «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», эти слова используются как синонимы. Такое положение дел связано с тем, что пока не сложилось единого понимания в определениях «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». Поэтому и соотношение понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» в научной литературе до сих пор рассматривается с разных позиций. По мнению ряда авторов, понятие «человеческий потенциал» первично по отношению к понятию «человеческий капитал». Они взаимосвязаны, поскольку без наличия потенциала у человека невозможно сформировать капитал в процессе его жизнедеятельности, а без эффективного инвестирования в капитал невозможно

использовать имеющийся потенциал. Обязательным условием существования этих понятий является наличие носителя — человека как экономического и социального субъекта, а не только биологического вида (Анопченко, Воронина, 2023). Т.Е. Давыдова уточняет, что «человеческий потенциал выражает максимально возможную реализацию способностей человека, а человеческий капитал выступает экономической формой реализации человеческого потенциала и ресурсов в определенных условиях» (Давыдова, 2018).

По мнению В. Буланова, Е. Катайцевой, «человеческий капитал является важной (но не единственной) формой проявления человеческого потенциала в системе рыночных отношений, связанной с получением потока доходов благодаря эффективности осуществленных инвестиций в развитие профессиональных качеств его носителя. Тем не менее, способностью приносить доход не исчерпывается роль и место человека в общественной и экономической системе. Появление концепции человеческого потенциала больше связано с анализом человеческого совершенствования с позиции развития общества с точки зрения общественного богатства» (Буланов, Катайцева, 2011). Понятия «человеческий потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий капитал» имеют общие содержательные элементы, но отличаются по формированию, структуре и применению. Их объединяет признание развития человека как главной цели и средства общественного прогресса (Подвойский, 2022).

В таблице 1.7 представлена сравнительная характеристика понятий «человеческий потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий капитал» по ряду признаков.

Необходимо отметить, что, по мнению Т.Ю. Анопченко, Н.Ф. Ворониной, «в современной экономической теории изучение „человеческого капитала" возможно только в системе рыночных отношений, что является существенным ограничивающим фактором его использования, в отличие от „человеческого потенциала", что и определило появление последнего» (Анопченко, Воронина, 2023).

Таким образом, в исследовании представлен обзор научных подходов к определению понятия «человеческий потенциал» и его составляющих компонентов, который показал, что как в научном сообществе, так и на практике, еще не сложилось единого понимания данного явления и его компонентов. Это говорит о том, что человеческий потенциал — явление многогранное, далеко не изученное, однако представляет собой одну из важнейших характеристик, показывающих развитие экономики того или иного региона и национальной экономики в целом. Уточнены факторы, влияющие

Таблица 1.7

Сравнительный анализ понятий «человеческий потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий капитал»

Признак	Человеческий потенциал	Трудовой потенциал	Человеческий капитал
Существует с момента рождения	+	–/+	–
Формируется в процессе жизнедеятельности	+	–/+	–
Реализуется в процессе трудовой деятельности	+	+	+
Входит в структуру рыночных отношений	–/+	+	+
Включает скрытые возможности	+	+	–
Имеет прямую экономическую зависимость	–	+	+
Необходимы инвестиции для развития	+	+	–
Оценка уровня развития	+	+	–

Источник: составлено автором по (Анопченко, Воронина, 2023).

на формирование, развитие и реализацию человеческого потенциала, что позволяет осуществить анализ степени влияния тех или иных факторов на процессы воспроизводства человеческого потенциала. Представлена взаимосвязь таких категорий как «человеческий потенциал», «качество населения» и «качество условий жизни населения». По установленным признакам представлен сравнительный анализ разных, но взаимосвязанных между собой понятий «человеческий потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий капитал», что позволяет обогатить категориальный аппарат теории человеческого потенциала.

1.2 Подходы к измерению человеческого потенциала[1]

Неоднозначность содержания понятия «человеческий потенциал» обусловливает разнообразие подходов к его измерению и оценке. Проблема его измерения имеет множество решений, ни одно из которых не может претендовать на статус комплексного

[1] Параграф подготовлен канд. экон. наук О. А. Антоновой.

и системного. Несмотря на отсутствие не только общепринятой методики оценки человеческого потенциала, но и единого теоретико-методологического подхода к ней, необходимость измерения человеческого потенциала очевидна.

В. Петти считал, что «весь род людской имеет такую же стоимость, как и земля, будучи по своей природе столь же непреходящим», и сравнивал стоимость занятых разных профессий: «Моряк в действительности равен трём крестьянам» (Петти, 1993).

Для определения показателей оценки развития человеческого потенциала важно понимать, что такое развитие, каковы его признаки, закономерности и какие показатели можно применить для оценки развития человеческого потенциала.

Феномен «развитие» исследуют представители разных наук: педагогики, психологии, социальных наук, философии, экономики и др. Однозначного понимания, что такое «развитие», не существует из-за сложности данного феномена, связанного с закономерностями, регулирующими взаимосвязи и взаимодействия между объектами, к которым относится процесс развития. Закономерностями процесса развития выступают действия законов диалектики: перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания. Так, в соответствии с законом перехода количественных изменений в качественные в процессе изменений исчезает объект, существовавший до сих пор, и возникает объект, которого до сих пор не было, т. е. происходит качественное преобразование объекта (Попова, 2009).

По мнению Г.В. Поповой, «по своей сути развитие представляет собой существенное, необходимое движение, изменение во времени, с сохранением его процессуальности, непрерывности, цикличности преобразования объективной реальности в ходе воссоздания обновляющегося целого, или, иначе говоря, с управлением процессом самодвижения во времени» (Попова, 2009). Развитие имеет ряд признаков: динамичный, бесконечный процесс, направленный на переход от количества к качеству объекта; волновой, противоречивый характер; изменения во времени воспроизводятся и накапливаются.

В оценку человеческого развития и реализации человеческого потенциала существенный вклад внес А. Сен: его идея «расширения человеческого выбора состоит в том, что благосостояние должно оцениваться по возможности людей вести такую жизнь, которую они считают достойной, а не по уровню дохода в расчете на душу населения. Следовательно, доход рассматривается не как конечная

цель, а как средство, расширяющее человеческий выбор в таких областях, как здравоохранение, образование, экономическая и общественная деятельность» (Золотарев и др., 2008; Сен, 1989). А. Сен рассматривал благосостояние и его оценку с позиции роста возможностей у населения для реализации человеческого потенциала и развития его качества.

Анализ подходов к измерению человеческого потенциала показал, что для российских исследователей характерны интерес к динамике развития человеческого потенциала РФ и опора на применение экономико-статистических методов, которые отражают изменение ситуации на региональном уровне при использовании показателей ИЧР (Селезнев, Кашин, 2021; Исакова, 2024; и др.).

В настоящее время идет накопление зарубежного и отечественного опыта оценки человеческого потенциала и человеческого капитала. Из зарубежного опыта известны такие инструменты оценки как Международное исследование RISA — исследование качества образования, в рамках которого оцениваются знания и навыки учащихся школ в возрасте 15 лет. Проводится каждые три года под эгидой ОЭСР; ICILS — международное исследование информационно-компьютерной грамотности учащихся восьмых классов; AHELO (проект был запущен в 2015 г.) — один из самых известных международных проектов в области оценки результатов высшего образования, инициированный ОЭСР; международный проект iPAL имеет своей целью разработку инструмента, направленного на измерение в различных сферах высшего образования таких универсальных компетентностей как критическое мышление, письменная коммуникация, математическая грамотность, гражданская вовлеченность.

В РФ мало инструментов, измеряющих компоненты человеческого потенциала в образовательных средах. Заслуживают внимания инструменты оценки, разработанные в Институте стратегии развития образования Российской академии образования и в Институте образования НИУ ВШЭ. Все они предназначены для массового оценивания, стандартизированы, компьютеризированы и валидизированы. Среди них можно отметить такие программы как мониторинг формирования функциональной грамотности у российских учащихся основной школы; тест информационно-коммуникационной компетентности — 1С Literacy Test; Инструмент измерения компетенций «4К»[1] (креативность,

[1] Измеряем мягкие навыки (Soft Skills). Институт образования НИУ ВШЭ. URL: https://ioe.hse.ru/ 4k test/ (дата обращения: 28.08.2025).

критическое мышление, коммуникация и кооперация (сотрудничество)) разработан для начальной (возраст учеников 9–10 лет) и основной (возраст 11–13 лет) школы; Инструмент оценки критического мышления у студентов вузов CTtest.

Таким образом, в некоторых случаях уже найдены содержательные и методологические решения, однако для их массового внедрения необходимо создавать технологии, позволяющие удешевить и ускорить разработку инструментов. В других случаях, например, в сфере оценки составляющих человеческого потенциала в свободной цифровой среде, необходимо не только найти технологию, позволяющую быстро и эффективно обрабатывать поток данных о поведении человека в цифровой среде, но и разработать теоретическую рамку, которая позволила бы внятно проинтерпретировать эти данные и использовать их для принятия управленческих решений.

Анализ научной литературы показал, что к настоящему моменту сложилось несколько подходов к оценке человеческого потенциала регионов: статистический, социологический, интегральный, мониторинговый.

Так, статистического подхода к оценке качества человеческого и трудового потенциала региона придерживаются Н.М. Римашевская, Л.А. Мигранова, М.С. Токсанбаева, которые предлагают использовать индексный метод с использованием статистических показателей Росстата. Их выбор зависел не только от наличия данных по всем 82 регионам страны, но и от особенностей изучаемого объекта — населения региона в целом или его экономически активной части. К показателям, используемым для оценки качества человеческого и трудового потенциала регионов РФ, относились такие компоненты как демографические, здоровья, образования, благосостояния, интеллектуальные, психофизиологического состояния и социально-личные (Римашевская и др., 2014).

В.В. Локосов для оценки человеческого потенциала региона предлагает «шкалу из 14 статистических показателей (ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, суммарный коэффициент рождаемости, уровень образования, доля исследователей и техников в общей численности занятых, уровни преступности и потребления алкоголя, показатели семейного потенциала и экологического поведения, численность зрителей театров, посещений музеев и др.), которые отражали три базовые составляющие человеческого потенциала (демографическая, трудовая и социокультурная). Для оценки человеческого потенциала был использован метод предельно критических (пороговых)

показателей и каждому из 14 показателей на основе экспертных оценок и расчетов были даны предельно критические значения (ПКЗ). В качестве примера в исследовании были выбраны три показателя этой шкалы: потребление алкоголя на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни и суммарный коэффициент рождаемости» (Локосов, 2023).

Исследователи из БГЭУ Н.В. Агабекова, С.В. Новоселова предлагают «для определения уровня человеческого потенциала в качестве объекта статистического исследования принять степень физического и духовного здоровья человека, его образованности, трудоспособности и занятости, социализированности, креативности и мобильности за счет развития здравоохранения, образования, сферы услуг, материального производства и институтов гражданского общества» (Агабекова, Новоселова, 2012). С учетом данной трактовки для оценки человеческого потенциала авторы сформировали информационную базу статистических показателей, состоящую из двух блоков: показатели уровня человеческого потенциала и показатели факторов роста человеческого потенциала.

Существенный вклад в развитие статистического подхода к оценке человеческого потенциала регионов внесли следующие исследователи: Е.Н. Тупикина (2011), Е.В. Кочева (2010), М.Н. Федорова (2023) и др.

Наряду с рядом достоинств статистического подхода, таких как доступность и достоверность данных, существенным его недостатком является отсутствие статистических данных о субъективном восприятии в оценках человеческого потенциала.

Примером использования социологического подхода к оценке человеческого потенциала служит методика расчета регионального субъективного (социологического) индекса развития человеческого потенциала, разработанная Р.М. Валиахметовым. Субъективный индекс развития человеческого потенциала (СИРЧП) построен на основе классического набора показателей, характеризующих уровень образования, здоровья и доходов населения. Для всех из трех измерений человеческого развития по определению установлены равные весовые коэффициенты. Это означает, что все они равнозначны и ни одному из них не отдается предпочтение как наиболее важному в концепции человеческого развития (табл. 1.8) (Валиахметов, 2018).

Существенный вклад в развитие социологических подходов к измерению и оценке человеческого потенциала внесли Б.Ю. Быченко, О.И. Иванов, Е.В. Каргаполова, О.К. Крокинская, И.Г. Саксельцев, Н.Е. Тихонова и др.

Таблица 1.8

Элементы субъективного индекса РЧП и критерии их оценки (для расчета по данным КОУЖ*)

Элемент субъективного ИРЧП	Вариант ответа на вопрос	Уровень	Количество баллов
1. «Доход» (выражается в количестве величин прожиточного минимума (ПМ) в расчете на 1 члена домохозяйства {расчетный показатель})	Менее 1 ПМ (бедные)	низкий	1
	1–2 величины ПМ (плохо обеспеченные)	средний	2
	3–4 величины ПМ (обеспеченные)	высокий	3
	5 и более величины ПМ (хорошо обеспеченные)	очень высокий	4
2. «Здоровье» (вопрос «Как Вы оцениваете состояние Вашего здоровья?»**{10_01})	Очень плохое	низкий	1
	Плохое		
	Удовлетворительное	средний	2
	Хорошее	высокий	3
	Очень хорошее	очень высокий	4
3. «Образование» (количество лет обучения. Ответы на вопрос «Сколько лет суммарно Вы затратили на обучение, чтобы достичь нынешнего уровня образования?» {07_04})	Менее 9 лет	низкий	1
	10–11 лет	средний	2
	12–15 лет	высокий	3
	16 и более лет	очень высокий	4
ИРЧП (субъект) = (Балл (доход) + Балл (здоровье) + Балл (образование)/ (максимальный балл – минимальный балл)			

Примечания: *комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2016). Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/freedoc/newsite/KOUZ16/index.html (дата обращения: 20.10.2018);

**варианты ответа «отказ», «затрудняюсь ответить» исключаются из анализа.

Источник: составлено автором по (Валиахметов, 2018).

Применение социологических опросов населения в оценке человеческого потенциала приграничных территорий вызывает ряд сложностей, заключенных в ограничении человеческих ресурсов, имеющихся у филиала, трудоемкости получения данных из регионов, входящих в шесть макрорегионов, отсутствие времени и материальных возможностей.

В рамках интегрального подхода наиболее распространенным является расчет Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП, он же — Индекс человеческого развития, Human Development Index, HDI). В результате расчетов ИРЧП составляется рейтинг стран, регионов по оценке человеческого потенциала. Применение рейтингового подхода к оценке человеческого потенциала регионов РФ осуществляется с 1997 г., по его значению можно говорить о существенной дифференциации социально-экономического положения и качестве жизни населения. Индекс человеческого развития для субъектов Российской Федерации публикуется в российских «Докладах о человеческом развитии».

Несмотря на введение дополнительных показателей оценки в ИРЧП, он подвергается критике со стороны ряда ученых (Г.В. Леонидовой, Е.А. Чекмаревой, П.М. Советова, М.М. Панова и др.). Учеными МГУ И.Н. Рубановым, В.С. Тикуновым установлено, что использование ИРЧП в целом удачно при страновых сопоставлениях, однако малопригодно для временных и межрегиональных сопоставлений в российских условиях (Рубанов, Тикунов, 2007). Сложность расчетов по показателям регионального ИРЧП заключается в отсутствии необходимых статистических данных по показателям продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения, валовой национальный доход на душу населения по ППС. Несмотря на сложности, есть успешные попытки адаптации или модификации данного индекса для применения в российских условиях, предпринятые в работах Н.В. Зубаревич (2009) и др.

Применение ИРЧП для оценки человеческого потенциала приграничных территорий представляет ряд сложностей, в том числе связанных с отсутствием статистических данных.

Интегральный индекс к оценке человеческого потенциала регионов применили С.И. Абрамян, А.А. Федотов. При создании интегрального индекса авторы выбрали показатели, «которые были разделены на положительные и отрицательные, после чего на основе каждого показателя путем ранжирования регионов был построен частный индекс, а далее — интегральный, как их среднеарифметическое. На основе работ отечественных ученых, посвященных изучению человеческого потенциала, были выбраны следующие показатели, охватывающие в общем виде различные аспекты данной категории: физические, интеллектуальные, культурные, духовные аспекты» (Абрамян, Федотов, 2021).

Интегральный индекс к расчету оценки человеческого потенциала приграничных территорий не применялся.

Оценку человеческого потенциала с помощью мониторинга предлагает проводить Е.С. Гришина. Под мониторингом автор понимает систему постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменений состояния какого-либо природного, социального и т. п. объекта. В группировку показателей для проведения мониторинга состояния человеческого потенциала автор включила экономические, социальные показатели, показатели, характеризующие возможность применения человеческого капитала в регионе, и показатели, характеризующие наличие, состояние человеческого потенциала в регионе (Гришина, 2013 б). Применение инструментов мониторинга к оценке человеческого потенциала приграничных территорий пока не нашло широкого применения среди исследователей.

В таблице 1.9 представлены достоинства и недостатки подходов, при этом выбор того или иного подхода к оценке человеческого потенциала региона должен определяться с учетом целей конкретного исследования.

В ходе исследования было определено, что существуют четыре основных подхода к оценке человеческого потенциала: статистический, социологический, интегральный и мониторинговый. Однако, в представленных подходах речь идет не об измерении развития человеческого потенциала, а об оценке динамики показателей, которые либо ухудшаются, либо улучшаются в тот или иной период времени. В то же время каждый подход обладает достоинствами и недостатками, определяющими область его применения. Одной из ключевых проблем в оценке развития человеческого потенциала остаётся отсутствие единого понимания в научном сообществе термина «человеческий потенциал», что осложняет его систематическое измерение и вызывает нехватку адекватных инструментов учета на локальном уровне, включая приграничные регионы.

Дальнейшие исследования требуют разработки новых комплексных подходов и методов измерения развития человеческого потенциала, сочетающих существующие подходы количественной статистики и качественного анализа субъективных данных, а также внедрения цифровых технологий для оперативного сбора и обработки информации.

Таким образом, несмотря на значительные успехи в оценке человеческого потенциала, необходимы дальнейшие исследования, направленные на унификацию подходов и внедрение инновационных методов измерения, что обеспечит более эффективное управление человеческим потенциалом в интересах социально-экономического развития территорий, в том числе приграничных, и страны в целом.

Таблица 1.9

Достоинства и недостатки подходов к оценке человеческого потенциала региона

Подход	Достоинства	Недостатки
Статистический	Использование подхода позволяет применять данные официальной статистики по регионам, дает возможность сравнения оценки человеческого потенциала разных регионов, за разный период времени, позволяет раскрыть характерные особенности и закономерности изучаемого явления	Сложность реализации связана с тем, что не все данные имеются в базе, существуют ограничения по времени, т. к. статистика выходит, как минимум годом позже
Социологический	Использование данного подхода позволяет учитывать качественные характеристики населения на индивидуальном уровне и степень реализации жизненных стратегий	Сложность реализации заключается в погрешности выборки, ограничения сопоставимости данных за долгосрочный период, ресурсоемкость организации исследования, субъективный характер ответов респондентов
Интегральный (смешанный)	Использование данного подхода учитывает сопоставление информации о разнородных, но связанных друг с другом показателях, значения которых выражаются частными показателями, выбор ограниченного числа показателей для простоты расчета интегрального показателя	Сложность реализации заключается в том, что можно получить только общую информацию, не берутся во внимание трудноизмеримые показатели человеческого потенциала, такие как расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в процентном отношении к ВРП, %; доля оплаты труда наемных работников (заработная плата и фактические отчисления на социальное страхование) в ВРП, %, и др.
Мониторинговый	Использование данного подхода позволяет прогнозировать на опережение и отражение вероятности возникновения и развития на основе анализа возможных причин возникновения ее источника в прошлом и настоящем событий по ухудшению состояния человеческого потенциала региона	Сложность реализации заключается в том, что отсутствует инструментарий мониторинга по прогнозированию событий состояния человеческого потенциала региона и мероприятий на опережение и отражение негативных последствий

Источник: составлено автором по (Чекмарева и др., 2017).

1.3 Особенности человеческого потенциала приграничных регионов и его влияние на социально-экономическое развитие[1]

Развитие человеческого потенциала в приграничных регионах Российской Федерации представляет собой актуальную и многогранную задачу, которая требует комплексного подхода. Эти территории, находящиеся на стыке различных культур и экономик, сталкиваются с уникальными вызовами и возможностями. В текущей ситуации, приводящий к изменениям социально-экономических условий, необходимо учитывать специфику человеческого потенциала, который постепенно становится ключевым фактором для обеспечения устойчивого развития и безопасности регионов.

Значительное количество исследований, посвященных изучению приграничных территорий (например, (Пастухов, 2019; Шаралдаев и др., 2021; Морошкина, 2022)), так или иначе связаны с попыткой понять, как человеческий потенциал, превращаясь в человеческий капитал, влияет на социально-экономические развитие.

Отметим, что в этой научной дискуссии присутствуют разные взгляды на человеческий потенциал (рис. 1.2). С одной стороны, он может рассматриваться с позиции обладателя, и здесь он способствует не только повышению социального статуса человека, но и дает ему конкурентные преимущества на рынке труда, создавая возможности для получения более высоких доходов. С другой стороны, человеческий потенциал может быть исследован с позиции региона, выступая как ресурс и источник регионального социально-экономического и культурного развития. Очевидно, что указанные два аспекта человеческого потенциала не всегда имеют одинаковый вектор применения и развития (люди имеют возможность перемещаться, «увозя» свой человеческий потенциал на другую территорию).

Важное значение как с позиции человека, так и с позиции региона имеет преобразование человеческого потенциала в человеческий капитал, поскольку именно он создает выгоды для индивида и является вкладом в развитие региона.

Ю.А. Дорошенко, М.С. Старикова, И.В. Сомина рассматривают «человеческий капитал региона как коммерциализируемый физический, образовательный, трудовой, экономический, предпринимательский, цифровой, новаторский ресурс, а также ресурс безопасности, которым характеризуется население территориального субъекта» (Дорошенко и др., 2019), а А.Л. Кураков в своем исследовании определяет «человеческий капитал как оплаченный

[1] Параграф подготовлен д-ром экон. наук Н.М. Логачевой.

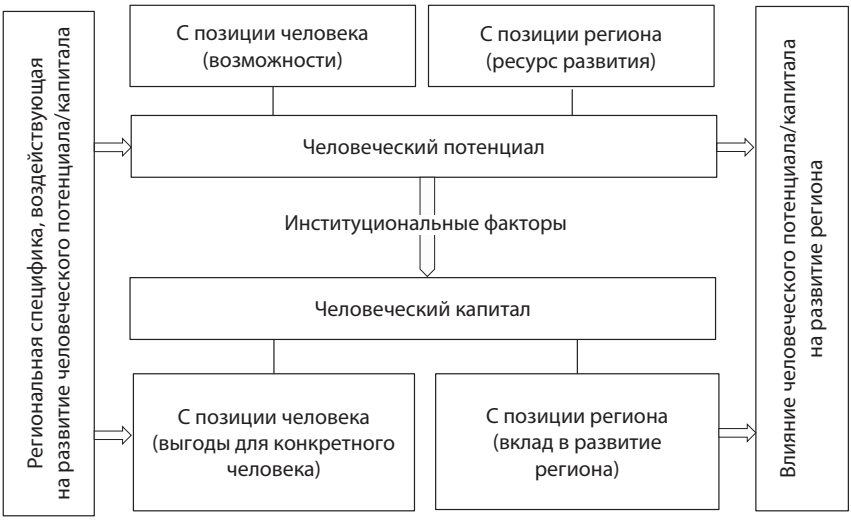

Рис. 1.2. *Категории «человеческий потенциал», «человеческий капитал» в исследовании регионального развития (источник: составлено автором)*

потенциал», утверждая при этом, что «в случае несоответствия уровня заработной платы уровню квалификации, навыкам, образованности, физическому состоянию человека человеческий капитал занижается» (Kurakov, 2011). Таким образом, может существовать «проблема несоответствия человеческого потенциала и капитала».

Для формирования и развития человеческого потенциала требуются определенные затраты, как региональные, так и индивидуальные, которые осуществляет сам индивид или домашнее хозяйство (их величина зависит от региона проживания и для многих приграничных регионов она выше). «Основными видами вложений в него считаются образование, охрана здоровья, миграция, воспитание подрастающего поколения» (Калугина, 2020).

На возможности реализации человеческого потенциала и превращения его в человеческий капитал, по мнению Е.Д. Цыреновой с коллегами, влияют институциональные факторы, которые иногда провоцируют отток населения из регионов (Цыренова и др., 2014).

Р. Капелюшников в своем исследовании 2013 г. выделил факторы, которые влияют на общую величину человеческого капитала в том или ином регионе: численность населения, гендерная и возрастная структура населения, продолжительность жизни, уровень образования, — и оценил рыночную часть человеческого капитала, использовав методику Д. Джоргенсона и Б. Фраумени, предполагающую

учет пожизненных заработков экономически активного населения (Капелюшников, 2013). По мнению Р. Капелюшникова, можно выделить следующие закономерности. Как правило, бóльшим запасом человеческого капитала обладают мужчины и в целом более образованные люди (их заработки выше), люди с высокой продолжительностью жизни и уровнем экономической активности. Таким образом, регионам, заинтересованным в развитии человеческого потенциала и преобразовании его в капитал, необходимо учитывать эти нюансы, имея в виду существование «синергического эффекта взаимодействия различных аспектов человеческого капитала, когда, к примеру, высокий уровень здоровья способствует более легкой обучаемости, а наличие мотивации и стремления может компенсировать недостаток практических умений» (McFadden, 2008).

Н. М. Сысоева, обозначая масштабы общей численности населения, проживающего в приграничной полосе Сибири и Дальнего Востока (в 2022 г. это 8,65 млн чел.), пишет, что для приграничных территорий «человеческий потенциал в настоящее время является главным стратегическим ресурсом, способным обеспечить эффективное посредничество для внутренних регионов страны при выходе во внешний мир и равноправное сотрудничество в трансграничной зоне» (Сысоева, 2024).

Говоря об институциональных аспектах российского приграничья, отметим, что они отражены в федеральных законах[1], и, согласно действующему законодательству, «приграничные субъекты Российской Федерации — это субъекты РФ, территории которых прилегают к Государственной границе Российской Федерации»[2], а следовательно, «они выполняют особые геополитические и геоэкономические функции» (Архипова, Горохова, 2023), оказывая влияние, в том числе, на безопасность границ.

Исследователи, изучая приграничные регионы, расположенные в разных частях страны, выделяют специфику их человеческого потенциала, рассматривая различные аспекты его влияния на территорию.

Так, В. А. Толкунов утверждает, что в Брянской области «естественная убыль и миграционный отток населения из-за низкого уровня жизни в регионе создают угрозу экономической стабильности»

[1] Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 04.11.2022 № 427-ФЗ).

[2] Федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об основах приграничного сотрудничества».

(Толкунов, 2021). В исследовании выявлено, что по уровню образования лиц, занятых в экономике, и охвату населения высшим образованием область имеет отставание. Продолжают эту тему Г.Ю. Гагарина и Л.С. Архипова. Анализируя человеческий потенциал приграничных регионов и его влияние на экономическую безопасность, они используют для оценки ряд индикаторов, характеризующих численность населения, состав занятого населения по уровню образования, движение населения, уровень бедности, который, по их мнению, при необходимости может быть расширен. По результатам оценки выделены негативные факторы, влияющие на потенциал экономической безопасности приграничных регионов РФ, среди которых растущая депопуляция и миграционный отток, способствующие снижению удельного веса населения в трудоспособном возрасте, высокий уровень бедности. В качестве преимуществ человеческого потенциала приграничных регионов выделены «значительный количественный потенциал населения, составляющий 55 млн чел., и высокий образовательный уровень населения» (Гагарина, Архипова, 2023).

Типологизация приграничных регионов по критерию экономической безопасности на ведущие и отстающие в контексте влияния человеческого потенциала демонстрирует дифференциацию регионов: «ведущие приграничные регионы, в числе которых находятся дальневосточные субъекты Российской Федерации — Приморский край и Амурская область, с мощным промышленным развитием, где размещаются крупные промышленные производства, обеспечивающие потребности внутреннего рынка, и отстающие, которые отличает сельскохозяйственная специализация, недостаточное инвестирование обрабатывающей промышленности и объективные исторические причины»(Архипова, Горохова, 2023).

Очень острая ситуация в сельских приграничных территориях подтверждается исследованием Л.В. Логинова: «Миграционный исход сельских жителей в города приводит к снижению численности сельского населения, ухудшению качественного состава человеческих ресурсов села, представляет угрозу безопасности, так как сопровождается расширением малонаселенных пространств, требующих нового освоения» (Логинова, 2022). Таким образом, спецификой социально-экономического развития приграничных территорий является «высокая пространственная неоднородность и высокая степень концентрации человеческого и экономического капитала в пределах агломераций» (Яковенко, Чугунова, 2022).

С.Г. Максимова с коллегами в рамках исследования провели экспертный опрос, охватывающий мнения 170 экспертов «по 50 индикаторам, описывающим различные структурные элементы регионального человеческого капитала и его статические и динамические характеристики» в шести приграничных регионах: Алтайском крае, Хабаровском крае, Республике Бурятия, Белгородской, Воронежской, Челябинской областях. «Эксперты выделяли проблемы нехватки высококвалифицированных рабочих мест, низких доходов (зарплат) и в целом низкого уровня жизни населения», что отрицательно влияет на сохранение человеческого капитала в приграничье (Максимова и др., 2022 б). Л.В. Логинова, В.В. Щебланова, акцентируя свое исследовательское внимание на другом приграничном регионе (Саратовской области), приходят к аналогичному выводу, заявляя, что «приграничные регионы по основным параметрам качества жизни отстают от центральных районов страны, что выступает сдерживающим для региона фактором сохранения местного населения и закрепления на его территории мигрантов» (Логинова, Щебланова, 2023).

Одним из индикаторов экономического и социального благополучия региона можно считать приток населения, которое «голосует ногами». Казалось бы, в силу близости к территории других стран, именно приграничные территории могут иметь преимущество в этом смысле. Однако, исследование регионов, имеющих общую границу с Республикой Казахстан, проведенное в 2021 г. М.А. Троянской, показывает, что в большинстве из них «наблюдается отрицательный миграционный прирост, а также в этих регионах довольно значительны межрегиональные перемещения» (Троянская, 2021). Приграничные регионы «теряют население более высокими темпами, чем в среднем по стране, при этом коренные жители замещаются ориентированными на переезд иностранными мигрантами» (Яськова, 2021). То есть, несмотря на то, что «стратегия пространственного развития среди задач, связанных с приоритетными геостратегическими территориями, упоминает об усилении приграничного сотрудничества приграничных субъектов с сопредельными странами» (Сысоева, 2024), по мнению некоторых исследователей, приграничные регионы используются в качестве «перевалочной базы» для продвижения в глубь страны (приезжающие иностранные мигранты не планируют «осесть» в приграничных регионах и вести там трудовую жизнь, а нацелены на «временное пребывание с целью получения правового статуса») (Логинова, Щебланова, 2023).

Проблемы приграничных субъектов РФ, связанные с низким социально-экономическим развитием, отсутствием достаточных инфраструктурных инвестиций, приводят к тому, что ряд ученых характеризуют эти регионы как «зоны периферийности», «окраинности» (Попкова, 2019), некоторые из которых «находятся на грани полного обезлюдивания» (Бийжанова, 2018).

Огромное значение качественного человеческого потенциала для приграничных регионов предопределяется спецификой, связанной с тем, что на их территории происходит «взаимодействие между двумя культурами и политическими структурами» (Залесская, 2021), а «важная особенность приграничных регионов заключается в амбивалентности их статуса: с одной стороны, это, как правило, глубокая провинция, а с другой — политически значимый центр и важнейший узел взаимодействия двух соседних государств, двух соседних социумов, в результате которого образуется третий, промежуточный социум приграничья» (Симонян, Слуцкин, 2020).

Человеческий потенциал, включающий навыки, умения, здоровье, образование и пр., принадлежит людям и отличается в зависимости от возраста человека, его готовности развиваться и самосовершенствоваться. Возрастная структура населения регионов существенно ограничивает или расширяет возможности регионов по увеличению человеческого потенциала. Демографическим (а в дальнейшем и трудовым) потенциалом приграничных регионов является молодежь. Оканчивая школу, молодые люди принимают решение, где учиться и, следовательно, жить в годы получения образования следующей ступени. На этапе выбора жизненного пути у них формируются профессиональные цели и амбиции, жизненные ориентиры и устремления, которые могут быть реализованы не только в России, но и в других странах.

Результаты исследования приграничной зоны Дальнего Востока, а именно Хабаровского, Приморского, Забайкальский краев, Амурской и Еврейской автономных областей, представленные в статье С.С. Халиковой, показали, что «возможности реализации стратегии жизненного успеха, семейной самореализации молодежь видит, в том числе, и за пределами российских границ, в том числе в Китае». Автор подтверждает, что, наряду с другими, «фактор приграничья оказывает непосредственное влияние на формирование жизненных стратегий дальневосточной молодежи» (Халикова, 2022). Это способствует тому, что «процесс сокращения доли молодежи в структуре населения идет более интенсивно, чем в среднем по России» (Березутский, 2019), ухудшая тем самым

демографическую структуру населения, что напрямую влияет на человеческий потенциал приграничья. Таким образом, исследования доказывают, что сама по себе близость границы, а также пространство межкультурного диалога, которое формируется в этих территориях, влияют на массовое сознание и повседневное поведение жителей приграничья, определяют их поведенческие стратегии, чаще способствуя поиску миграционных возможностей (Симонян, Слуцкин, 2020). При этом отметим длительность процессов депопуляции и миграционного оттока населения, подтверждаемую данными, представленными С.В. Соболевой и соавт., посвятившими свое исследование оценке преимуществ и угроз, с которыми сталкивается сибирское приграничье в процессе воспроизводства и формирования человеческого потенциала (Соболева и др., 2013).

Потери человеческого потенциала и капитала приграничных регионов связаны не только с миграцией, но и рядом демографических особенностей. В частности, З.И. Калугина, изучая человеческий потенциал развития приграничных регионов Сибири, указывает, что «все сибирские регионы (за исключением Омской и Новосибирской областей) имеют более низкие показатели долголетия, здесь расположены зоны экстремально высокой смертности». Среди основных причин наиболее значимыми являются «неблагоприятные природно-климатические условия, сложная экологическая ситуация, низкая социальная и территориальная доступность качественных медицинских услуг и зон отдыха» (Калугина, 2020).

Неоспоримо, что здоровье — один из важнейших факторов, влияющих на качество человеческого капитала. В свою очередь, на само здоровье влияет не только генетика, но и образ жизни человека, экология и возможности получить медицинское обслуживание (Киселева, 2015). Достаточно масштабное социологическое исследование, посвященное изучению здоровья и здоровьесберегающего поведения населения приграничных регионов (Алтайский, Хабаровский края, Республика Бурятия, Белгородская, Воронежская, Челябинская области), проведенное научным коллективом Алтайского государственного университета на основе опроса 3000 человек, показало, что население старается вести здоровый образ жизни, стремясь сохранить и улучшить свое здоровье (Борисова, Шахова, 2021). Однако, возможности населения приграничных территорий по поддержанию здоровья и человеческого потенциала в целом неодинаковы. Например, в сибирских приграничных регионах «неравенство в доходах вызывает неравенство в уровне, структуре и качестве потребления, что четко

прослеживается в дифференциации затрат <...> на образовательные, медицинские и рекреационные услуги» (Калугина, 2020). Ситуация осложняется недостаточном уровнем развития социальной инфраструктуры, низкой социальной и территориальной доступностью ее услуг. Неблагоприятные природно-климатические и экологические условия также оказывают негативное влияние на здоровье населения, а отдаленность от более благоприятных климатических мест рекреации и отдыха требует значительно больших затрат, чем в европейской части России. В целом подобные территориальные особенности ряда приграничных регионов приводят к низкому качеству жизни населения. Как следствие, в приграничье наблюдается потеря населения (а вместе с ним и человеческого капитала) в силу миграционных и демографических причин.

Дополнительными факторами, сдерживающими возможности развития и удержания человеческого потенциала в приграничных регионах, являются монопрофильность хозяйственной деятельности (часто связанная с привязкой к ресурсам региона и ограничивающая профессиональную самореализацию населения), недостаточно развития транспортная инфраструктура, что связано с особенностями рельефа и протяженности территорий), географическая удаленность от крупных центров, затрудняющая доступ к социально-культурным, досуговым и прочим объектам (Архипова, Горохова, 2023).

Еще одной особенностью развития человеческого капитала приграничных регионов являются институциональные ограничения. Ряд исследований подтверждают этот тезис. Так, в работе «Вклад человеческого капитала в региональное развитие: экспертные оценки структурных компонентов и институциональных условий в российском приграничье» авторы констатируют, что «системные противоречия, проявляющиеся во взаимозависимости человеческого капитала и функционирования социальных институтов», не позволяют части приграничных регионов (в частности, регионам, расположенным на востоке России) «поддерживать человеческий капитал населения на высоком уровне и в полной мере его использовать для регионального развития» (Максимова и др., 2022 а).

Говоря о значении человеческого капитала для экономики региона, выделим ряд позиций:

1) переход к инновационному типу развития и цифровизации невозможен без качественного человеческого капитала (Атясова и др., 2022). Роль человека и его готовности к цифровой трансформации и к цифровым изменениям, происходящим как в промышленной, так и в социальной сферах, невозможно не учитывать,

о чем заявляется в Концепции социально-экономического развития страны на период до 2030 г.[1];

2) «функционирование человеческого капитала будет определять в целом уровень развития региональных и национальных экономических систем. В этом, в частности, заключается „эффект перелива", „эффект масштаба"» (Черепанова и др., 2022);

3) «эффективность инвестирования в человеческий капитал определяется оценками его количественного вклада в экономический рост» (Глазьев, 2010) не только региона, но и страны в целом, что долгие годы задает тренд на учет количественных и качественных характеристик человеческого капитала при формировании стратегий развития;

4) глобальная конкурентоспособность и необходимость проведения импортозамещения в условиях прогресса в информационных и наукоемких отраслях ориентирована на интеллектуальный потенциал, который имеет население регионов и страны. Ограничения, связанные с ним, могут существенно снизить стратегически важные цели или замедлить их достижение (Максимова и др., 2022 б).

Для реализации и усиления этих направлений влияния человеческого потенциала на развитие региона приграничные территории могут также использовать потенциал трансграничности, однако его учет при разработке региональных программ недостаточен, например, «сотрудничество в сфере малого бизнеса ограничивается не только наличием границы, но бюрократическими преградами взаимопроникновению на местные рынки» (Дорошенко, 2020), а «возможности приграничного соседства не реализуются, программы приграничного сотрудничества носят декларативный характер» (Карпенко и др., 2021). Следовательно, институциональные нормы требуют внимания и могут выступать направлением, способствующим улучшению и расширению возможностей населения для реализации собственного человеческого потенциала на территории регионов проживания.

Проведенный обзор исследований позволяет утверждать, что приграничные регионы России характеризуются множеством специфических черт, которые влияют на их социально-экономическое развитие. Во-первых, эти территории часто сталкиваются с проблемами депопуляции и миграционного оттока населения. Низкий уровень

[1] Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=447895#V7vtPQUiwnjlfUAE (дата обращения: 19.08.2024).

жизни, недостаток рабочих мест и ограниченный доступ к качественным услугам приводят к тому, что молодые люди покидают свои родные места в поисках лучших возможностей. Во-вторых, приграничные регионы могут быть подвержены негативным социальным явлениям (в частности, обезлюдивание), что создает дополнительные препятствия для формирования полноценного человеческого капитала. В-третьих, географическое положение этих регионов открывает возможности для международного сотрудничества и интеграции, однако часто это сотрудничество ограничивается бюрократическими преградами и недостаточной инфраструктурой. Эффективное использование приграничного положения может стать важным фактором для повышения уровня жизни населения и стимулирования экономического роста.

Представленные в главе результаты подтверждают, что развитие человеческого потенциала в приграничных регионах России требует комплексного подхода с учетом всех специфических особенностей этих территорий. Необходимо инвестировать в образование, здравоохранение и создание рабочих мест для повышения качества жизни населения. Эффективное использование имеющихся ресурсов может стать основой для устойчивого развития этих регионов и повышения их конкурентоспособности на международной арене.

Выделенная нами специфика приграничных регионов позволила сформулировать некоторые положения, важные с позиций дальнейшего исследования.

1. В исследовании из всех регионов РФ типологически выделены приграничные регионы. Группа этих регионов значительна, учитывая самую большую (по сравнению с другими странами) протяженность границ РФ.

2. Констатируется большая дифференциация приграничных регионов по их социально-экономическому положению, которая обусловлена фундаментальными (в том числе общими для регионов) и особыми региональными факторами.

3. Анализ и обобщение общих и региональных факторов, влияющих на человеческий потенциал и развитие приграничных регионов, привел к необходимости использования типологии приграничных регионов на макрорегионы по двум критериям: географическому признаку и сопредельным территориям (границам с зарубежными странами), что отражено в следующей главе монографии.

2. КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

2.1 Об оценке человеческого потенциала приграничных регионов России[1,2]

Актуальность изучения человеческого потенциала на приграничных территориях РФ обусловлена его ключевой ролью в обеспечении устойчивого социально-экономического развития, поскольку он выступает как производственный ресурс, как фактор конкурентоспособности регионов (Артемова, Меленькина, 2024).

В условиях контрсанкционного взаимодействия соседних стран трансграничное сотрудничество будет нарастать (Артемова и др., 2023). При этом важно понимать, что в «европейских» и «азиатских» приграничных регионах сосредоточен значительный человеческий капитал, сокращение которого, снижение его воспроизводства недопустимо (Артемова, Меленькина, 2024). При нарастании демографических проблем пространственное развитие приграничных территорий является одной из приоритетных задач развития Российской Федерации (Маханькова, 2023). В связи с этим актуализируются вопросы изучения человеческого потенциала приграничных регионов России (Артемова, Меленькина, 2024).

Приграничные регионы, как правило, характеризуются периферийным положением, ослабленными институциональными связями, дифференцированным доступом к социальной инфраструктуре, в том числе к образованию, а также повышенной миграционной мобильностью.

В научных публикациях по данной тематике рассматриваются проблемы развития приграничных территорий применительно к азиатской и европейской частям России. Они во многом имеют схожий характер. Многие приграничные регионы РФ уступают внутренним субъектам по возможностям социально-экономического развития. Поднимаются проблемы дифференциации приграничных регионов и макрорегионов, значительных различий между

[1] Параграф подготовлен д-ром экон. наук О. В. Артёмовой.

[2] Артемова, О. В., Нестеренко, И. Ю., Меленькина, С. А., Гончарова, О. К. (2025). Человеческий потенциал приграничных макрорегионов РФ: условия и возможности развития. *Векторы благополучия: экономика и социум, 53* (2), 99–119. https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1991

субъектами по потенциалу развития (Артемова, Меленькина, 2024; Клемешев, 2021; Студентова, 2020).

Демографический аспект присутствует во многих публикациях по проблемам приграничных территорий. Так, А.А. Соколов, О.С. Руднева, анализируя демографические процессы в азиатской части РФ, отмечают, что, к примеру, в российско-казахстанском приграничье с обеих сторон имеет место схожая как по своей направленности, так и по основным показателям демографическая ситуация. При этом лидерами роста по численности населения являются преимущественно ресурсодобывающие регионы (Соколов, Руднева, 2023; Студентова, 2020). Е.С. Кузнецова и Т.Ю. Кузнецова исследуют демографическую ситуацию в регионах РФ, граничащих со странами ЕС (Кузнецова, 2023; Кузнецова, 2018).

В исследованиях В.А. Крюкова, А.О. Баранова, Ю.М. Слепенковой анализируются общие тенденции в динамике населения азиатской части России, что отражается в движении человеческого капитала. При этом выдвинута и подтверждена гипотеза о потерях приграничных территорий от выбытия населения, которые не компенсируются выигрышем от прибытия (Крюков и др., 2021).

В работе (Авдашкин, 2022) выявлены количественные и качественные параметры миграции из Казахстана, а также рассматривает роль фронтира в миграционных процессах на Южный Урал.

С.В. Мурашева (2019) акцентирует внимание на эффектах вынужденной миграции, исследуя последствия переселения населения с востока Украины в регионы России.

Особое внимание уделяется трансграничному сотрудничеству, в частности, российско-белорусским отношениям. В работах авторов (Абрамов и др., 2020; Иванов, Данилюк, 2021) рассматриваются различные аспекты социально-экономического взаимодействия приграничных регионов России и Беларуси.

Зарубежные авторы также уделяют внимание приграничным процессам. Так, A. Hamed et al. (2024), G. Bedianashvili et al. (2024) и S. Liang (2024) изучают влияние человеческого капитала на приграничную торговлю, выявляя взаимосвязь между уровнем образования населения и экономической активностью в пограничных регионах (Артемова, Меленькина, 2024).

J. Anderson & S. Yeda (2024), R. Dhungel (2023) акцентируют внимание на территориальной дифференциации и проблемах урбанизированных и сельских приграничных районов. Кроме того, работы U. Hidayah et al. (2024), T. Chu & V. Duong (2024), и S. Saryglar (2023) анализируют влияние демографических изменений и трансграничного

сотрудничества на социальную стабильность и экономическое развитие (Артемова, Меленькина, 2024).

В зарубежных исследованиях демонстрируются схожие тенденции, подтверждая, что развитие человеческого капитала играет ключевую роль в экономическом росте как в приграничных, так и в глубинных регионах. В свою очередь, трансграничные исследования акцентируют внимание на особенностях взаимодействия сопредельных территорий, подчеркивая влияние миграции и торговых процессов на экономическое развитие (Артемова, Меленькина, 2024).

Анализ представленных исследований позволяет сфокусироваться на приграничных территориях РФ, изучая демографию, миграцию и экономическую динамику в зонах, расположенных на границах с сопредельными государствами (Артемова, Меленькина, 2024).

Принято считать приграничной территорией ту, которая имеет государственную границу с субнациональными административными единицами — региональными (субъектами Федерации) или муниципальными (районы в составе регионов) (Артемова, Меленькина, 2024). По информации, представленной Л.Г. Осмоловской, приграничные регионы играют значительную роль в развитии страны, они обеспечили в 2019 г. 43 % совокупного производства ВРП субъектов РФ. Однако это меньше, чем их доля в населении страны (50,6 %), и в расчете на душу населения ВРП составляет 85 % от среднего по России уровня (Осмоловская, 2016).

В ранее проводимых исследованиях (Артемова и др., 2023; Артемова, Меленькина, 2024) авторами монографии были разработаны подходы к изучению приграничных территорий, в том числе алгоритм анализа приграничных регионов в составе макрорегионов, который использовался при подготовке данного исследования. В частности, применялся ранее разработанный алгоритм исследования и оценки человеческого потенциала приграничных территорий применительно к отдельным регионам (например, Российско-Казахстанское приграничье (Артемова и др., 2023; Артемова, Меленькина, 2024)). В монографии использовались эти наработанные подходы, но отличие данного исследования заключается в том, что в нем присутствует масштабный охват приграничных территорий: все приграничные регионы, объединенные в макрорегионы, применительно к европейской и азиатской частям страны. Именно такой охват российского приграничья позволил провести сравнительный анализ возможностей развития

человеческого потенциала в разрезе макрорегионов применительно к европейской и азиатской частям РФ.

Авторы под макрорегионом понимают часть территории РФ, которая включает территорию двух или более субъектов РФ, имеющих границу с иностранным государством. Выделение таких макрорегионов требуется для разработки отдельных направлений, целей и задач выстраивания стратегии развития приграничных территорий на основе реализации человеческого потенциала (Артемова, Меленькина, 2024). Именно такой подход применялся в данном исследовании.

В европейской части были выделены три приграничных макрорегиона: Прибалтийский приграничный макрорегион (пять регионов), Центральный приграничный макрорегион (восемь регионов), Южный приграничный макрорегион (семь регионов) (Артемова, Меленькина, 2024).

В азиатской части рассматривались следующие макрорегионы: Российско-Казахстанский приграничный макрорегион (13 регионов РФ), Российско-Китайский приграничный макрорегион (шесть регионов РФ), Российско-Монгольский приграничный макрорегион (четыре региона РФ) (Артемова, Меленькина, 2024). Приграничные территории в Арктике в данное исследование не вошли, т. к. требуют отдельного более детального анализа. Также не рассматривался единственный регион, граничащий с КНДР, — Приморский край — в силу того, что Российско-Северокорейская граница невелика: длина ее сухопутного участка составляет 17 км.

Принимая во внимание анализ достоинств и недостатков представленных в первой главе подходов и методик к оценке человеческого потенциала, а также региональные особенности человеческого потенциала, можно сделать вывод, что для исследования этого явления на региональном уровне и межрегиональных сопоставлений предпочтительными являются количественные показатели, обеспечивающие возможность достоверного сравнения. Эта особенность также влияет и на выбор сфер, наиболее точно и полно отражающих человеческий потенциал на региональном уровне. Это экономика, демография и социальная сфера.

В исследовании использован алгоритм анализа приграничных регионов, который предусматривал следующее.

1. Характеристика приграничных регионов России.

2. Типологизация регионов по географическому признаку, выделение макрорегионов в целях данного исследования.

3. Определение направлений исследования (блоков) по каждому макрорегиону в целом и по отдельным регионам: экономического, демографического, социального (здравоохранение, образование), а также анализ результирующих показателей.

4. Формирование системы показателей по каждому направлению для исследования макрорегионов.

5. Анализ ситуации по типам макрорегионов по выбранным направлениям исследования.

6. Анализ результирующих показателей.

Предложенный алгоритм был применен для анализа «европейских» и «азиатских» приграничных регионов.

Исследования проводились по трем направления (блокам), для которых была сформирована система показателей в рамках макрорегионов.

Блок 1. Экономические показатели приграничных регионов РФ в составе макрорегионов: ВРП на душу, инвестиции в основной капитал на душу населения.

Блок 2. Демографические показатели приграничных регионов РФ в составе макрорегионов: общая численность населения, трудоспособного населения; коэффициенты миграционного прироста.

Блок 3. Социальные показатели (здравоохранение, образование) приграничных регионов РФ в составе макрорегионов, по здравоохранению: коэффициенты рождаемости, прерывание беременности (число абортов); по образованию: выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (тыс. чел.), выпуск специалистов со средним профессиональным образованием (тыс. чел.), выпуск бакалавров, специалистов, магистров (тыс. чел).

В качестве результирующих показателей приграничных регионов РФ в рамках макрорегионов были рассмотрены продолжительность жизни при рождении, рейтинг КЖН (по данным РИА Рейтинг).

2.2 Анализ человеческого потенциала «европейских» приграничных регионов[1,2]

В рамках европейской части приграничных территорий для настоящего исследования были выделены три макрорегиона:

---

[1] Параграф подготовлен канд. экон. наук И. Ю. Нестеренко, О. К. Гончаровой.

[2] Артемова, О. В., Нестеренко, И. Ю., Меленькина, С. А., Гончарова, О. К. (2025). Человеческий потенциал приграничных макрорегионов РФ: условия и возможности развития. *Векторы благополучия: экономика и социум, 53* (2), 99–119. https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1991

Прибалтийский приграничный макрорегион (пять регионов), Центральный приграничный макрорегион (семь регионов), Южный приграничный макрорегион (семь регионов). Состав макрорегионов приведен в таблице 2.1. При этом Псковская область граничит с тремя зарубежными странами, отнесенными к разным приграничным макрорегионам. При анализе Псковская область вошла в один из выделенных макрорегионов по приоритету протяженности границы.

Общая характеристика приграничных регионов России с европейскими странами

Информация, необходимая для общей характеристики приграничных регионов России с европейскими странами, представлена в таблице 2.1.

В состав приграничных регионов европейского направления включены десять областей, восемь республик и один край из числа субъектов РФ (всего 19 субъектов РФ).

Границы регионов европейского направления с сопредельными государствами составляют всего 7580,3 км. Наибольшую протяженность имеет граница Республики Карелия с Финляндией — 723 км.

В среднем в РФ плотность населения составляет 8,5 чел./км^2. В европейских приграничных территориях РФ плотность населения выше в 2,7 раза и составляет 23 чел./км^2. Наибольшая плотность населения в Республике Ингушетия — 168,82 чел./км^2, в Чеченской Республике — 96,03 чел./км^2, наименьшая — в Республике Карелия: 2,9 чел./км^2.

Уровень урбанизации в среднем в РФ по переписи 2021 г. составил 74,8 %. В приграничных регионах России с европейскими странами наибольший уровень урбанизации в Мурманской области (94,33 %), Республике Карелия (80,71 %), наименьший — в Чеченской республике (37,21 %). Доля городского населения более 50 % — в 16 из 19 «европейских» приграничных регионов, что свидетельствует о высоком уровне урбанизации. Для сравнения, плотность населения в среднем в Финляндии составляет 18,4 чел./км^2, урбанизация в среднем в Финляндии — 73 % (2022 г.). Плотность населения в среднем в Азербайджане составляет 117 чел./км^2 (2023 г.), урбанизация в среднем в Азербайджане — 54,6 % (2022 г), плотность населения в среднем в Грузии составляет 54,79 чел./км^2, урбанизация в среднем в Грузии — 61,57 % (2023 г.).

Таблица 2.1

Общая характеристика приграничных регионов европейской части страны

Регион	Сопредельная страна	Доля протяженности границ с сопредельной страной в общей протяженности границ макрорегиона, %	Плотность населения, чел./км^{2*}	Доля городского населения, %**	Обозначение макрорегионов (МР)
Республика Карелия	Финляндия	25,01	2,90	80,71	МР1
Калининградская область	Польша Литва	8,02 9,70	68,36	76,54	МР1
Ленинградская область	Финляндия, Эстония	16,15 2,35	24,26	66,16	МР1
Мурманская область	Норвегия, Финляндия	6,77 4,70	4,53	94,33	МР1
Псковская область	Белоруссия, Латвия, Эстония	10,55 7,40 9,34	10,49	72,82	МР1
Белгородская область	Украина	15,49	55,31	66,86	МР2
Брянская область	Белоруссия, Украина	9,61 10,78	32,77	70,87	МР2
Курская область	Украина	7,03	35,37	69,58	МР2
Смоленская область	Белоруссия	13,28	17,36	74,57	МР2
Ростовская область	Украина	18,94	41,13	68,52	МР2
Воронежская область	Украина	2,78	43,54	69,39	МР2
Республика Крым	Украина	22,09	73,21	51,02	МР2
Краснодарский край	Абхазия	21,22	77,27	56,96	МР3

Окончание табл. 2.1 на след. стр.

Окончание табл. 2.1

Регион	Сопредельная страна	Доля протяженности границ с сопредельной страной в общей протяженности границ макрорегиона, %	Плотность населения, чел./км^{2*}	Доля городского населения, %**	Обозначение макрорегионов (МР)
Республика Дагестан	Азербайджан, Грузия	27,22 12,55	64,30	44,59	МР3
Республика Ингушетия	Грузия	3,74	168,82	53,16	МР3
Кабардино-Балкарская Республика	Грузия	10,86	72,61	51,85	МР3
Карачаево-Черкесская Республика	Грузия	29,07	32,80	41,41	МР3
Республика Северная Осетия-Алания	Грузия, Южная Осетия	8,11 6,15	85,00	63,82	МР3
Чеченская Республика	Грузия	6,98	96,03	37,21	МР3
средняя по России	—	—	8,53	74,80	—
в европейской части России	—	—	23,00	—	—

Примечания: *данные на 1 января 2023 г.; **данные на конец 2022 г.

Источник: составлено авторами по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 15.05.2024).

Типологизация регионов по географическому признаку, выделение макрорегионов в целях данного исследования

Для анализа была проведена группировка регионов по трём макрорегионам: Прибалтийский приграничный макрорегион (пять регионов) обозначен в анализе как макрорегион 1 (МР1), Центральный приграничный макрорегион (семь регионов) — макрорегион 2 (МР2), Южный приграничный макрорегион (7 регионов) — макрорегион 3 (МР3).

В макрорегионе 1 наибольшая протяженность границы у регионов России с Финляндией — 1326 км (46 % от общей протяженности границ макрорегиона 1). В макрорегионе 2 — с Украиной: 2695 км (77 % от границ макрорегиона 2). В макрорегионе 3 самая большая протяженность границ с Грузией — 858 км (71 % от границ макрорегиона 3).

Прибалтийский приграничный макрорегион (МР1)

Протяженность границы Прибалтийского макрорегиона — 2821,1 км. Прибалтийский приграничный макрорегион России включает пять субъектов РФ: Республику Карелия, Калининградскую, Ленинградскую, Мурманскую и Псковскую области. Границы проходят со странами: Финляндия, Норвегия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия. Необходимо отметить особенное расположение Калининградской области — она является анклавом, территориально разделенным с другими регионами России, ее границы проходят только с другими странами.

Российские территории Прибалтийского макрорегиона характеризуются высоким разбросом значений плотности населения. Калининградская область отличается высоким уровнем плотности населения — 68,36 чел./км^2 при среднем значении по европейской части России 23 чел./км^2, а в целом по России — 8,5 чел./км^2. Плотность населения Ленинградской области — 24,26 чел./км^2 — близка к среднему значению данного показателя по европейской части страны. Для Псковской области значение плотности населения (10,49 чел./км^2) более чем в два раза ниже показателя по европейской части страны, но немного выше среднероссийского значения. Мурманская область и Республика Карелия характеризуются низкой плотностью населения (4,5 чел./км^2 и 2,9 чел./км^2 соответственно).

Во всех российских регионах Прибалтийского макрорегиона преобладает городское население. Его доля в общей численности составляет от 66,13 % (Ленинградская область) до 94,33 % (Мурманская область).

Блок 1. Экономические показатели приграничных регионов РФ в рамках МР1 представлены в приложении Б.

ВРП на душу населения в среднем по Прибалтийскому макрорегиону и в 2013, и в 2022 гг. был ниже среднего значения по РФ, но выше средних значений по всем приграничным регионам и по всем «европейским» приграничным регионам (Артемова, Меленькина, 2024). Лидером среди регионов МР1 по данному показателю и в 2013 г., и в 2022 г. является Мурманская область, регионом-аутсайдером — Псковская область (рис. 2.1, 2.2).

Объемы ВРП на душу населения и в 2013 г., и в 2022 г. в четырех из пяти прибалтийских приграничных регионов (Мурманская, Ленинградская, Калининградская области и Республика Карелия) превышают средние значения по «европейским» приграничным регионам РФ. Выше среднего значения в целом по РФ объемы ВРП на душу населения были только в Мурманской области в 2022 г.

Соотношение между максимальным и минимальным значением ВРП МР1 в 2013 г. — 2,3 раза, в 2022 г. — 4,0. Увеличение дифференциации регионов МР1 произошло прежде всего из-за высоких темпов роста ВРП Мурманской области — в 4,3 раза, что более чем в 1,7 раза выше среднероссийских темпов роста ВНП.

Лидирующие позиции по объему инвестиций в основной капитал на душу населения в 2013 г. занимала Ленинградская область,

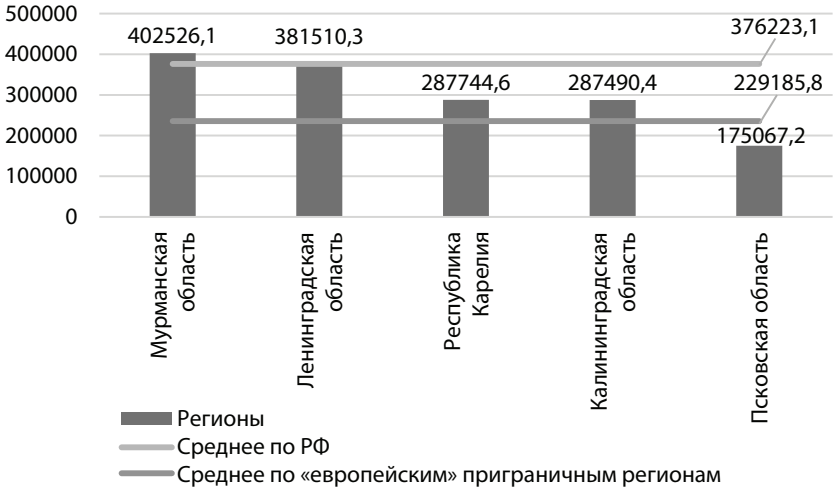

Рис. 2.1. *ВРП на душу населения в МР1 в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.2. *ВРП на душу населения в МР1 в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

в 2022 г. — Мурманская; регион-аутсайдер по данному показателю за оба периода — Псковская область (рис. 2.3, 2.4).

Ленинградская область занимала лидирующие позиции по объему инвестиций в основной капитал на душу населения и в 2013, и в 2022 г., ее показатели были выше среднероссийских значений. В 2022 г. также в Мурманской области данный показатель был выше среднероссийских значений. В 2013 г. три региона МР1 (Ленинградская, Мурманская, Калининградская области) показывали объемы инвестиции в основной капитал на душу населения выше уровня средних показателей по «европейским» приграничным регионам; в 2022 г. — четыре региона (Ленинградская, Мурманская, Калининградская области, Республика Карелия). Такие позиции прибалтийских приграничных регионов означают наличие сравнительно высокого инвестиционного потенциала относительно других приграничных регионов.

Инвестиционное обеспечение регионов МР1 за рассматриваемые годы увеличило дифференциацию. Об этом свидетельствует рост значений соотношения между максимальным и минимальным значениями показателей инвестиций на душу населения регионов: в 2013 г. оно составляло 3,3 раза, в 2022 г. — 5,8.

Графическая визуализация сопоставления экономических показателей МР1 со средними значениями по РФ, приграничным

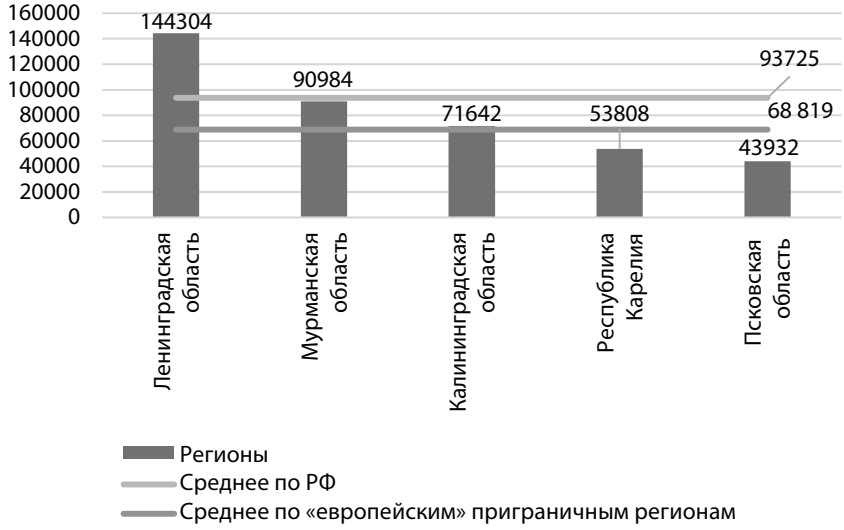

Рис. 2.3. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР1 в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

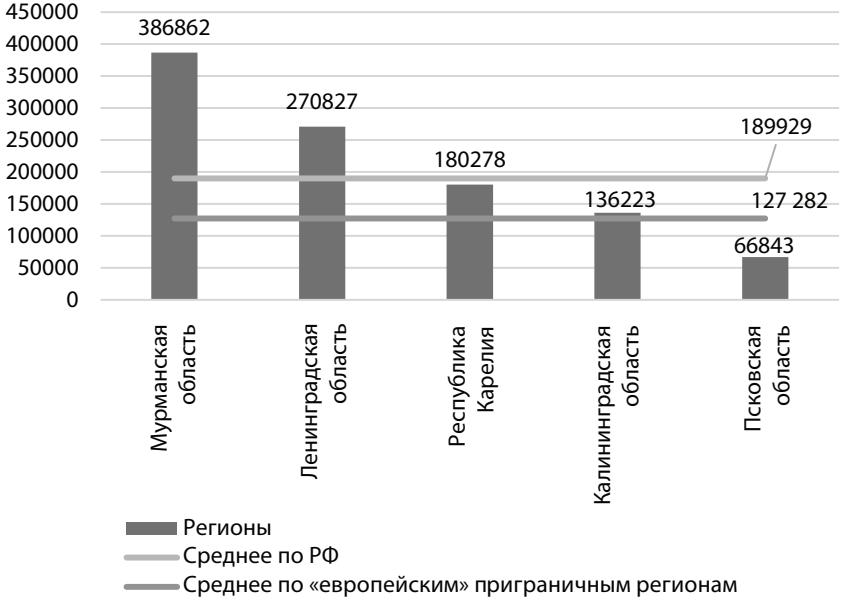
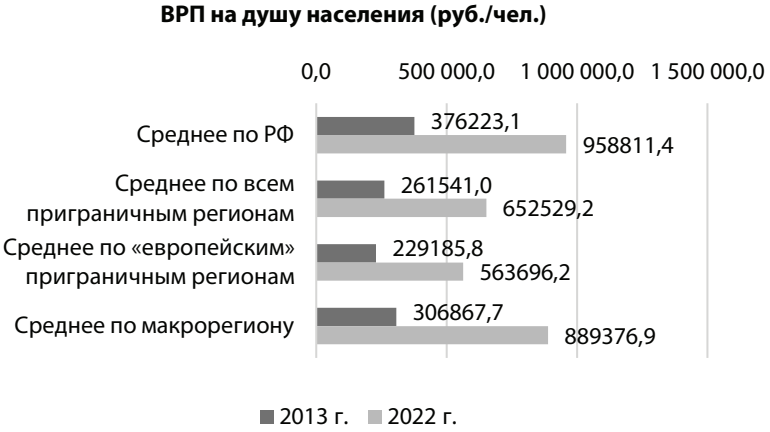

Рис. 2.4. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР1 в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.5.

Графическая иллюстрация позволяет проследить изменение средних показателей:

1) среднее значение ВРП на душу населения в 2022 г. по отношению к 2013 г. по РФ выросло в 2,55 раза; по приграничным регионам — в 2,5 раза; по «европейским» приграничным регионам — в 2,46 раза,

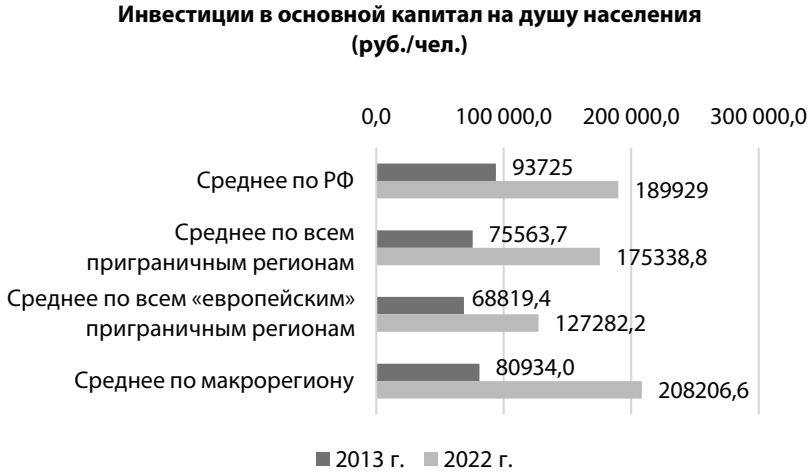

Рис. 2.5. *Сравнение экономических показателей МР1 со средними по РФ, со средними по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам (источник: составлено авторами)*

по макрорегиону МР1 — в 2,9 раза. Прирост среднего значения ВРП на душу населения по Прибалтийскому приграничному макрорегиону больше по сравнению со средними значениями по РФ, что привело к сокращению отставания относительно среднероссийского уровня;

2) среднее значение инвестиций в основной капитал на душу населения в 2022 г. по отношению к 2013 г. по РФ выросло в 2,0 раза, по приграничным регионам — в 2,3 раза, по «европейским» приграничным регионам — в 1,85 раза, по МР1 — в 2,57 раза. Прирост инвестиций в основной капитал на душу населения по Прибалтийскому приграничному макрорегиону больше по сравнению со средними значениями по РФ, и объемы инвестиций в основной капитал на душу населения МР1 в 2022 г. превысили среднероссийский уровень.

Блок 2. Демографические показатели приграничных регионов РФ в рамках МР1 представлены в приложении Б.

Численность населения РФ за период 2013–2022 гг. выросла на 2,0 %. В среднем по всем «европейским» регионам численность населения выросла чуть больше — на 3,2 %, а по Прибалтийскому макрорегиону меньше среднероссийского уровня — на 1,15 %. Прирост численности населения наблюдался в Калининградской и Ленинградской областях (на 7,5 и 13,2 % соответственно), а во всех остальных территориях МР1 имело место значительное снижение численности населения: в Республике Карелия на 14,6 %, в Мурманской области на 13,1 %, в Псковской области на 9,5 %.

Ленинградская область является регионом с наибольшей численностью населения в составе Прибалтийского приграничного макрорегиона. С 2013 по 2022 г. доля данного региона в численности населения МР1 выросла с 37,2 до 41,7 %. Наименьшая численность населения наблюдается в Республике Карелия. При этом доля данного региона в общей численности населения МР1 в 2022 г. по сравнению с 2013 г. снизилась с 13 до 11 %.

Сравнение регионов по численности населения со средним значением по «европейским» приграничным регионам в 2013 г. и в 2022 г. показало: значение показателя ниже среднего в трёх регионах, выше — в двух регионах (рис. 2.6, 2.7).

Численность населения в трудоспособном возрасте в среднем по всем «европейским» приграничным регионам незначительно выросла (на 0,57 %) в 2022 г. по сравнению с 2013 г. По регионам Прибалтийского приграничного макрорегиона в целом наблюдается снижение данного показателя. Существенное снижение численности трудоспособного населения произошло в Республике Карелия (на 24,1 %), в Мурманской области (на 19,6 %) и в Псковской

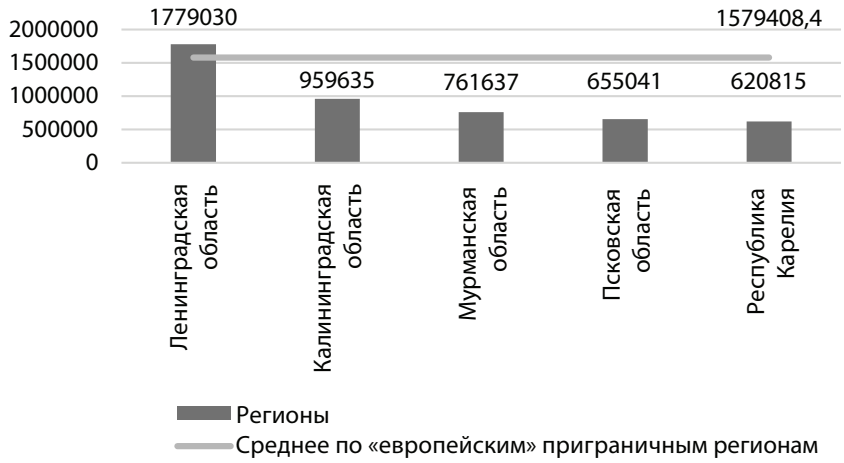

Рис. 2.6. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках MP1 в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

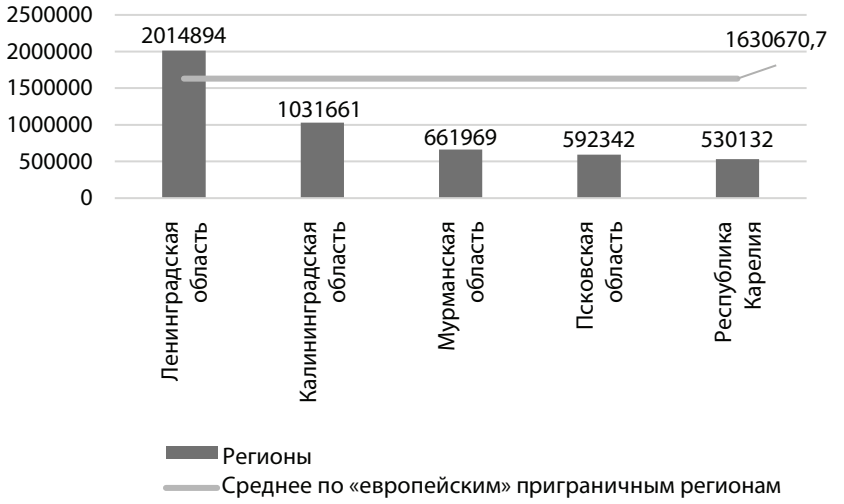

Рис. 2.7. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках MP1 в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

области (на 14,3 %). Рост численности трудоспособного населения наблюдается в Калининградской области (на 4,1 %) и особенно в Ленинградской области (на 16,4 %). В результате снижения численности трудоспособного населения по всем средним значениям

и по всем регионам МР1 (за исключением Ленинградской области) произошло снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения МР1 (рис. 2.8, 2.9).

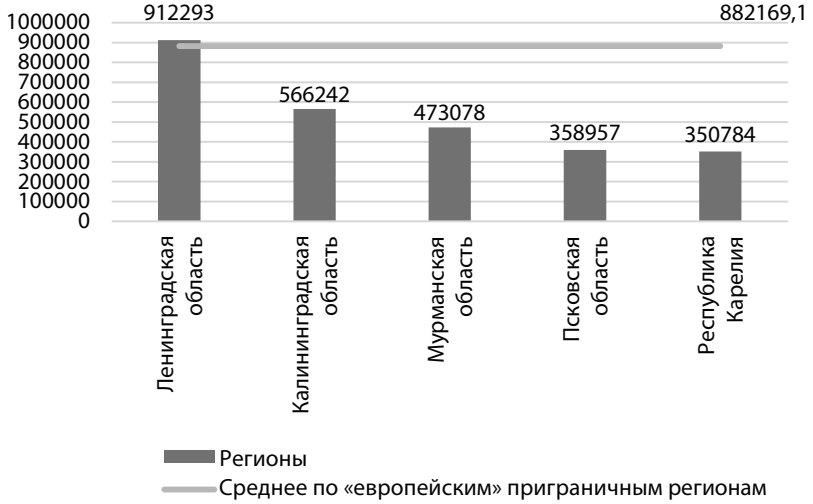

Рис. 2.8. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках МР1 в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

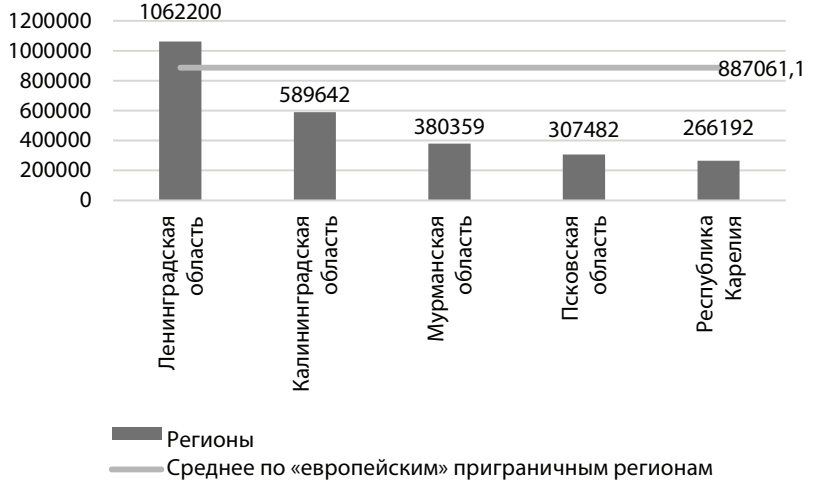

Рис. 2.9. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках МР1 в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Коэффициенты миграционного прироста в 2013 и 2022 гг. в среднем по РФ были положительные, по приграничным регионам и «европейским» приграничным регионам — отрицательные. По Прибалтийскому приграничному макрорегиону в целом в 2013 г. был отрицательный миграционных прирост, а в 2022 г. — положительный (Артемова, Меленькина, 2024). Миграционный прирост на территории МР1 отмечался и в 2013, и в 2022 гг. в двух регионах — в Ленинградской и Калининградской областях (максимальный — в Ленинградской области), а в 2022 г. также в Республике Карелия (рис. 2.10, 2.11).

Далее представлена графическая визуализация сопоставления демографических показателей макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам (рис. 2.12).

Графическая иллюстрация позволяет проследить изменение соотношения численности всего населения и его трудоспособной части:

а) происходит снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения в среднем по РФ: в 2013 г. трудоспособное население составляло 57,8 %, в 2022 г. — 55,7 %;

б) по приграничным территориям РФ также происходит снижение доли трудоспособного населения с 57 % в 2013 г. до 54,4 % в 2022 г.;

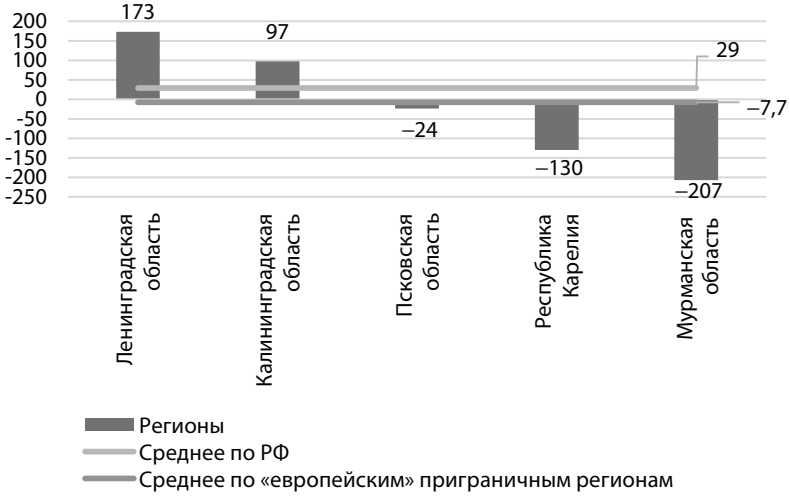

Рис. 2.10. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МР1 в 2013 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

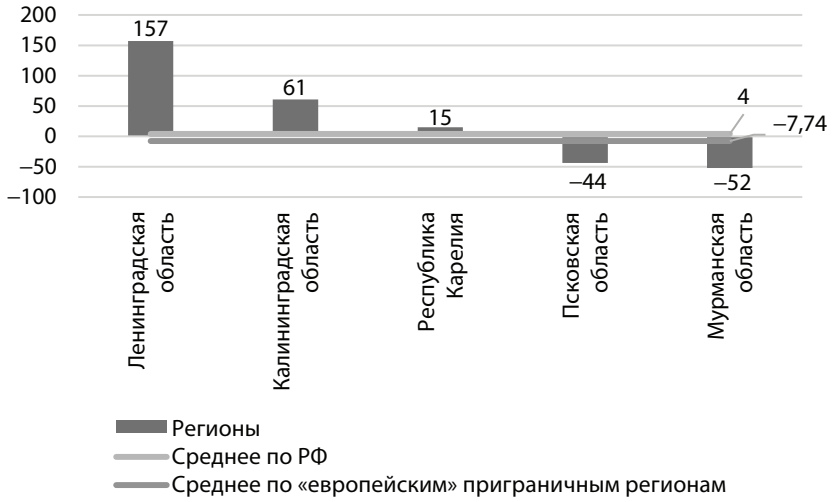

Рис. 2.11. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МР1 в 2022 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.12. *Динамика численности всего населения и численности населения в трудоспособном возрасте в рамках МР1 (источник: составлено авторами)*

в) по приграничным «европейским» территориям доля трудоспособного населения с 2013 по 2022 г. снизилась с 55,85 до 54,4 %;

г) по Прибалтийскому приграничному макрорегиону доля трудоспособного населения с 2013 по 2022 г. снизилась с 55,7 % в 2013 г. до 53,4 % в 2022 г. Из пяти субъектов РФ данного макрорегиона доля трудоспособного населения выросла только в Ленинградской области — с 51,3 до 52,7 %, при этом показатель доли трудоспособного населения Ленинградской области остается ниже всех средних значений (по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам).

Графическая визуализация сопоставления показателей миграционного прироста макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.13.

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей миграционного прироста. Миграционные потоки в Прибалтийском приграничном макрорегионе являются разнонаправленными по годам.

Блок 3. Показатели в социальной сфере приграничных регионов РФ в МР1 представлены в приложении Б.

Показатели рождаемости во всех прибалтийских приграничных регионах и в 2013, и в 2022 г. были ниже средних показателей по РФ в целом, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Изменение коэффициентов рождаемости за период 2022/2013 гг. находилось в зоне отрицательных значений по всем сравниваемым показателям на всех

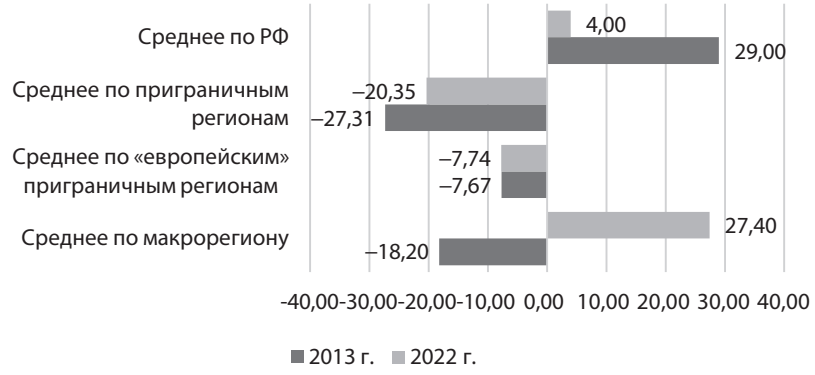

Рис. 2.13. *Сравнение коэффициентов миграционного прироста регионов со средними по РФ, со средними по МР1 (источник: составлено авторами)*

территориях, но можно отметить, что в регионах МР1 снижение коэффициентов рождаемости было немного ниже, чем в среднем по РФ, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам.

Лидером по рождаемости в 2013 г. была Калининградская область, но для этой территории характерно и максимально снижение рождаемости в 2022/2013 гг. В 2022 г. на лидирующих позициях по рождаемости была Мурманская область. Регионом-аутсайдером по рождаемости и в 2013, и в 2022 гг. была Ленинградская область (рис. 2.14, 2.15).

Показатели прерывания беременности значимо снизились с 2013 по 2022 гг. по всем анализируемым территориям. Снижение числа абортов на 1000 женщин 15–49 лет в среднем по РФ, приграничным территориям, «европейским» приграничным территориям, прибалтийским приграничным территориям составило от 46 до 50 %. На уровне макрорегиона выше средних по РФ были показатели прерывания беременности в 2013 г. в трёх регионах (Калининградской, Псковской областях, Республике Карелия), в 2022 г. — также в трёх регионах (Мурманской, Псковской областях, Республике Карелия). По снижению числа абортов за период

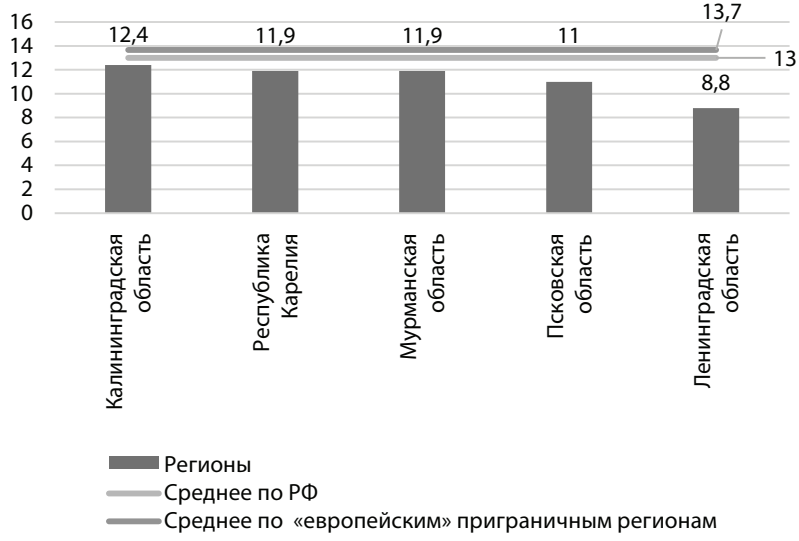

Рис. 2.14. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МР1 в 2013 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

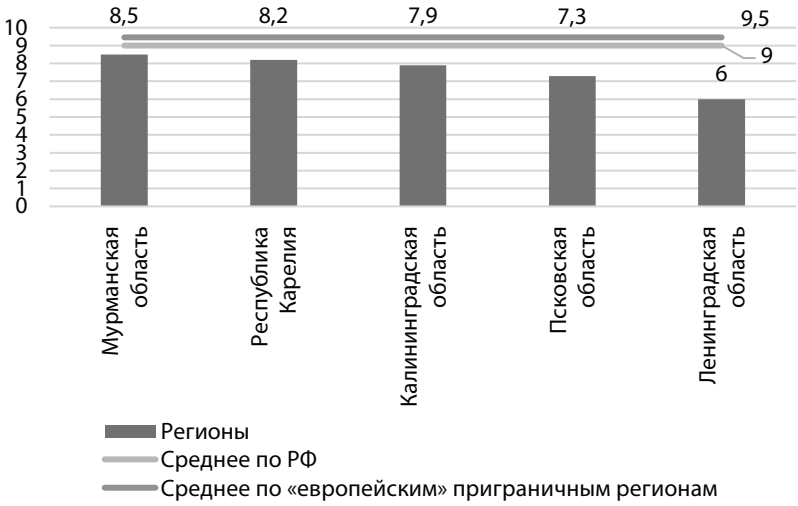

Рис. 2.15. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МР1 в 2022 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

2022/2013 гг. выше средних значений по РФ были показатели в четырёх регионах (Калининградской, Ленинградской, Псковской областях, Республике Карелия) (рис. 2.16, 2.17).

По уровню рождаемости дифференциация регионов в Прибалтийском приграничном макрорегионе и в 2013 г., и в 2022 г. не изменилась и составляла 1,4 раза, по показателю прерывания беременностей в 2013 г. — 1,7 раза, в 2022 г. — 1,9 раза, т. е. несколько возросла.

Графическая визуализация сопоставления показателей здравоохранения макрорегиона со средним значением по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.18.

Графическая иллюстрация позволяет проследить изменение средних показателей сферы здравоохранения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. и сделать следующие выводы.

1. Снижение уровня рождаемости наблюдается в среднем по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям, по Прибалтийскому приграничному макрорегиону.

2. В Прибалтийском приграничном макрорегионе уровень рождаемости был за оба года ниже средних показателей: по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным

территориям. Это свидетельствует о снижении человеческого потенциала Прибалтийского приграничного региона в целом и по сравнению с другими регионами России.

Рис. 2.16. *Число прерываний беременности в приграничных регионах РФ в рамках МР1 в 2013 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

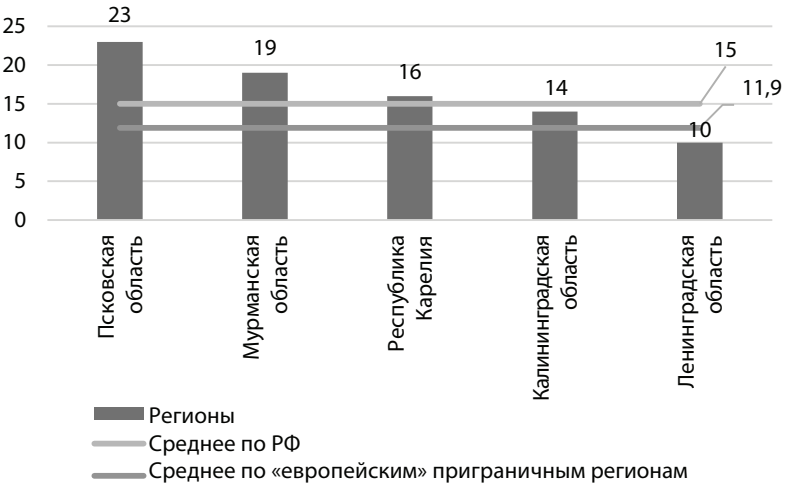
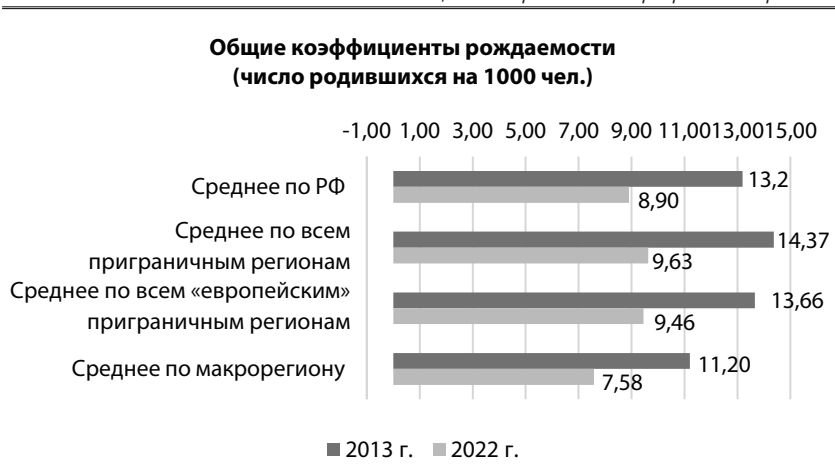

Рис. 2.17. *Число прерываний беременности в приграничных регионах в РФ в рамках МР1 в 2022 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

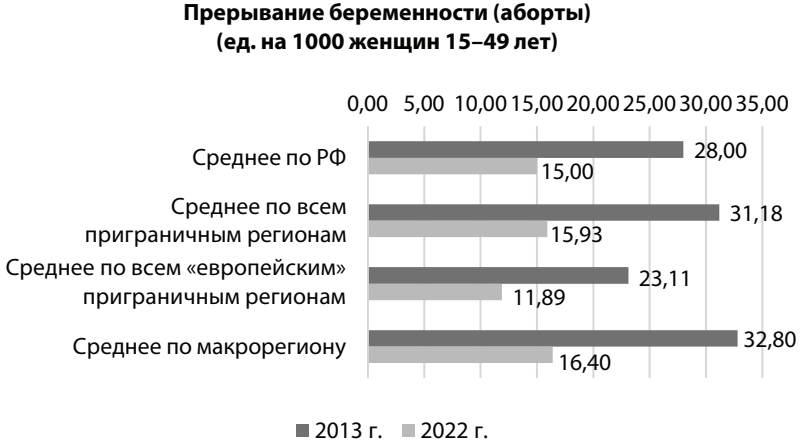

Рис. 2.18. *Сравнение показателей по рождаемости и числу абортов в 2013 г. и 2022 г. в среднем по РФ, в среднем приграничным регионам, в среднем по МР1 (источник: составлено авторами)*

3. Уровень прерывания беременностей снизился по всем средним показателям: по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям, по Прибалтийскому приграничному макрорегиону.

4. Уровень прерывания беременностей в Прибалтийском приграничном макрорегионе был за оба года выше средних показателей: по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

5. Уровень прерывания беременностей в Прибалтийском приграничном макрорегионе за период 2022/2013 гг. снизился в большей степени по сравнению со средними показателями: по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

Число выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения в 2022 г. относительно 2013 г. существенно снизилось: в целом по РФ на 10,4 %, в среднем по приграничным регионам на 16,5 %, в среднем по «европейским» приграничным регионам на 24,5 %. По МР1 этот показатель фактически остался на прежнем уровне (незначительный рост на 0,4 %). При этом только в двух регионах данного макрорегиона (Республике Карелия и Мурманской области) имел место рост численности выпускников на 10 тыс. населения, в остальных регионах произошло снижение.

Также снижение численности на 10 тыс. населения выпускников наблюдается по высшему образованию и по численности аспирантов. При этом значения этого снижения очень существенны и характерны для всех анализируемых средних значений по территориям и по регионам Прибалтийского приграничного региона. В среднем по РФ численность выпускников с высшим образованием снизилась на 37,8 %, по всем приграничным регионам на 43,8 %, по «европейским» приграничным регионам на 42,2 %, по МР1 на 57,6 %. С меньшими темпами, но тоже очень существенными снижается численность аспирантов. Рост числа аспирантов на 10 тыс. населения фиксируется только в Ленинградской области.

По выпускникам организаций среднего профессионального образования наблюдается противоположная тенденция — их численность на 10 тыс. населения существенно растет по всем территориям. В среднем по РФ численность выпускников со средним профессиональным образованием увеличилась на 35,5 %, по всем приграничным регионам на 39,7 %, по «европейским» приграничным регионам на 53,3 %, по Прибалтийскому приграничному региону на 40,0 %.

В составе Прибалтийского приграничного макрорегиона лидером по численности выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. населения и в 2013, и в 2022 гг. является Республика Карелия, аутсайдером — Ленинградская область. При этом дифференциация позиций регионов по данному показателю растет: разрыв в численности выпускников со средним общим образованием в 2013 г. составлял 1,8 раза, в 2022 г. — 2,3 раза.

По числу выпускников со средним профессиональным образованием на 10 тыс. чел. в Прибалтийском приграничном регионе в 2013 г. лидировала Мурманская область, а в 2022 г. — Республика Карелия. При этом в Республике Карелия самый высокий темп роста по данной категории выпускников — 60,2 %, что выше показателей всех регионов МР1, средних значений по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Регионом-аутсайдером по численности выпускников со средним профессиональным образованием и в 2013, и в 2022 г. была Ленинградская область. Дифференциация позиций регионов по данному показателю и в 2013, и в 2022 г. составляла три раза.

По числу выпускников с высшим образованием на 10 тыс. чел. в Прибалтийском приграничном регионе так же, как и со средним профессиональным, в 2013 г. лидировала Мурманская область, а в 2022 г. — Республика Карелия. Регионом-аутсайдером является также Ленинградская область. Необходимо отметить, что Мурманская область стремительно теряет свои позиции в области подготовки специалистов с высшим образованием. Темпы снижения числа выпускников на 10 тыс. населения в 2022 г. относительно 2013 г. составили 78,1 %, а если учесть снижение численности населения Мурманской области за этот период на 13,1 %, то фактическая численность выпускников с высшим образованием снизилась еще больше. В результате численность выпускников с высшим образованием на 10 тыс. населения в Мурманской области снизилась с 83 чел. в 2013 г. до 18 в 2022 г. Ниже этот показатель только в Ленинградской области — 4 чел. на 10 тыс. населения в 2022 г. Дифференциация позиций регионов по данному показателю и в 2013, и в 2022 г. составляла три раза.

Сравнительный анализ по регионам относительно средних значений (выше среднего значения, ниже среднего значения) в разрезе показателей образования представлен в таблице 2.2.

В 2013 г. 80 % регионов МР1 имели показатели в образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 населения)) ниже, чем в среднем по РФ, по приграничным регионам, а также по «европейским» приграничным регионам. По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием выше среднего значения по РФ были показатели в 2013 г. у трёх регионов МР1 (Республика Карелия, Калининградская, Мурманская области), в 2022 — у двух (Республика Карелия, Мурманская область) (Артемова, Меленькина, 2024). В целом наблюдается рост выпуска специалистов со средним

Таблица 2.2

Количество регионов МР1 в сравнении со средними значениями в разрезе показателей образования, ед.

Сравнение со средним значением		Количество регионов в сравнении со средними значениями, ед.							
		По выпуску со средним общим образованием		По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием		По выпуску бакалавров		По численности аспирантов	
		2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
По РФ	В*	3	1	5	5	4	4	4	3
	Н**	3	6	1	2	2	3	2	4
По приграничным регионам	В	1	0	5	3	6	5	4	5
	Н	5	7	1	4	0	2	2	2
По «европейским» приграничным регионам	В	1	3	5	4	6	5	4	5
	Н	5	4	1	3	0	2	2	2
По МР1	В	3	4	5	4	3	4	4	5
	Н	3	3	1	3	3	3	2	2

Примечания: *В — выше среднего значения; **Н — ниже среднего значения.
Источник: составлено авторами по данным Росстата.

профессиональным образованием (чел. на 10 000 населения) на 40–60 % по прибалтийским приграничным регионам, что соответствует общероссийской тенденции. Высокими темпами за рассматриваемый период снижался выпуск бакалавров, специалистов и магистров, что также является общероссийской тенденцией. Но если в среднем по РФ число выпускников данного уровня образования за период 2013–2022 гг. снизилось на 37,8 %, то в приграничном макрорегионе — на 57,6 %. Также численность аспирантов снижалась по всем анализируемым уровням: в среднем по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям, по Прибалтийскому макрорегиону (Артемова, Меленькина, 2024). По численности аспирантов выше среднего значения по РФ

не было значений ни у одного региона Прибалтийского приграничного макрорегиона.

Графическая интерпретация сравнения показателей образования макрорегиона представлена на рисунке 2.19.

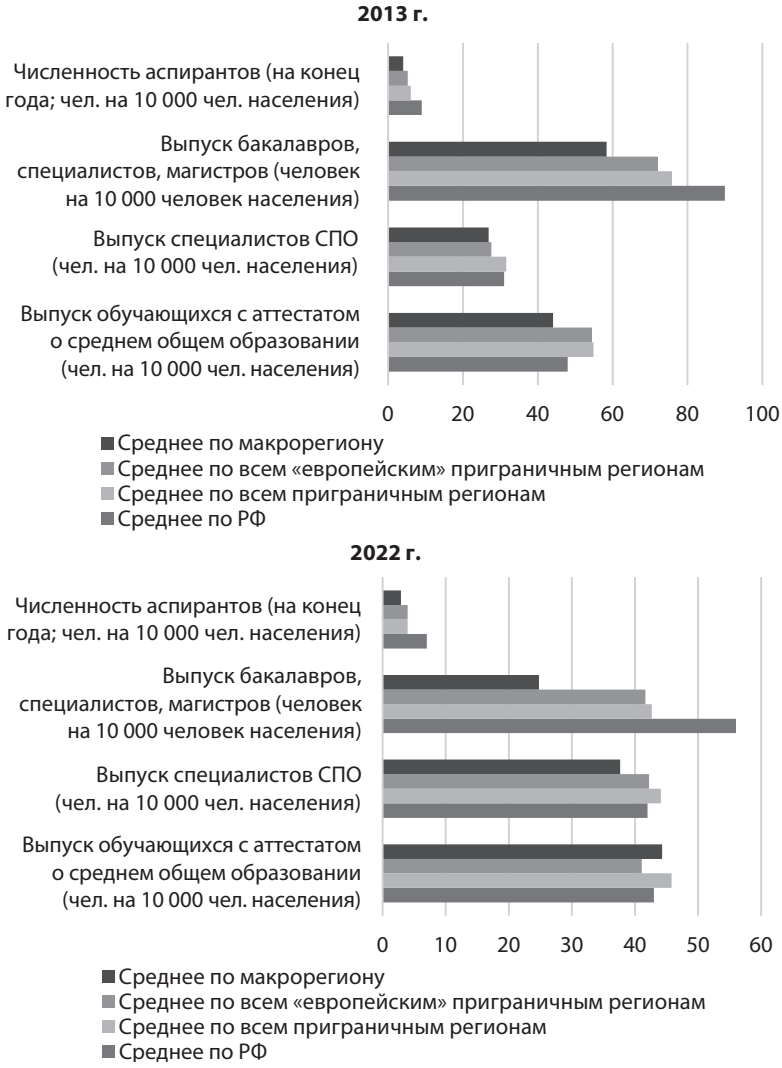

Рис. 2.19. *Сравнение показателей образования МР1 со средними по РФ, со средними по всем «европейским» приграничным регионам, со средними по всем приграничным регионам (источник: составлено авторами)*

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей выпускников разных уровней образования.

1. В 2013 г. количество выпускников на 10 тыс. чел. населения в Прибалтийском приграничном макрорегионе по всем уровням образования было меньше средних значений в среднем по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям.

2. В 2022 г. количество выпускников на 10 тыс. чел. населения в Прибалтийском приграничном макрорегионе со средним профессиональным, высшим образованием, численность аспирантов оставались ниже средних показателей по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям, но численность выпускников со средним общим образованием незначительно превысила количество выпускников с данным уровнем образования в среднем по РФ и по «европейским» приграничным регионам относительно численности населения.

Анализ по Прибалтийскому приграничному макрорегиону позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Рост ВРП на душу населения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. наблюдался по всем средним показателям: в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям и по Прибалтийскому приграничному региону. При этом темпы роста в Прибалтийском приграничном регионе были выше темпов роста в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям. Объемы ВРП на душу населения в среднем по Прибалтийскому приграничному макрорегиону выше данного показателя по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Это свидетельствует о высоком экономическом потенциале и значимости для национальной экономики данного макрорегиона. Регионом-лидером по объему ВРП на душу населения и по темпам роста ВРП является Мурманская область. Соотношение между максимальным и минимальным значениями ВРП регионов Прибалтийского приграничного макрорегиона в 2013 г. — 2,3 раза, в 2022 г. — 4,0. Увеличение дифференциации производства регионов произошло прежде всего по причине высоких темпов роста ВРП Мурманской области — в 4,3 раза, что более чем в 1,7 раза превышает среднероссийские темпы роста ВНП.

2. Инвестиции в основной капитал на душу населения за анализируемые годы также росли по всем средним показателям: в целом

по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям и по Прибалтийскому приграничному региону, но с меньшими темпами по сравнению с темпами роста ВРП. Темпы роста инвестиций в основной капитал на душу населения в Прибалтийском приграничном регионе были выше аналогичных показателей в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям. Объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в среднем по Прибалтийскому приграничному макрорегиону в 2022 г. были выше данного показателя в среднем по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Лидерами по объему инвестиций в основной капитал являются Мурманская и Ленинградская области. Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей инвестиций на душу населения регионов МР1 составило в 2013 г. 3,3 раза, в 2022 г. — 5,8, что означает усиление дифференциации в инвестиционном обеспечении регионов.

3. Прибалтийский приграничный макрорегион характеризуется высокой плотностью населения по сравнению со среднероссийскими значениями, но также высокой дифференциацией плотности населения по регионам данного макрорегиона. Данный макрорегион характеризуется высоким уровнем урбанизации.

Численность населения макрорегиона в 2022 г. по сравнению с 2013 г. незначительно увеличилась, также незначительно, но уменьшилась численность трудоспособного населения. В целом произошло снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения. Миграционный прирост в 2022 г. в Прибалтийском приграничном макрорегионе был положительным. Прирост численности населения, трудоспособного населения и миграционный прирост обеспечиваются ростом численности только в двух регионах данного макрорегиона — Ленинградской и Калининградской областях. В других регионах данного макрорегиона происходит существенное снижение и численности населения, и численности трудоспособного населения, что снижает уровень человеческого капитала регионов.

4. Показатели рождаемости во всех Прибалтийских приграничных регионах и в 2013 г., и в 2022 г. были ниже средних показателей по РФ в целом, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Изменение коэффициентов рождаемости за период 2022/2013 гг. находилось в зоне отрицательных значений по всем сравниваемым показателям на всех территориях, но можно отметить, что в регионах

Прибалтийского приграничного макрорегиона снижение коэффициентов рождаемости было немного ниже, чем в среднем по РФ, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Дифференциация регионов по уровню рождаемости Прибалтийского приграничного макрорегиона и в 2013 г., и в 2022 г. составляла 1,4 раза.

Уровень прерывания беременностей в Прибалтийском приграничном макрорегионе был и в 2013 г., и в 2022 г. выше средних показателей: в среднем по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

Снижение уровня рождаемости в настоящее время снижает долю молодого населения в общей численности населения, а в будущем — трудоспособного, что является негативным фактором.

5. Существенные изменения за период 2013–2022 гг. наблюдались в отношении структуры образования. Численность выпускников в расчете на 10 тыс. населения со средним общим образованием по регионам Прибалтийского приграничного макрорегиона существенно не изменилась, по выпускникам со средним профессиональным образованием выросла на 40 %, по выпускникам с высшим образованием снизилась на 57,6 %, по числу аспирантов снизилась на 28,8 %. Лидером по числу выпускников с высшим образованием и числу аспирантов в расчете на 10 тыс. населения является Калининградская область (Артемова, Меленькина, 2024).

Центральный приграничный макрорегион (МР2)

Протяженность границы Центрального макрорегиона — 3485,6 км. Центральный приграничный макрорегион России включает семь субъектов РФ: Белгородскую, Брянскую, Курскую, Смоленскую, Воронежскую, Ростовскую области и Республику Крым (в анализе за 2013 г. в Центральный макрорегион не включена Республика Крым). Границы проходят со странами: Белоруссия, Украина. Самая протяженная граница данного макрорегиона — с Украиной (2687,6 км), что составляет 77 % от общей границы макрорегиона. Граничат с Украиной шесть регионов: Белгородская, Брянская, Курская, Воронежская, Ростовская области и Республика Крым. 23 % от границ Центрального макрорегиона составляет граница с Белоруссией, с ней граничат Брянская и Смоленская области.

Российские территории МР2 характеризуются высокой плотностью населения — во всех регионах значения данного показателя выше среднероссийского уровня плотности населения и в шести регионах плотность населения выше, чем по «европейским»

приграничным регионам России (только в Смоленской области плотность населения ниже уровня средней по «европейским» приграничным регионам России). Регион с самой высокой плотностью населения — Республика Крым (73,21 чел./км^2), что в 8,5 раза выше среднероссийского уровня. Второй по плотности населения регион — Белгородская область (55,31 чел./км^2). В Смоленской области плотность населения составляет 17,36 чел./км^2, что в два раза выше среднероссийского уровня. В остальных регионах плотность населения составляет 32,77–43,54 чел./км^2.

Во всех российских регионах МР2 преобладает городское население. Его доля в общей численности составляет от 51,02 % (Республика Крым) до 74,57 % (Смоленская область).

Плотность населения в Белоруссии составляет 44 чел./км^2 [1], плотность населения Украины 62,0 чел./км^2 (2015)[2].

Блок 1. Экономические показатели приграничных регионов РФ в рамках МР2 представлены в приложении Б.

В среднем по Центральному макрорегиону ВРП на душу населения и в 2013, и в 2022 г. был ниже среднего значения по РФ, ниже среднего значения по всем приграничным регионам и немного выше уровня в среднем по всем «европейским» приграничным регионам. Относительно среднего значения ВРП на душу населения по РФ данный показатель по Центральному макрорегиону составлял 66,4 % в 2013 г. и снизился до 59,6 % в 2022 г. Относительно среднего значения ВРП на душу населения по всем приграничным регионам данный показатель по МР2 составлял 95,6 % в 2013 г. и снизился до 87,6 % в 2022 г. Относительно ВРП на душу населения по «европейским» приграничным регионам показатели МР2 снизились со 109 % в 2013 г. до 101,5 % в 2022 г. В данном макрорегионе регионом-лидером по ВРП на душу населения в населения и в 2013 г., и в 2022 г. является Белгородская область. Регион-аутсайдер по ВРП на душу населения в 2013 г. — Брянская область, в 2022 г. — Республика Крым (рис. 2.20, 2.21).

По объему ВРП на душу населения в 2013 г. лишь два из семи центральных приграничных регионов превышали среднее значение по всем приграничным регионам (Белгородская и Воронежская области), в 2022 г. — только один (Белгородская область). В трех

[1] Беларусь в цифрах. Официальный портал Президента Республики Беларусь. URL: https://president.gov.by/ru/belarus/numbers/ (дата обращения: 15.05.2024)

[2] Знание. Вики. URL: https://znanierussia.ru/articles/%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B0#:~:text (дата обращения: 15.05.2024)

регионах МР2 (Брянской, Курской, Ростовской областях) показатели прироста ВРП на душу населения в 2022 г./2013 г. были выше среднероссийских, средних по всем приграничным регионам и средних по «европейским» приграничным регионам.

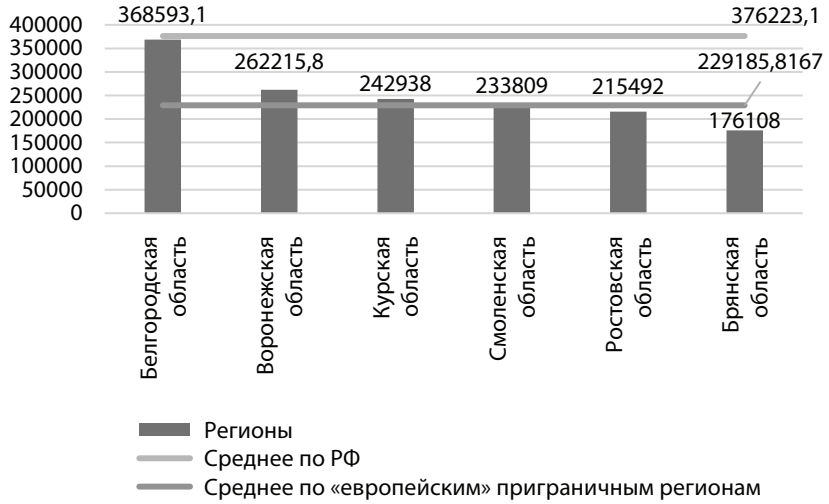

Рис. 2.20. *ВРП на душу населения в МР2 в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

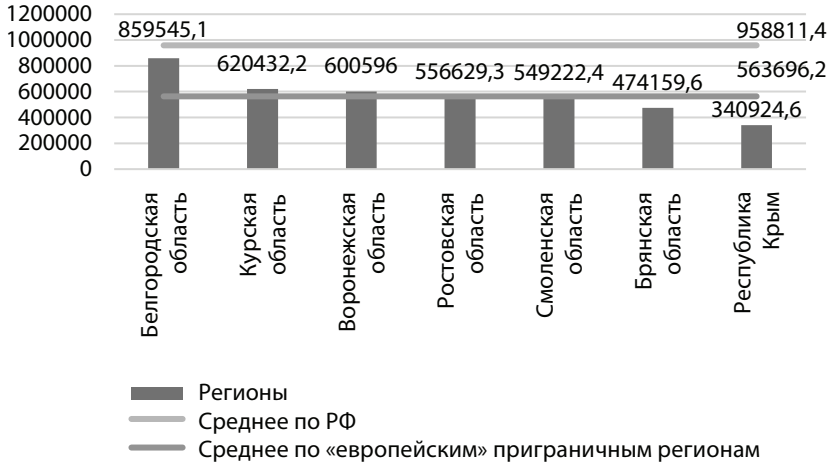

Рис. 2.21. *ВРП на душу населения в МР2 в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

Соотношение между максимальным и минимальным значением ВРП МР2 в 2013 г. — 2,1 раза, в 2022 г. — 2,5. Увеличение дифференциации регионов МР2 произошло прежде всего из-за включения в состав расчетов 2022 г. Республики Крым, которая характеризуется самым низким уровнем ВРП среди регионов Центрального макрорегиона.

Объемы инвестиций в основной капитал в среднем по Центральному макрорегиону в 2013 г. составляли 72,4 % от среднероссийского уровня, 90 % от средних показателей по приграничным регионам и 98,5 % от средних показателей по «европейским» приграничным регионам, в 2022 г. соответственно — 63 %, 68,3 %, 94,1 %. Во всех регионах Центрального макрорегиона в анализируемые годы объемы инвестиций на душу населения были ниже среднероссийских показателей.

Лидирующие позиции по объему инвестиций в основной капитал на душу населения в 2013 г. занимала Воронежская область, в 2022 г. — Курская; регион-аутсайдер по данному показателю в 2013 г. Брянская область, в 2022 г. — Смоленская (рис. 2.22, 2.23).

Выше средних значений в МР2 объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в 2013 г. были в Белгородской и Воронежской областях, в 2022 г. — в Белгородской, Воронежской и Курской областях.

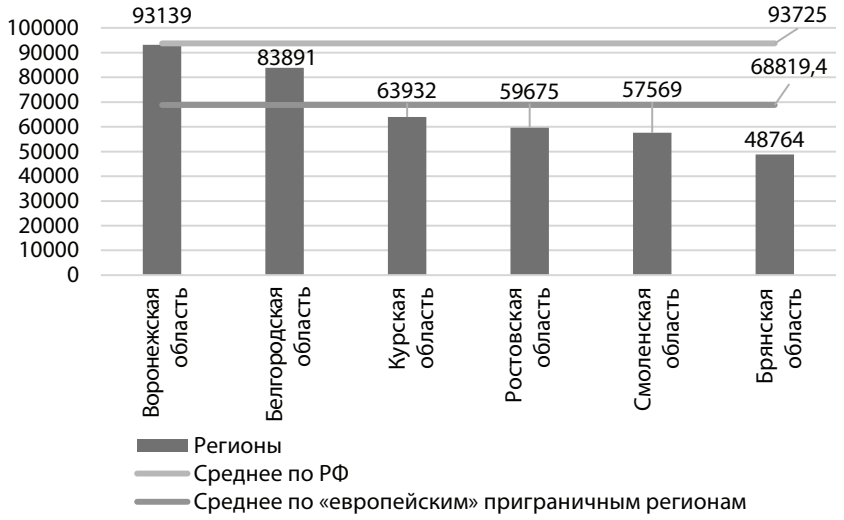

Рис. 2.22. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР2 в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

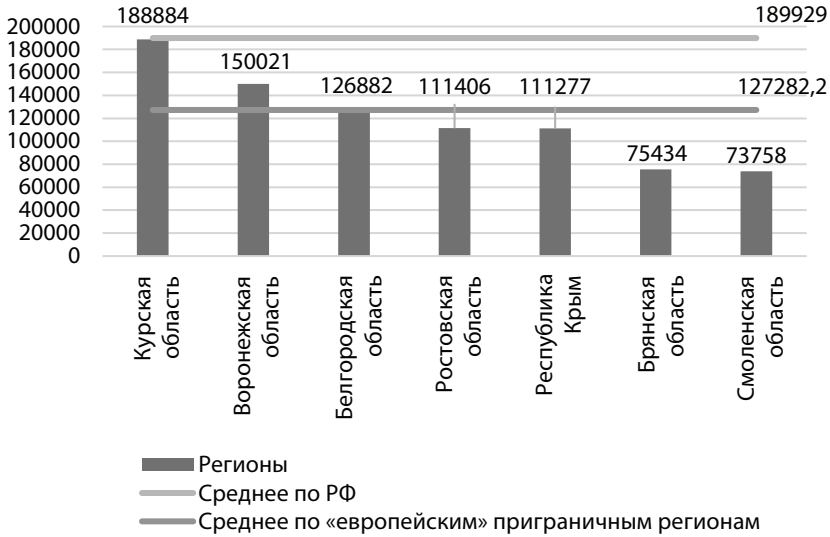

Рис. 2.23. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР2 в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей инвестиций на душу населения регионов МР2 составило в 2013 г. 1,9 раза, в 2022 г. — 2,6 раза, что означает усиление дифференциации в инвестиционном обеспечении регионов.

Графическая визуализация сопоставления экономических показателей ВРП на душу населения и инвестиций в основной капитал на душу населения МР2 со средними значениями по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.24.

Графики позволяют наглядно представить соотношение динамики показателей ВРП и инвестиций в основной капитал:

1) ВРП на душу населения в 2022 г. по отношению к 2013 г. по МР2 вырос в 2,3 раза, что ниже среднего значения показателя по РФ (рост в 2,55 раза), по приграничным регионам (в 2,5 раза), по «европейским» приграничным регионам (в 2,46 раза). Такая динамика свидетельствует об увеличении отставания ВРП на душу населения МР2 от среднероссийского уровня;

2) объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в 2022 г. по отношению к 2013 г. по МР2 выросли в 1,76 раза, что ниже среднего значения показателя по РФ (рост в 2,0 раза), по приграничным регионам (в 2,3 раза), по «европейским» приграничным

Рис. 2.24. *Сравнение экономических показателей МР2 со средними по РФ, со средними по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам (источник: составлено авторами)*

регионам (в 1,85 раза). Это приводит к увеличению отставания объемов инвестиций в основной капитал на душу населения МР2 от среднероссийского уровня.

Блок 2. Демографические показатели приграничных регионов РФ в рамках МР2 представлены в приложении Б.

Численность населения за период 2013–2022 г. по Центральному макрорегиону снизилась на 2,6 %. Снижение численности произошло во всех регионах МР2.

Регионом-лидером МР2 по численности населения в 2013 г. и в 2022 г. являлась Ростовская область, регионом-аутсайдером МР2 в 2013 г. и в 2022 г. — Смоленская область. В Смоленской области отмечалось наибольшее снижение численности населения в МР2 — на 8,9 % в 2022 г. по сравнению с 2013 г.

Сравнение регионов по численности населения со средним значением по «европейским» приграничным регионам в 2013 г. и в 2022 г. показало: значение показателя ниже в пяти регионах, выше — в двух регионах (Воронежской и Ростовской областях) (рис. 2.25, 2.26).

Во всех регионах Центрального макрорегиона и в 2013 г., и в 2022 г. доля населения в трудоспособном возрасте была ниже показателей в среднем по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Снижение численности трудоспособного населения в МР2 происходило более быстрыми темпами по сравнению со снижением численности населения: численность населения за 10 лет снизилась на 2,6 %, а численность трудоспособного населения — на 6,2 %. Такая динамика наблюдается по всем регионам МР2. Наибольшее снижение и численности населения, и численности трудоспособного населения произошло в Смоленской области (на 8,9 и 17,2 %, соответственно) и в Брянской области (на 7,0 и 12,6 %, соответственно) (рис. 2.27, 2.28).

Рис. 2.25. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках МР2 в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

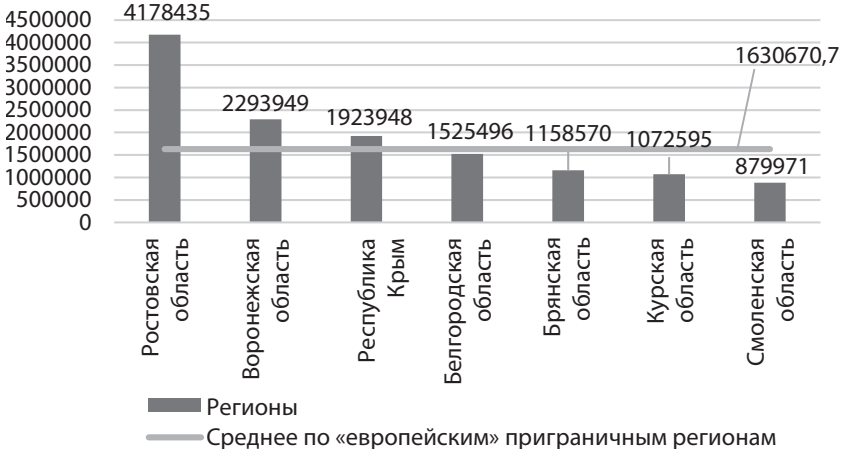

Рис. 2.26. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках MP2 в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

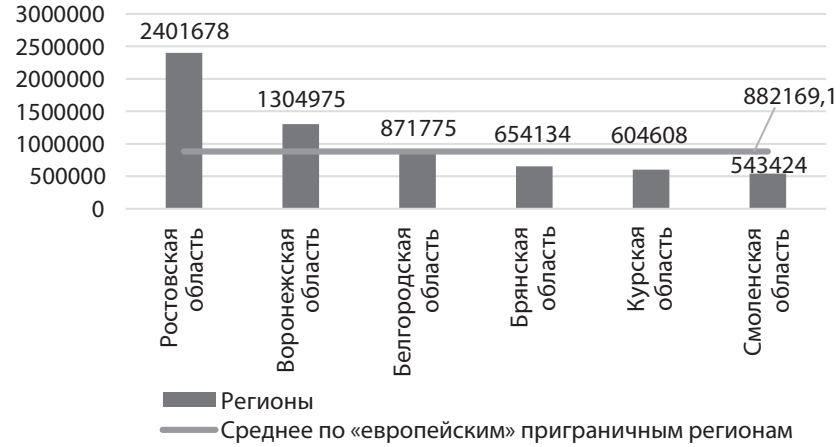

Рис. 2.27. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках MP2 в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

По Центральному приграничному макрорегиону в целом в 2013 г. был зафиксирован положительный миграционный прирост, а в 2022 г. — отрицательный. Миграционный прирост на территории Центрального приграничного макрорегиона отмечался в 2013 г. в четырех регионах (Белгородская, Курская, Ростовская, Воронежская области), а в 2022 гг. во всех регионах, кроме

Воронежской области, был миграционных отток. По совокупности за оба года наибольший миграционный отток наблюдался в Брянской и Смоленской областях (рис. 2.29, 2.30).

Рис. 2.28. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках MP2 в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

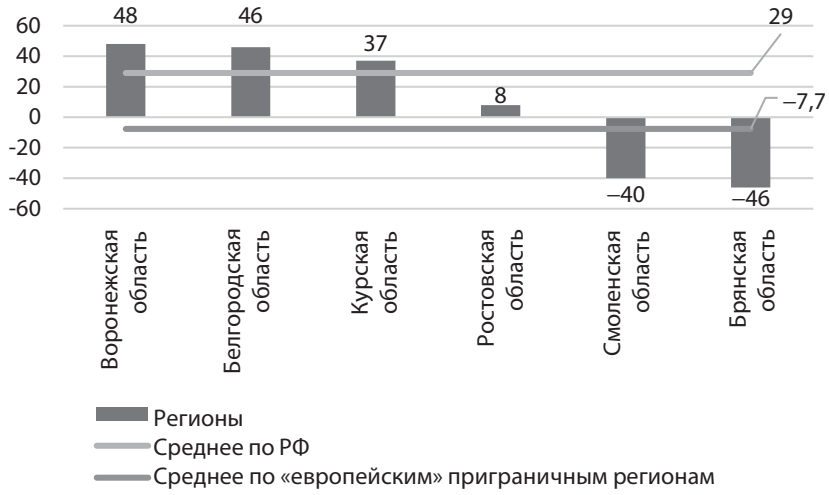

Рис. 2.29. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках MP2 в 2013 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

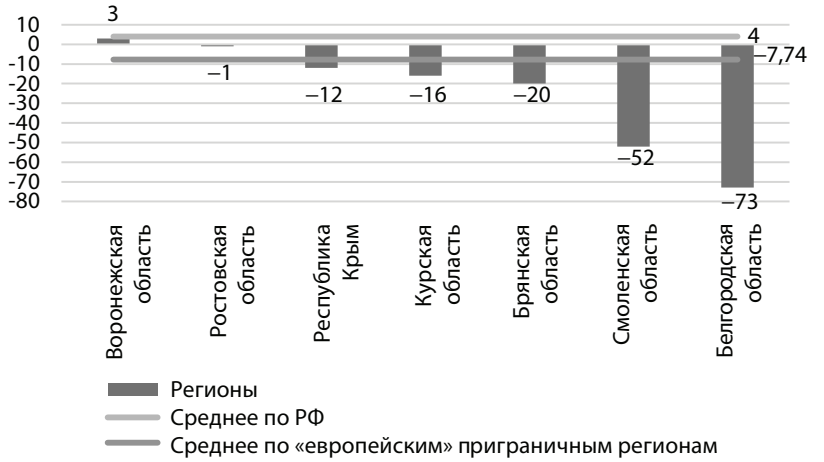

Рис. 2.30. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МР2 в 2022 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

Далее представлена графическая визуализация сопоставления демографических показателей макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам (рис. 2.31).

Графическая иллюстрация позволяет увидеть долю трудоспособного населения в общей численности. Доля трудоспособного населения Центрального приграничного макрорегиона снизилась с 55,7 % в 2013 г. до 53,6 % в 2022 г. Отрицательная динамика была характерна для всех регионов МР2. Брянская область характеризуется наименьшей долей трудоспособного населения: в 2022 г. она составила 49,4 %.

Графическая визуализация сопоставления показателей миграционного прироста макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.32.

Миграционные потоки в Центральном приграничном макрорегионе являются разнонаправленными по годам.

Блок 3. Показатели в социальной сфере приграничных регионов РФ в МР2 представлены в приложении Б.

Показатели рождаемости во всех Центральных приграничных регионах в 2013 г. были ниже средних показателей по РФ в целом, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. В 2022 г. показатели рождаемости были ниже

Рис. 2.31. *Динамика численности всего населения и численности населения в трудоспособном возрасте в рамках МР2 (источник: составлено авторами)*

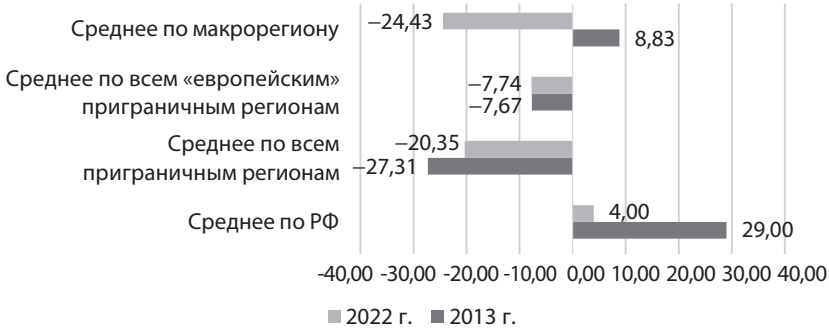

Рис. 2.32. *Сравнение коэффициентов миграционного прироста регионов со средними по РФ, со средними по МР2 (источник: составлено авторами)*

средних показателей по РФ в целом, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам в шести из семи субъектов РФ Центрального макрорегиона, и только в Республике Крым уровень рождаемости соответствовал среднему по РФ. Изменение коэффициентов рождаемости за период

2022/2013 гг. находилось в зоне отрицательных значений по всем сравниваемым показателям на всех территориях, но можно отметить, что в регионах МР2 в среднем снижение коэффициентов рождаемости было немного ниже, чем по РФ в целом, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам (рис. 2.33, 2.34).

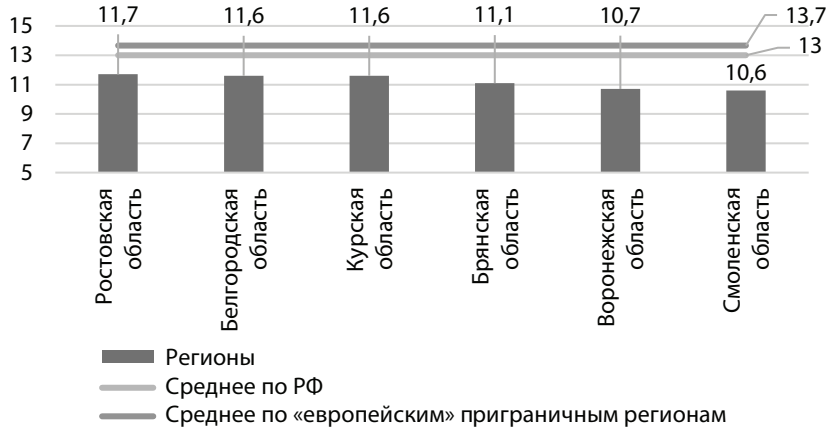

Рис. 2.33. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МР2 в 2013 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

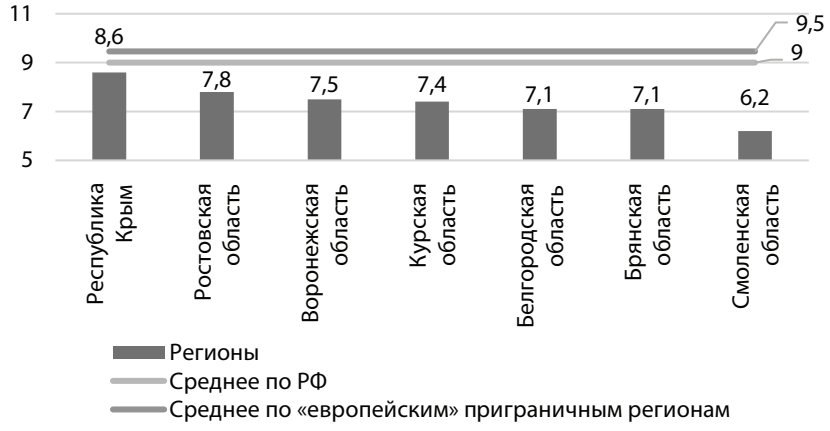

Рис. 2.34. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МР2 в 2022 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

Показатели прерывания беременности значимо снизились с 2013 по 2022 гг. по всем анализируемым территориям. Снижение числа абортов на 1000 женщин 15–49 лет по центральным приграничным территориям составило от 46 до 61 %. На уровне макрорегиона выше средних по РФ были показатели прерывания беременности в 2013 г. в двух регионах (Брянской и Курской областях), в 2022 г. — также в двух регионах (Брянской и Смоленской областях). По снижению числа абортов за период 2022/2013 гг. выше средних значений по РФ были показатели в четырех регионах (Белгородской, Брянской, Курской, Воронежской областях) (рис. 2.35, 2.36).

На уровне макрорегиона выше средних были показатели рождаемости в 2013 г. в Белгородской, Курской и Ростовской областях, в 2022 г. — в Республике Крым, Ростовской и Воронежской областях. По снижению уровня рождаемости в 2022/2013 гг. выше средних значений были показатели в четырех регионах (Белгородской, Брянской, Курской, Смоленской областях).

Дифференциация регионов по уровню рождаемости Центрального приграничного макрорегиона в 2013 г. составила 1,1 раза, в 2022 г. — 1,3, по показателю прерывания беременностей в 2013 г. — 1,9 раза, в 2022 гг. — 2,1 раза, т. е. несколько возросла.

Графическая визуализация сопоставления показателей здравоохранения макрорегиона со средним значением по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.37.

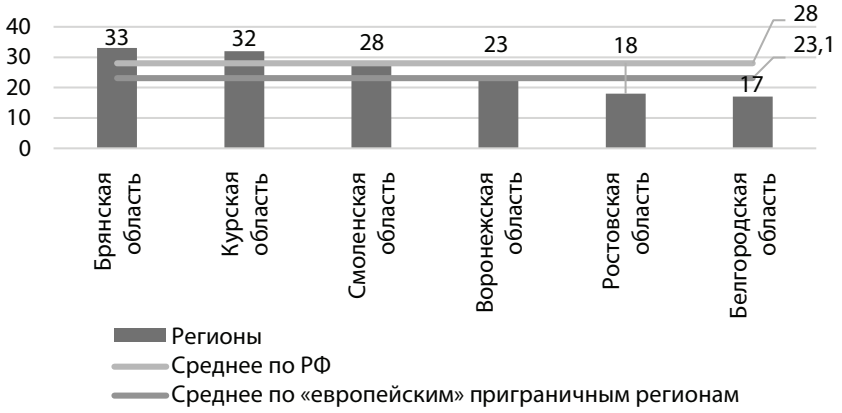

Рис. 2.35. *Число прерываний беременности в приграничных регионах РФ в рамках МР2 в 2013 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

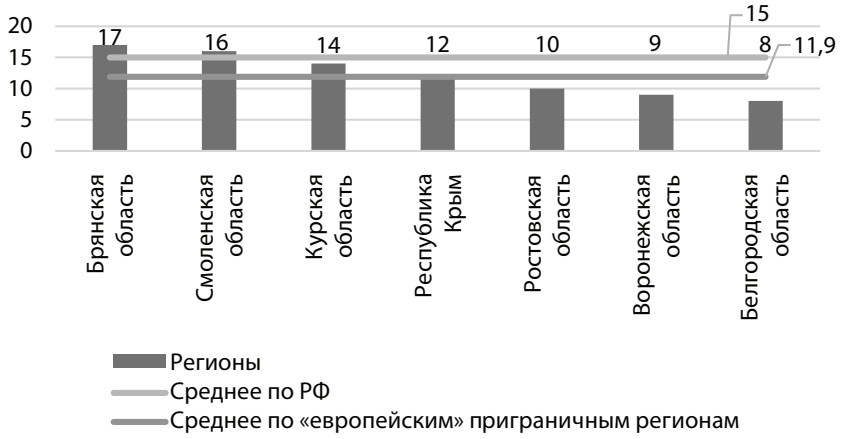

Рис. 2.36. *Число прерываний беременности в приграничных регионах в РФ в рамках МР2 в 2022 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей за период 2013–2022 гг.

1. Уровень рождаемости в Центральном приграничном макрорегионе за оба года был ниже средних показателей в среднем по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

2. Число прерываний беременности в МР2 за оба года фиксировалось ниже средних показателей по РФ, по приграничным территориям, но выше среднего значения по «европейским» приграничным территориям.

3. Уровень прерываний беременности в Центральном приграничном макрорегионе за период 2022/2013 гг. снизился в большей степени по сравнению со средними показателями в среднем по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

По Центральному приграничному макрорегиону в 2022 г. относительно 2013 г. число выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения снизилось на 19 %. Такая динамика характерна для всех регионов МР2 (Артемова, Меленькина, 2024).

Снижение численности на 10 тыс. населения выпускников с высшим образованием по Центральному приграничному региону составило 42,6 %. С меньшими темпами, но тоже очень существенными снижается численность аспирантов. Рост

Рис. 2.37. *Сравнение показателей по рождаемости и числу абортов в 2013 г. и 2022 г. в среднем по РФ, в среднем по приграничным регионам, в среднем по МР2 (источник: составлено авторами)*

числа аспирантов на 10 тыс. населения фиксируется только в Белгородской и Брянской областях.

По выпускникам среднего профессионального образования наблюдается противоположная тенденция: их численность на 10 тыс. населения выросла по Центральному приграничному региону на 25,4 %.

В составе Центрального приграничного макрорегиона лидером по численности выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. населения и в 2013, и в 2022 г. является Брянская область, аутсайдером — Ростовская область. Дифференциация позиций регионов по данному показателю и в 2013, и в 2022 г. составляла 1,3 раза (Артемова, Меленькина, 2024).

По числу выпускников со средним профессиональным образованием на 10 тыс. чел. в МР2 и в 2013 г., и в 2022 г. лидировала

Курская область. При этом в Белгородской области самый высокий темп роста по данной категории выпускников — 63,8 %, что выше показателей всех регионов Центрального приграничного макрорегиона, средних значений по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Регионом-аутсайдером по численности выпускников со средним профессиональным образованием в 2013 г. была Белгородская область, в 2022 г. — Республика Крым. Дифференциация позиций регионов по данному показателю в 2013 г. составляла 1,4 раза, в 2022 г. — 1,47 раза (Артемова, Меленькина, 2024).

По числу выпускников с высшим образованием на 10 тыс. чел. в Центральном приграничном регионе так же, как и со средним профессиональным, в 2013 г. лидировала Курская область, а в 2022 г. — Воронежская (Артемова, Меленькина, 2024). Регионом-аутсайдером по данному показателю является Брянская область. Также в этой области самые высокие темпы снижения численности выпускников с высшим образованием — 53 % с 2013 по 2022 г., а если учесть снижение численности населения Брянской области за этот период на 7 %, то фактическая численность выпускников с высшим образованием снизилась еще больше. Дифференциация позиций регионов по данному показателю в 2013 г. составляла 1,5 раза, в 2022 г. — 2,0 раза (Артемова, Меленькина, 2024).

Сравнительный анализ по регионам относительно средних значений (выше среднего значения, ниже среднего значения) в разрезе показателей образования представлен в таблице 2.3.

В 2013 г. половина регионов МР2 (три региона) имели показатели в образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)) ниже, чем в среднем по РФ, и, соответственно, половина регионов — выше. В 2022 г. лишь в одном регионе (Брянская область) показатели в образовательной сфере по выпуску обучающихся со средним общем образованием были выше, чем в среднем по РФ.

По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием выше среднего значения по РФ были показатели и в 2013, и в 2022 г. у пяти регионов МР2 (в 2013 г. — Брянской, Курской, Смоленской, Ростовской, Воронежской областей; в 2022 г. — Белгородской, Брянской, Курской, Смоленской, Ростовской областей). В целом в МР2 наблюдается рост выпуска специалистов со средним профессиональным образованием (чел. на 10 000 чел. населения) в среднем на 25,4 % за рассматриваемый период, что соответствует общероссийской тенденции, но в данном макрорегионе

высокий разрыв в темпах роста выпуска специалистов с СПО — от 4,1 % в Воронежской области до 63,8 % в Белгородской области.

Высокими темпами за рассматриваемый период в Центральном макрорегионе снижался выпуск бакалавров, специалистов и магистров, что также является общероссийской тенденцией. В МР2 число выпускников данного уровня образования за период 2013–2022 г. снизилось на 42,6 %. Наибольшее темпы падения по данному показателю имеют место в Брянской области (на 53 %). По выпуску специалистов с высшим образованием выше среднего значения по РФ в 2013 и 2022 гг. показатели были в четырех регионах Центрального приграничного макрорегиона.

Таблица 2.3

Количество регионов МР2 в сравнении со средними значениями в разрезе показателей образования, ед.

Сравнение со средним значением		Количество регионов в сравнении со средними значениями, ед.							
		По выпуску со средним общим образованием		По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием		По выпуску бакалавров		По численности аспирантов	
		2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
По РФ	В*	6	2	1	6	0	1	1	1
	Н**	1	5	5	1	7	6	6	6
По приграничным регионам	В	5	2	1	6	1	2	2	3
	Н	2	5	5	1	6	5	5	4
По «европейским» приграничным регионам	В	5	3	2	6	1	2	2	3
	Н	2	4	5	1	6	5	5	4
По МР2	В	5	4	3	6	3	2	4	4
	Н	2	3	4	1	4	5	3	3

Примечания: *В — выше среднего значения; **Н — ниже среднего значения.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Численность аспирантов выше среднего значения по РФ была в 2013 г. в четырех регионах Центрального приграничного макрорегиона, в 2022 г. — в трех. В двух регионах (Белгородской и Брянской областях) в 2022 г. по сравнению с 2013 г. произошло увеличение числа аспирантов на 10 тыс. чел. населения.

Графическая интерпретация сравнения показателей образования макрорегиона представлена на рисунке 2.38.

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей выпускников разных уровней образования.

1. В 2013 г. количество выпускников на 10 тыс. чел. населения в Центральном приграничном макрорегионе по среднему общему образованию превышало средние значения по РФ, но было ниже средних значений по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. По выпуску специалистов с СПО и с высшим образованием в Центральном приграничном макрорегионе показатели были выше средних значений по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. По численности аспирантов показатели Центрального приграничного макрорегиона были ниже средних по РФ, но выше, чем по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям (Артемова, Меленькина, 2024).

2. В 2022 г. количество выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения в Центральном приграничном макрорегионе было ниже средних значений по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. По выпуску специалистов с высшим образованием показатели Центрального приграничного макрорегиона были выше средних значений по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием в Центральном приграничном макрорегионе показатели были выше средних по РФ и по «европейским» приграничным территориям, но ниже, чем по приграничным территориям в целом. По численности аспирантов показатели Центрального приграничного макрорегиона были ниже средних по РФ, но выше, чем по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям (Артемова, Меленькина, 2024).

Подводя итоги анализа по Центральному приграничному макрорегиону, отметим следующее.

Рис. 2.38. *Сравнение показателей образования МР2 со средними по РФ, со средними по всем «европейским» регионам (источник: составлено авторами)*

1. В Центральном приграничном макрорегионе в среднем объемы ВРП на душу населения в 2013 и в 2022 г. были ниже уровня средних по РФ и по приграничным регионам. Максимальными объемами ВРП на душу населения среди МР2 характеризовалась Белгородская область. Темпы роста ВРП в Центральном приграничном регионе были положительными, но ниже темпов роста в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям. Дифференциация регионов МР2 по значениям ВРП на душу населения составляла в 2013 г. 2,1 раза, в 2022 г. — 2,5 раза. Увеличение дифференциации ВРП на душу населения регионов произошло, прежде всего, по причине включения с 2014 г. в состав макрорегиона Республики Крым с относительно невысоким уровнем ВРП.

Объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в среднем по Центральному приграничному макрорегиону в 2022 г. были ниже данного показателя в среднем по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Лидерами по объему инвестиций в основной капитал являются Курская и Воронежская области. Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей инвестиций на душу населения регионов МР2 составило в 2013 г. 1,9 раза, в 2022 г. — 2,6 раза, что означает усиление дифференциации в инвестиционном обеспечении регионов. За рассматриваемый период по Центральному приграничному региону наблюдалось увеличение объемов инвестиций в основной капитал, но с меньшими темпами по сравнению с темпами роста ВРП. При этом темпы роста инвестиций в Центральном приграничном регионе были ниже темпов роста в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

2. Центральный приграничный макрорегион характеризуется высокой плотностью населения по сравнению со среднероссийскими значениями, а также высоким уровнем урбанизации.

Снижение численности населения, снижение численности трудоспособного населения и его доли в общей численности населения, а также миграционный отток населения в целом в Центральном приграничном макрорегионе и каждом из составляющих МР2 означает снижение уровня человеческого капитала макрорегиона.

3. Показатели рождаемости во всех центральных приграничных регионах и в 2013 г., и в 2022 г. были ниже средних показателей по РФ, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Изменение коэффициентов рождаемости за период 2022/2013 гг. находилось в зоне отрицательных

значений по всем сравниваемым показателям на всех территориях, но можно отметить, что в регионах Центрального приграничного макрорегиона снижение коэффициентов рождаемости было немного ниже, чем в среднем по РФ, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Дифференциация регионов Центрального приграничного макрорегиона по уровню рождаемости в 2013 г. составляла 1,1 раза, в 2022 г. — 1,3 раза.

Уровень прерываний беременности в Центральном приграничном макрорегионе был и в 2013 г., и в 2022 г. ниже средних показателей по РФ и по всем приграничным территориям, но выше, чем по «европейским» приграничным территориям.

4. Изменение структуры образования МР2 выражается в увеличении численности выпускников со средним профессиональным образованием и уменьшении по остальным уровням образования. Численность выпускников со средним общим образованием в расчете на 10 тыс. населения по регионам Центрального приграничного макрорегиона снизилась на 19 %, выпускников со средним профессиональным образованием выросла на 25,4 %, выпускников с высшим образованием снизилась на 42,6 %, численность аспирантов снизилась на 26,0 % (Артемова, Меленькина, 2024).

Южный приграничный макрорегион (МР3)

Протяженность границы Южного макрорегиона — 1203,6 км. Южный приграничный регион России включает семь субъектов РФ: Краснодарский край, республики Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую, Северную Осетию — Аланию, Чеченскую. Границы проходят со странами: Абхазия, Азербайджан, Грузия, Южная Осетия. Самая протяженная граница данного макрорегиона с Грузией — 71 % от общей границы макрорегиона, с ней граничат республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания, Чеченская. Граница Республики Дагестан с Азербайджаном составляет 27,2 % от границ Южного макрорегиона; доля границы Краснодарского края с Абхазией — 21,2 %; 6,2 % составляет граница Северной Осетии с Южной Осетией.

Российские территории Южного макрорегиона характеризуются высокой плотностью населения. Самая высокая плотность населения в Республике Ингушетия — 168,82 чел./км^2, что в 58 раз превышает среднероссийский уровень. Наименьшая плотность населения в данном макрорегионе — в Карачаево-Черкесской

Республике: 32,8 чел./км^2, что почти в четыре раза выше среднероссийского уровня.

Южный приграничный макрорегион характеризуется относительно высоким для России уровнем доли сельского населения. В трех субъектах РФ Южного приграничного макрорегиона преобладает сельское население (республики Дагестан, Карачаево-Черкесская, Чеченская). В четырех регионах данного макрорегиона имеет место преобладание городского населения в пределах от 51,85 до 63,82 % (Краснодарский край, республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия — Алания).

Блок 1. Экономические показатели приграничных регионов РФ в рамках МРЗ представлены в приложении Б.

ВРП на душу населения в среднем по Южному макрорегиону и в 2013 г., и в 2022 г. был ниже среднего значения по РФ, по всем приграничным регионам и по всем «европейским» приграничным регионам. Регионом-лидером МРЗ по ВРП на душу населения и в 2013 г., и в 2022 г. является Краснодарский край. ВРП на душу населения Краснодарского края составлял в 2013 г. 81,9 % от среднероссийского уровня, в 2022 г. — 77,1 %. Регионы-аутсайдеры МРЗ по ВРП на душу населения — Чеченская Республика и Республика Ингушетия. В 2013 г. ВРП на душу населения Чеченской Республики составлял 24,3 % от среднероссийского уровня, Республики Ингушетия — 27,4 %. В 2022 г. ВРП на душу населения Республики Ингушетия составлял 16,6 % от среднероссийского уровня, Чеченской Республики — 21,6 %. В целом как в среднем по МРЗ, так и по каждому региону МРЗ за рассматриваемый период наблюдалось снижение ВРП на душу населения относительно среднероссийского уровня. В среднем уровень ВРП на душу населения по Южному макрорегиону снизился с 41,5 % от среднероссийского уровня в 2013 г. до 32,2 % в 2022 г. (Артемова, Меленькина, 2024) (рис. 2.39, 2.40).

Соотношение между максимальным и минимальным значением ВРП на душу населения по регионам МРЗ в 2013 г. составляло 3,4 раза, в 2022 г. — 4,6 раза, т. е. наблюдается усиление дифференциации территорий Южного приграничного макрорегиона по уровню экономического развития.

Показатели прироста ВРП на душу населения в 2022/2013 гг. были ниже среднероссийских, средних по всем приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам по всем регионам Южного приграничного макрорегиона. Это свидетельствует о дальнейшем отставании данного макрорегиона от уровня экономического развития страны.

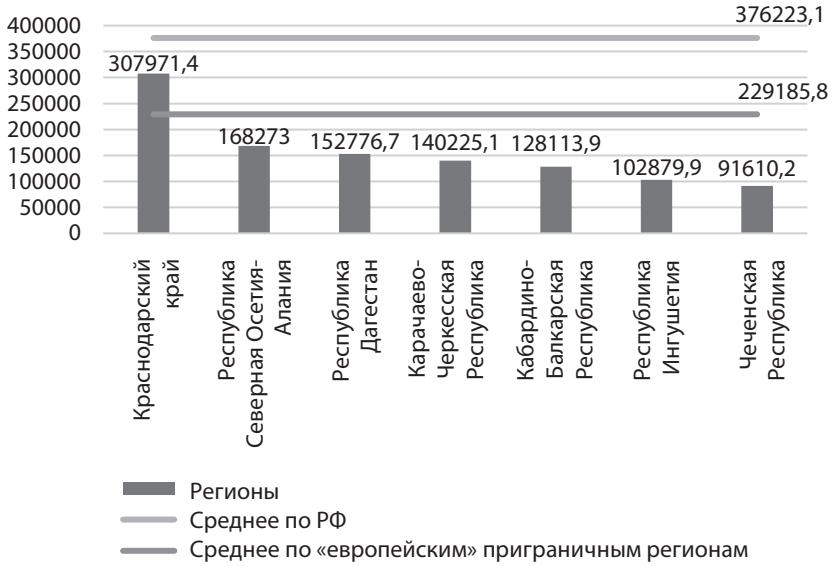

Рис. 2.39. *ВРП на душу населения в МРЗ в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

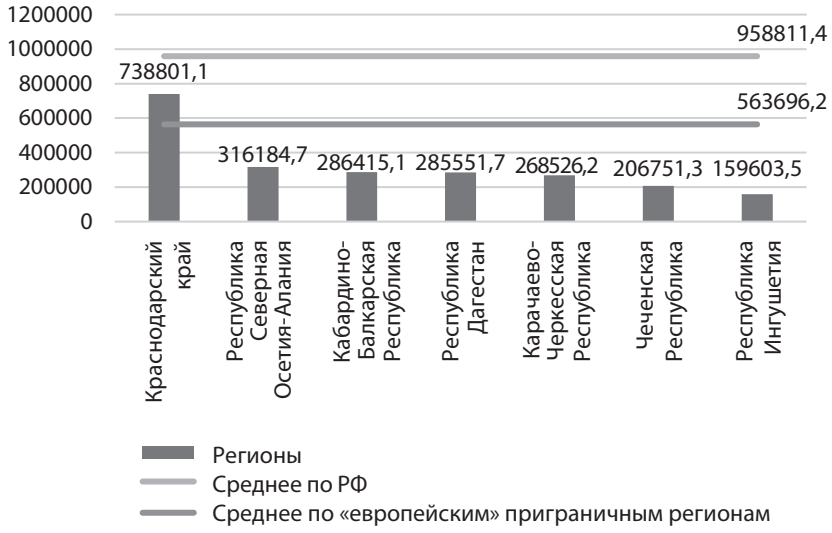

Рис. 2.40. *ВРП на душу населения в МРЗ в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

Объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в Южном приграничном макрорегионе были за анализируемые годы ниже среднероссийского уровня, ниже уровня показателей по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. В 2013 г. объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в МРЗ составляли 65,1 % от среднероссийского уровня, в 2022 г. — 40,6 % (Артемова, Меленькина, 2024).

Лидирующие позиции по объему инвестиций в основной капитал на душу населения в 2013 г. и в 2022 г. занимал Краснодарский край. В 2013 г. только у Краснодарского края данный показатель превышал среднероссийский уровень, показатель по приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. Но в 2022 г. инвестиции в основной капитал на душу населения данного региона стали ниже средних значений по России, по приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. Регионом-аутсайдером по данному показателю в 2013 г. являлась Кабардино-Балкарская Республика, в 2022 г. — Республика Ингушетия (Артемова, Меленькина, 2024) (рис. 2.41, 2.42).

Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей инвестиций на душу населения регионов МРЗ составило в 2013 г. 6,9 раза, в 2022 г. — 2,7 раза, что означает снижение дифференциации в инвестиционном обеспечении регионов. Снижение показателя дифференциации произошло прежде всего из-за снижения показателя инвестиций региона-лидера — Краснодарского края. Объемы инвестиций Краснодарского края в 2022 г. в сравнении с 2013 г. снизились в абсолютном выражении на 33,4 %.

Графическая визуализация сопоставления экономических показателей МРЗ со средними значениями по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.43.

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей:

1) ВРП на душу населения в 2022 г. по отношению к 2013 г. в Южном приграничном макрорегионе вырос почти в два раза, что меньше среднероссийского уровня роста ВНП. Следовательно, экономическое отставание Южного приграничного макрорегиона от среднероссийского уровня увеличивается;

2) по инвестициям в основной капитал на душу населения в 2022 г. по отношению к 2013 г. в Южном приграничном макрорегионе рост составил 1,26 раза, что ниже среднероссийского уровня.

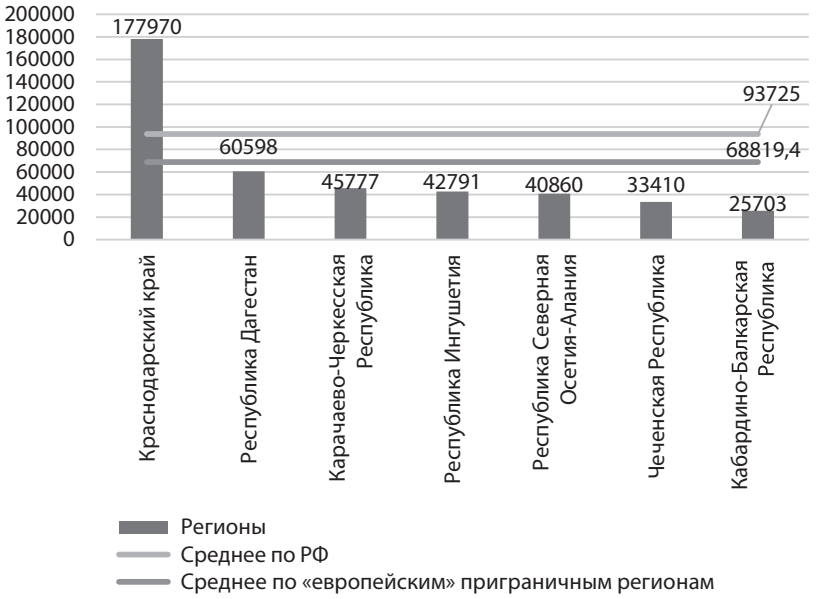

Рис. 2.41. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МРЗ в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

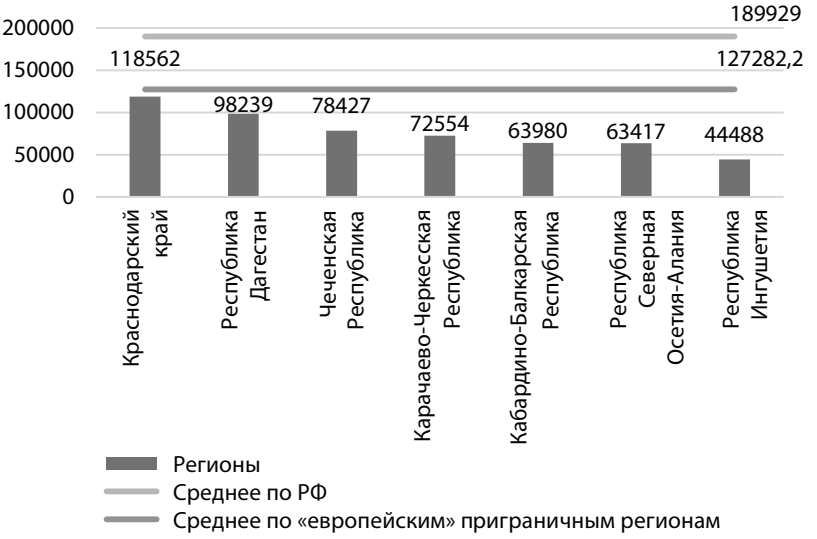

Рис. 2.42. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МРЗ в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

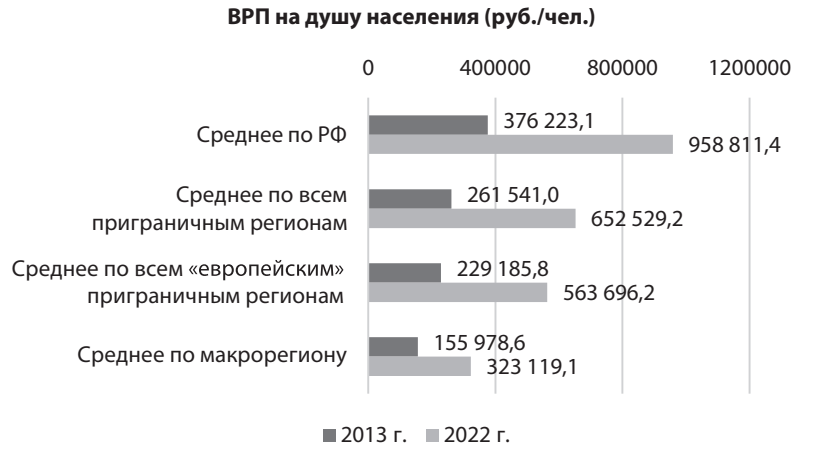

Рис. 2.43. *Сравнение экономических показателей МРЗ со средними по РФ, со средними по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам (источник: составлено авторами)*

Блок 2. Демографические показатели приграничных регионов РФ в рамках МРЗ представлены в приложении Б.

Численность населения в Южном приграничном макрорегионе за период 2013–2022 г. выросла на 7,6 %. Рост численности населения наблюдался в пяти из семи регионов данного макрорегиона (Республике Ингушетия — на 15,8 %, Чеченской

Республике — на 14,1 %, Краснодарском крае и Республике Дагестан — на 7,9 %, Кабардино-Балкарской Республике — на 4,3 %). Уменьшение численности населения произошло в Республике Северная Осетия — Алания на 3,1 % и в Карачаево-Черкесской Республике на 0,6 % (Артемова, Меленькина, 2024).

Краснодарский край является наиболее значимым по численности населения регионом МРЗ. Его доля в численности Южного приграничного макрорегиона за рассматриваемый период была на уровне 41,3 %. Второй по численности населения регион МРЗ — Республика Дагестан. Его доля в численности Южного приграничного макрорегиона за рассматриваемый период находилась на уровне 24,3 %. Третий из крупных регионов — Чеченская Республика. Доля этого региона в результате высокого уровня рождаемости увеличилась за период с 2013 по 2022 г. с 11,0 до 11,6 %. Регион с наименьшей численностью населения в 2013 г. — Республика Ингушетия (3,7 % в общей численности населения Южного макрорегиона), в 2022 г. — Карачаево-Черкесская Республика (3,6 % в общей численности населения Южного макрорегиона).

Сравнение регионов по численности населения со средним значением по «европейским» приграничным регионам в 2013 г. и в 2022 г. показало: значение показателя ниже в пяти регионах, выше — в двух регионах (рис. 2.44, 2.45).

Рис. 2.44. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках МРЗ в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.45. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках МРЗ в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Сравнение численности населения в трудоспособном возрасте со среднероссийскими значениями показало, что доля трудоспособного населения в общей численности населения в 2013 г. по всем регионам Южного макрорегиона ниже уровня средних значений по России, но в 2022 г. уже в пяти регионах уровень выше среднероссийского. В пяти из семи регионов данного макрорегиона наблюдался рост трудоспособного населения. Наибольший рост зафиксирован в Республике Ингушетия и в Чеченской Республике — на 21,9 %. Снижение численности трудоспособного населения произошло в Карачаево-Черкесской Республике (на 3,0 %) и Республике Северная Осетия—Алания (на 1,7 %). В целом по Южному макрорегиону численность трудоспособного населения за 10 лет выросла на 6,3 % (рис. 2.46, 2.47).

По Южному приграничному макрорегиону в целом в 2013 г. и 2022 г. наблюдался отрицательный миграционный прирост. Положительный миграционный прирост на территории Южного приграничного макрорегиона был и в 2013, и в 2022 г. в двух регионах — в Краснодарском крае и в Республике Ингушетия (рис. 2.48, 2.49).

Далее представлена графическая визуализация сопоставления демографических показателей макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам (рис. 2.50).

Рис. 2.46. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках МРЗ в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.47. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках МРЗ в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

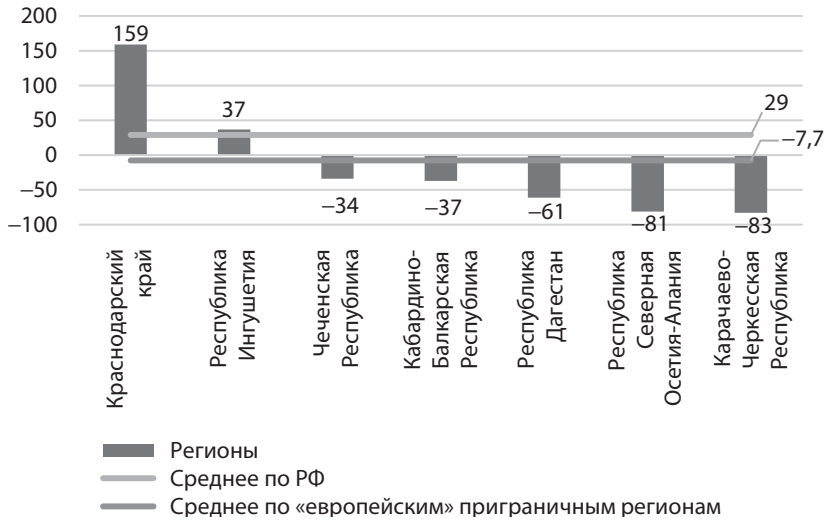

Рис. 2.48. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МРЗ в 2013 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

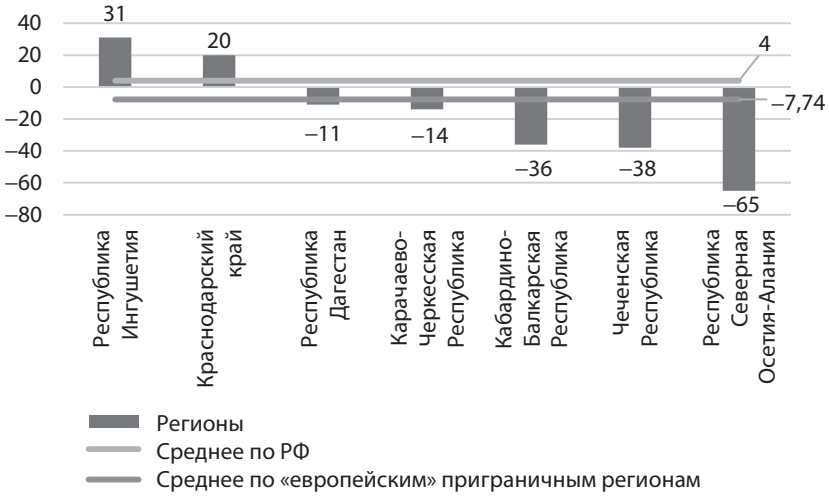

Рис. 2.49. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МРЗ в 2022 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

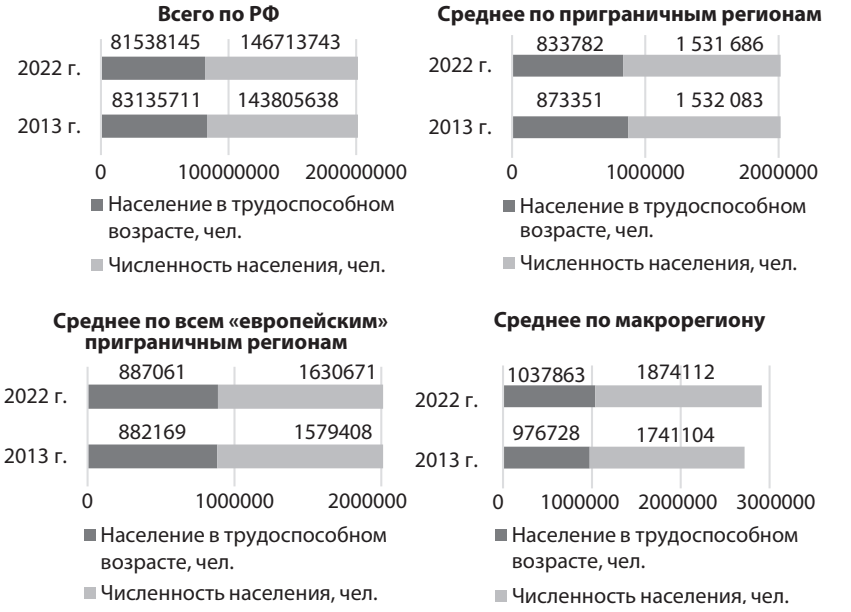

Рис. 2.50. *Динамика численности всего населения и численности населения в трудоспособном возрасте в рамках МРЗ(источник: составлено авторами)*

Графики позволяют сопоставить численность всего населения и его трудоспособной части. По Южному приграничному макрорегиону доля трудоспособного населения снизилась с 56,1 % в 2013 г. до 55,4 % в 2022 г. В трёх субъектах РФ данного макрорегиона доля трудоспособного населения выросла: в Республике Ингушетия (с 55,6 % до 58,5 %), Республике Северная Осетия — Алания (с 54,9 % до 55,7 %), в Чеченской Республике (с 47,5 % до 50,7 %).

Графическая визуализация сопоставления показателей миграционного прироста макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.51.

Блок 3. Показатели в социальной сфере приграничных регионов РФ в МРЗ представлены в приложении Б.

Показатели рождаемости в среднем по регионам Южного макрорегиона и в 2013 г., и в 2022 г. были выше средних показателей по РФ, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Изменение коэффициентов рождаемости за период 2022/2013 гг. находилось в зоне отрицательных значений по всем сравниваемым показателям на всех территориях.

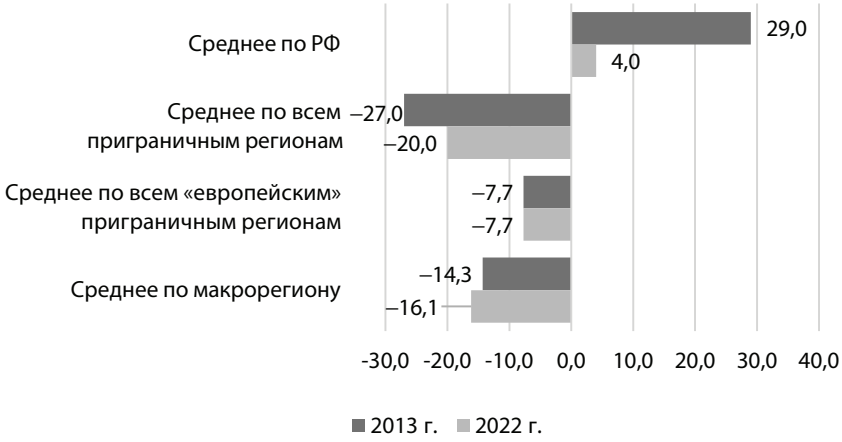

Рис. 2.51. *Сравнение коэффициентов миграционного прироста регионов со средними по РФ, со средними по МРЗ (источник: составлено авторами)*

Лидером по рождаемости и в 2013 г., и в 2022 г. была Чеченская Республика. Коэффициент рождаемости в республике был в 1,9 раза выше среднероссийского показателя в 2013 г. и в 2,3 раза выше в 2022 г. Для этой территории также характерен наименьший коэффициент снижения рождаемости по регионам Южного макрорегиона. Вторым регионом по уровню рождаемости является Республика Ингушетия. Регионом-аутсайдером по уровню рождаемости в МРЗ является Краснодарский край (рис. 2.52, 2.53).

Показатели прерывания беременности значимо снизились с 2013 по 2022 г. по всем анализируемым территориям. Снижение числа абортов на 1000 женщин 15–49 лет по южным приграничным территориям оставило от 16 до 53 %. На уровне МРЗ во всех регионах показатели прерывания беременности и в 2013 г., и в 2022 г. были ниже средних значений по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Снижение числа абортов за период 2022/2013 гг. отмечалось во всех регионах Южного макрорегиона (рис. 2.54, 2.55).

На уровне МРЗ выше средних были показатели рождаемости и в 2013 г., и в 2022 г. в трёх регионах: в Чеченской Республике, республиках Ингушетия и Дагестан. Снижение уровня рождаемости в 2022/2013 гг. выше средних значений было зафиксировано в шести из семи регионов МРЗ (на 28–32 % по регионам), и только в Чеченской Республике снижение рождаемости было ниже средних значений — 16 %.

Рис. 2.52. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МРЗ в 2013 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.53. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МРЗ в 2022 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

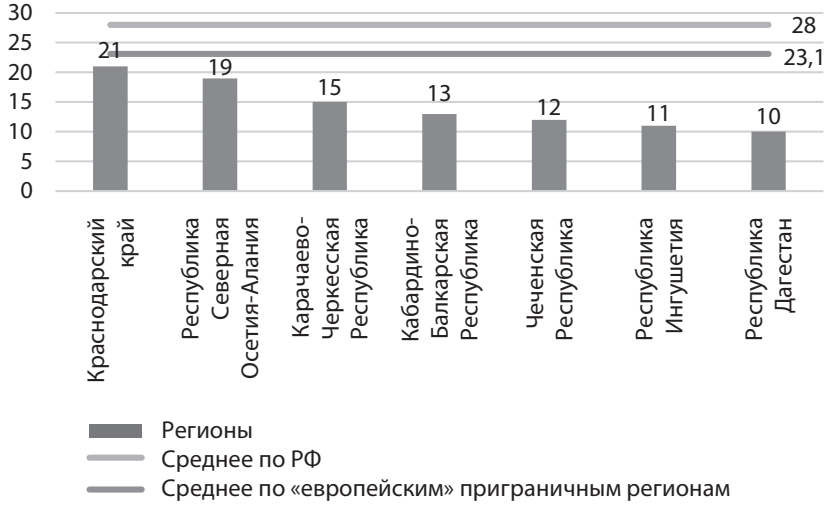

Рис. 2.54. *Число прерываний беременности в приграничных регионах РФ в рамках МРЗ в 2013 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

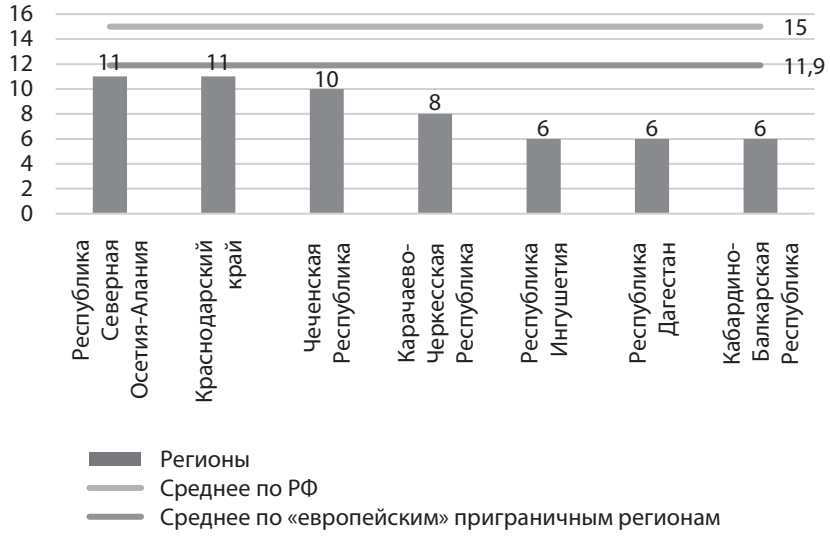

Рис. 2.55. *Число прерываний беременности в приграничных регионах в РФ в рамках МРЗ в 2022 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

Дифференциация регионов Южного приграничного макрорегиона по уровню рождаемости в 2013 г. составляла 1,9 раза, в 2022 г. — 2,3 раза; по показателю прерывания беременностей в 2013 г. — 2,1 раза, в 2022 гг. — 1,8 раза.

Графическая визуализация сопоставления показателей здравоохранения макрорегиона со средним значением по РФ, приграничным регионам, «европейским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.56.

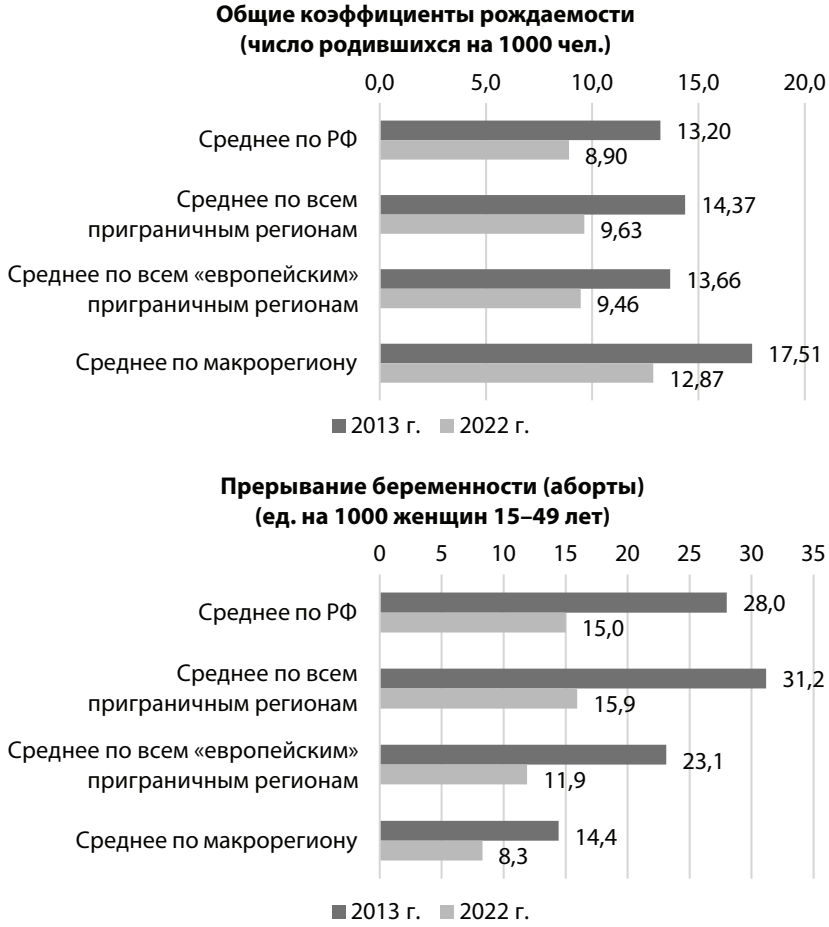

Рис. 2.56. *Сравнение показателей по рождаемости и числу абортов в 2013 г. и 2022 г. в среднем по РФ, в среднем по приграничным регионам, в среднем по МРЗ (источник: составлено авторами)*

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей за период 2013–2022 г.

1. Уровень рождаемости по Южному приграничному макрорегиону снизился.

2. Уровень рождаемости в Южном приграничном макрорегионе был за оба года выше средних показателей по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

3. Уровень прерываний беременности по Южному приграничному макрорегиону снизился.

4. Уровень прерываний беременности в Южном приграничном макрорегионе был за оба года ниже средних показателей по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

Число выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения в 2022 г. относительно 2013 г. существенно снизилось в Южном приграничном макрорегионе — на 39,6 %. Только в одном регионе данного макрорегиона (Краснодарском крае) имел место рост численности выпускников на 10 тыс. населения на 1,9 %.

Также снижение численности выпускников наблюдается по высшему образованию и по аспирантам. В среднем по Южному приграничному региону численность выпускников с высшим образованием снизилась на 34,5 %. С меньшими, но тоже очень существенными темпами снижается численность аспирантов. Рост числа аспирантов на 10 тыс. населения фиксируется только в Чеченской Республике.

По выпускникам образовательных организаций среднего профессионального образования наблюдается рост численности на 10 тыс. населения по Южному приграничному региону за период 2022/2013 гг. в два раза.

В составе Южного приграничного макрорегиона лидером по численности выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. населения в 2013 г. являлась Республика Ингушетия, в 2022 г. — Чеченская Республика; аутсайдером в 2013 г. — Краснодарский край, в 2022 г. — Республика Дагестан. При этом дифференциация позиций регионов по данному показателю снижается: разрыв в численности выпускников со средним общим образованием в 2013 г. составлял 2,1 раза, в 2022 г. — 1,5 раза.

По числу выпускников со средним профессиональным образованием на 10 тыс. чел. в Южном приграничном регионе в 2013 г. лидировал Краснодарский край, а в 2022 г. — Республика Ингушетия. При этом в Карачаево-Черкесской Республике самый высокий темп роста по данной категории выпускников — 4,2 раза,

что выше показателей всех регионов Южного приграничного макрорегиона, средних значений по РФ, приграничным регионам и «европейским» приграничным регионам. Регионом-аутсайдером по численности выпускников со средним профессиональным образованием в 2013 г. была Карачаево-Черкесская Республика, в 2022 г. — Кабардино-Балкарская Республика. Дифференциация позиций регионов по данному показателю снизилась с 3,2 раза в 2013 г. до 1,5 раза в 2022 г. (Артемова, Меленькина, 2024).

По числу выпускников с высшим образованием на 10 тыс. чел. в Южном приграничном макрорегионе и в 2013 г., и в 2022 г. лидировала Республика Северная Осетия — Алания. Регионом-аутсайдером в 2013 г. была Республика Ингушетия, в 2022 г. — Кабардино-Балкарская Республика. Самые высокие темпы падения численности выпускников с высшим образованием за рассматриваемый период были в Республике Дагестан — 53,5 %. Дифференциация позиций регионов по данному показателю и в 2013 г., и в 2022 г. составляла 1,9 раза.

Сравнительный анализ по регионам относительно средних значений (выше среднего значения, ниже среднего значения) в разрезе показателей образования представлен в таблице 2.4.

В 2013 г. более 86 % регионов МРЗ (шесть из семи) имели показатели в образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 населения)) выше, чем в среднем по РФ. В 2022 г. только 29 % регионов МРЗ (два из семи) (Кабардино-Балкарская Республика и Чеченская Республика) имели показатели в образовательной сфере по выпуску обучающихся со средним общем образованием выше, чем в среднем по РФ. Уменьшение доли регионов МРЗ с высокими показателями по выпуску обучающихся со средним общим образованием произошло в результате того, что количество выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. жителей в Южном приграничном макрорегионе уменьшалось более быстрыми темпами (на 39,6 %) по сравнению с темпами снижения числа выпускников в среднем по РФ (на 10,4 %).

По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием выше среднего значения по РФ были показатели в 2013 г. у одного региона МРЗ (Краснодарского края), в 2022 — у шести регионов. В целом произошел рост выпуска специалистов со средним профессиональным образованием (чел. на 10 000 населения) в два раза по Южным приграничным регионам, что в 2,8 раза превышает темпы роста данного показателя в среднем по РФ.

Таблица 2.4

Количество регионов МРЗ в сравнении со средними значениями в разрезе показателей образования, ед.

Сравнение со средним значением		Количество регионов в сравнении со средними значениями, ед.							
		По выпуску со средним общим образованием		По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием		По выпуску бакалавров		По численности аспирантов	
		2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
По РФ	В*	6	2	1	6	0	1	1	1
	Н**	1	5	5	1	7	6	6	6
По приграничным регионам	В	5	2	1	6	1	2	2	3
	Н	2	5	5	1	6	5	5	4
По «европейским» приграничным регионам	В	5	3	2	6	1	2	2	3
	Н	2	4	5	1	6	5	5	4
По МРЗ	В	5	4	3	6	3	2	4	4
	Н	2	3	4	1	4	5	3	3

Примечания: *В — выше среднего значения; **Н — ниже среднего значения
Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Высокими темпами за рассматриваемый период снижался выпуск бакалавров, специалистов и магистров, что также является общероссийской тенденцией. В среднем число выпускников данного уровня образования за период 2013–2022 г. снизилось в Южном макрорегионе на 34,5 %. Наибольшее темпы падения по данному показателю имеют место в Республике Дагестан (на 51,3 %) и в Краснодарском крае (на 46,4 %). По выпуску специалистов с высшим образованием выше среднего по РФ в 2013 г. не было значений ни у одного региона Южного приграничного макрорегиона, в 2022 г. — у одного региона (Республика Северная Осетия — Алания).

Численность также аспирантов снижалась по Южному макрорегиону. По численности аспирантов выше среднего значения по РФ

были значения в 2013 г. и в 2022 г. у одного региона (Республика Северная Осетия — Алания).

Графическая интерпретация сравнения показателей образования макрорегиона представлена на рисунке 2.57.

Рис. 2.57. *Сравнение показателей образования макрорегиона со средними по РФ, со средними по всем «европейским» регионам (источник: составлено авторами)*

Графики позволяют наглядно сопоставить изменение средних показателей численности выпускников разных уровней образования в Южном приграничном макрорегионе.

1. В 2013 г. количество выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения было больше средних значений по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям. По остальным уровням образования — меньше.

2. В 2022 г. количество выпускников на 10 тыс. чел. населения со средним общим образованием, высшим образованием, численность аспирантов были ниже средних показателей в среднем по РФ, по всем приграничным территориям и по «европейским» приграничным территориям, но численность выпускников по средним профессиональным образованием превысила количество выпускников с данным уровнем образования в среднем по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам.

Подводя итоги анализа по Южному приграничному макрорегиону, отметим следующее.

1. Имел место рост ВРП на душу населения по Южному приграничному региону. При этом темпы роста в Южном приграничном регионе были ниже темпов роста в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям. Объемы ВРП на душу населения в среднем по Южному приграничному макрорегиону ниже данного показателя в целом по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. ВРП на душу населения в 2022 г. в Южном макрорегионе был в три раза ниже среднероссийского уровня. Это означает, что в настоящее время данный макрорегион не обладает высоким экономическим потенциалом. Регионом-лидером по объему ВРП на душу населения и по темпам роста ВРП является Краснодарский край. Соотношение между максимальным и минимальным значениями ВРП регионов Южного приграничного макрорегиона в 2013 г. составляло 3,4 раза, в 2022 г. — 4,6 раза. Увеличение дифференциации ВРП на душу населения регионов произошло прежде всего по причине высоких темпов роста ВРП Краснодарского края — в 2,4 раза, что выше, чем рост ВРП в среднем по Южному макрорегиону, но ниже среднероссийских темпов роста ВНП.

Инвестиции в основной капитал на душу населения также увеличивались по Южному приграничному макрорегиону, но с меньшими темпами роста по сравнению с темпами роста ВРП. При этом темпы роста инвестиций в Южном приграничном макрорегионе были ниже темпов роста в целом по РФ, по приграничным территориям,

по «европейским» приграничным территориям. Объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в среднем по Южному приграничному макрорегиону в 2013 г. и в 2022 г. были ниже данного показателя в среднем по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Лидером по объему инвестиций в основной капитал является Краснодарский край, но объемы инвестиций на душу населения в этом регионе снизились в 2022 г. относительно 2013 г. в абсолютном выражении на 33,4 %. Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей инвестиций на душу населения регионов МРЗ составило в 2013 г. 6,9 раза, в 2022 г. — 2,7 раза, что означает снижение дифференциации в инвестиционном обеспечении регионов при снижении уровня инвестиций относительно среднероссийского уровня. В 2013 г. доля инвестиций по Южному макрорегиону составляла 65,1 % от среднероссийского уровня, в 2022 г. — 26,3 %.

2. Южный приграничный макрорегион характеризуется высокой плотностью населения по сравнению со среднероссийскими значениями и относительно высоким для России уровнем доли сельского населения. В трёх субъектах РФ Южного приграничного макрорегиона преобладает сельское население, в четырёх регионах данного макрорегиона имеет место преобладание городского населения в пределах от 51,85 до 63,82 %, что ниже среднероссийского уровня.

Численность населения макрорегиона в 2022 г. по сравнению с 2013 г. увеличилась на 7,6 %, также увеличилась численность трудоспособного населения (на 6,3 %). В целом произошло снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения с 56,1 до 55,4 %. Миграционный прирост в 2013 г. и 2022 г. в Южном приграничном макрорегионе был отрицательным. Положительный миграционный прирост был отмечен только в Краснодарском крае. Прирост численности населения и трудоспособного населения повышает уровень человеческого капитала регионов.

3. Показатели рождаемости в южных приграничных регионах и в 2013 г., и в 2022 г. были выше средних показателей по РФ, по всем приграничным регионам, по всем «европейским» приграничным регионам. Изменение коэффициентов рождаемости за период 2022/2013 гг. находилось в зоне отрицательных значений по всем сравниваемым показателям на всех территориях. Дифференциация регионов по уровню рождаемости Южного приграничного макрорегиона в 2013 г. составляла 1,9 раза, в 2022 г. — 2,3 раза.

Уровень прерывания беременностей в Южном приграничном макрорегионе был и в 2013 г., и в 2022 г. ниже средних показателей по РФ, по всем приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям.

Снижение рождаемости приведет в будущем к уменьшению доли трудоспособного населения в общей численности населения.

4. В отношении численности и уровня образования выпускников за период 2013–2022 гг. произошли существенные сдвиги. Численность выпускников со средним общим образованием в расчете на 10 тыс. населения по регионам Южного приграничного макрорегиона существенно снизилась (на 39,6 %), по выпускникам со средним профессиональным образованием выросла в два раза, по выпускникам с высшим образованием снизилась на 34,5 %, по числу аспирантов снизилась на 22,2 % (Артемова, Меленькина, 2024). Лидером по числу выпускников с высшим образованием и числу аспирантов на 10 тыс. населения является Республика Северная Осетия — Алания.

2.3 Анализ человеческого потенциала «азиатских» приграничных регионов[1,2]

Для настоящего исследования были выделены следующие макрорегионы: Российско-Казахстанский приграничный макрорегион — 13 регионов РФ, Российско-Китайский приграничный макрорегион — шесть регионов РФ, Российско-Монгольский приграничный макрорегион — четыре региона РФ. Необходимо отметить, что результаты анализа азиатских приграничных регионов частично были опубликованы авторами в (Антонова, 2024), но для удобства читателей приводятся ниже в том же объеме и последовательности, что и для других регионов, без сокращений.

Для дальнейшего анализа была проанализирована необходимая информация (табл. 2.5).

Приграничные регионы азиатского направления включают 21 субъект РФ. Отметим разный административный статус регионов: 11 областей, четыре республики, четыре края, одна автономная область, один автономный округ.

[1] Параграф подготовлен д-ром экон. наук О. В. Артёмовой, канд. экон. наук С. А. Меленькиной.

[2] Артемова О. В., Меленькина С. А. (2024). Человеческий потенциал приграничных регионов азиатской части России. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент, 18* (4), 15–32. https://doi.org/10.14529/em240402

Таблица 2.5

Общая характеристика приграничных регионов азиатской части страны

Регион	Сопредельная страна	Доля протяженности границ с сопредельной страной в общей протяженности границ региона, %	Плотность населения, чел./км^{2*}	Доля городского населения, %**	Обозначение макрорегионов (МР)
Астраханская область****	Казахстан	29,310	19,4	64,1	МР4
Волгоградская область****	Казахстан	9,700	21,9	77,6	МР4
Саратовская область****	Казахстан	15,710	23,8	76,8	МР4
Самарская область****	Казахстан	0,017	58,7	79,5	МР4
Оренбургская область****	Казахстан	50,700	14,9	59,9	МР4
Челябинская область	Казахстан	31,600	38,5	82,6	МР4
Курганская область	Казахстан	41,870	10,7	64,2	МР4
Тюменская область (без АО)	Казахстан	13,200	9,9	67,7	МР4
Омская область	Казахстан	36,430	13,0	73,6	МР4
Новосибирская область	Казахстан	12,170	15,7	79,7	МР4
Алтайский край	Казахстан	39,240	12,7	58,3	МР4
Республика Алтай	Казахстан, Китай, Монголия	28,760; 3,060; 12,430	2,3	30,8	МР4 МР5 МР6
Республика Калмыкия	Казахстан	4,590	3,5	47,0	МР4
Республика Тыва	Монголия	53,300	2,0	55,3	МР6
Республика Бурятия	Монголия	27,900	2,8	59,1	МР6
Забайкальский край	Китай, Монголия	21,350; 17,320	2,3	69,5	МР5 МР6

Окончание табл. 2.5 на след. стр.

Окончание табл. 2.5

Регион	Сопредельная страна	Доля протяженности границ с сопредельной страной в общей протяженности границ региона, %	Плотность населения, чел./км^{2*}	Доля городского населения, %**	Обозначение макрорегионов (МР)
Амурская область	Китай	29,070	2,1	68,4	МР5
Еврейская автономная область	Китай	55,090	4,1	70,8	МР5
Хабаровский край	Китай	2,160	1,6	83,5	МР5
Приморский край	Китай, КНДР**	38,70; —	11,1	78,4	МР5
Чукотский автономный округ	США*** (морская граница)	1,020	0,1	69,1	Не вошел в выделенные МР

Примечания: *данные на 1 января 2023 г.; **данные на конец 2022 г.; ** Приморский край как приграничный регион с КНДР не рассматривался; ***Чукотский автономный округ как приграничный регион с КНДР не рассматривался; ****эти регионы находятся в европейской части РФ, но отнесены к данному макрорегиону по принципу границы с Казахстаном.

Источник: составлено авторами по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 15.05.2024).

В приграничных с азиатскими странами регионах России протяженность границ с Казахстаном в пяти регионах составляет более 30 %, максимальное значение в Оренбургской области (50,70 %).

Наибольшая плотность населения в Самарской области (58,7 чел./км^2) и Челябинской области (38,5 чел./км^2), наименьшая в Хабаровском крае (1,6 чел./км^2); урбанизация в данных регионах высокая: доля городского населения более 70 % в 10 из 21 региона, самый высокий уровень урбанизации в Хабаровском крае (83,5 %).

С целью оценки экономического и человеческого потенциала нами были проведены исследования по трем направления (блокам), для которых была сформирована соответствующая система показателей. При этом первый блок в обобщенном виде отражал ситуацию с экономическим потенциалом регионов, второй и третий блоки — с человеческим потенциалом. Статданные приведены за 2013 г., 2022 г.

Типологизация регионов по географическому признаку, выделение макрорегионов в целях данного исследования

Для анализа была проведена группировка регионов по трём макрорегионам: Российско-Казахстанский приграничный макрорегион (13 регионов, из них один регион имеет только морскую границу) обозначен в анализе как макрорегион 4 (MP4), Российско-Китайский приграничный макрорегион (шесть регионов) — макрорегион 5 (MP5), Российско-Монгольский приграничный макрорегион (четыре региона) — макрорегион 6 (MP6).

Российско-Казахстанский приграничный макрорегион (MP4)

Российско-Казахстанский приграничный макрорегион имеет особенности, связанные с тем, что Казахстан входил в состав СССР как союзная республика, а на сегодняшний день является дружественным нам государством. Наши страны имеют общее историческое прошлое: длительное совместное развитие территории, тесные экономические связи (сложившийся хозяйственный и инфраструктурный комплекс, взаимодополняющие потребности в ресурсах и товарах), общие гуманитарные подходы, культурные связи (Артемова, Меленькина, 2024; Клемешев, 2021).

Согласно логике настоящего исследования, внимание сфокусировано не на всем спектре российско-казахстанских отношений, а на вопросах поиска возможностей развития приграничных регионов РФ, в частности за счет повышения человеческого потенциала в регионах РФ, граничащих с Казахстаном. Для этого проведен

анализ состояния экономической, демографической и социальной сфер развития приграничных территорий.

Блок 1. Экономические показатели приграничных регионов РФ в рамках МР4: ВРП на душу, инвестиции в основной капитал на душу населения представлены в приложении В.

Анализ показателя ВРП на душу населения в МР4 показал, что в данном макрорегионе регионом-лидером по ВРП на душу населения в 2013 г. и 2022 г. являлась Тюменская область. Регион-аутсайдер по ВРП на душу населения в 2013 г. — Республика Калмыкия, в 2022 г. — Республика Алтай (рис. 2.58, 2.59).

На графиках визуализировано сравнение ВРП на душу населения со средним значением по РФ в 2013 г.: значение ниже в 12 регионах, выше — в одном (Тюменская область); аналогичная ситуация отмечалась и в 2022 г. При сравнении показателя со средним по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. и 2022 г.: ниже — девять регионов, выше — четыре.

Внутри макрорегиона регионы дифференцированы по ВРП на душу населения, это очевидно при сравнении ВРП на душу

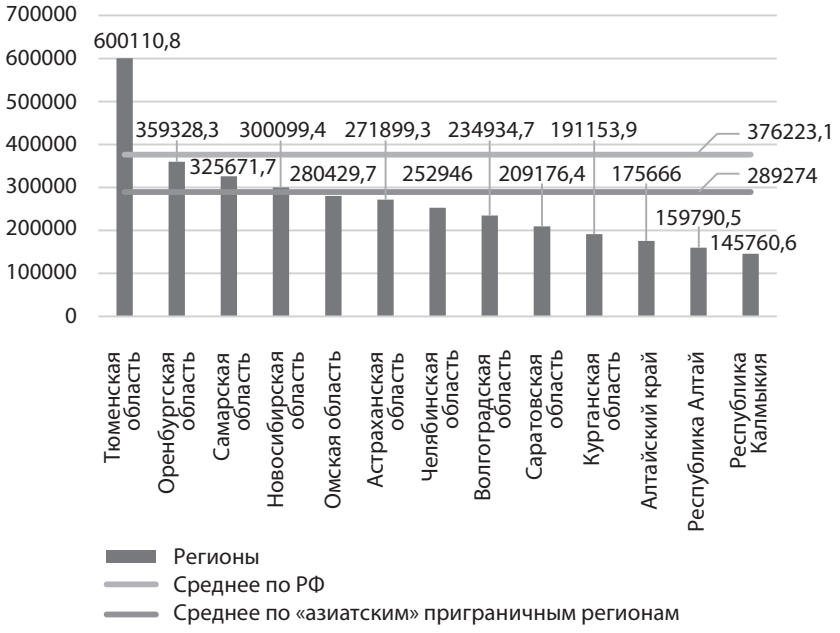

Рис. 2.58. *ВРП на душу населения в МР4 в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

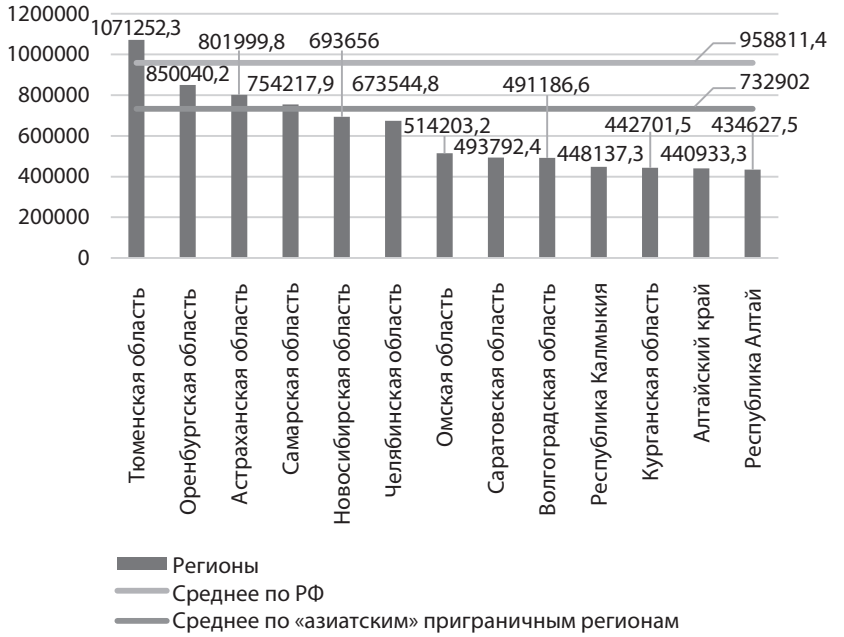

Рис. 2.59. *ВРП на душу населения в МР4 в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

населения регионов в 2013 г. и 2022 г. со средним по макрорегиону, где значение показателя ниже в семи регионах, выше в шести.

Поляризация между максимальным и минимальным значениями показателя в 2013 г. — 4,11, в 2022 г. — 2,46. Разрыв значительный, но в 2022 г. происходит его снижение.

Анализ показателя инвестиций в основной капитал на душу населения свидетельствует о том, что регионом-лидером в 2013 и 2022 гг. являлась Тюменская область. Регион-аутсайдер по инвестициям в основной капитал на душу населения в 2013 г. — Курганская область, в 2022 г. — Республика Калмыкия (рис. 2.60, 2.61).

При сравнении по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения со средним значением по РФ выявлено, что в 2013 г. ниже среднего значения находились 11 регионов, выше — два региона; в 2022 г. ниже — 12 регионов, выше — один регион. При сравнении его со средним по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. ниже — 10 регионов, выше — три региона; в 2022 г. ниже — 12 регионов, выше — один регион.

Рис. 2.60. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР4 в 2013 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

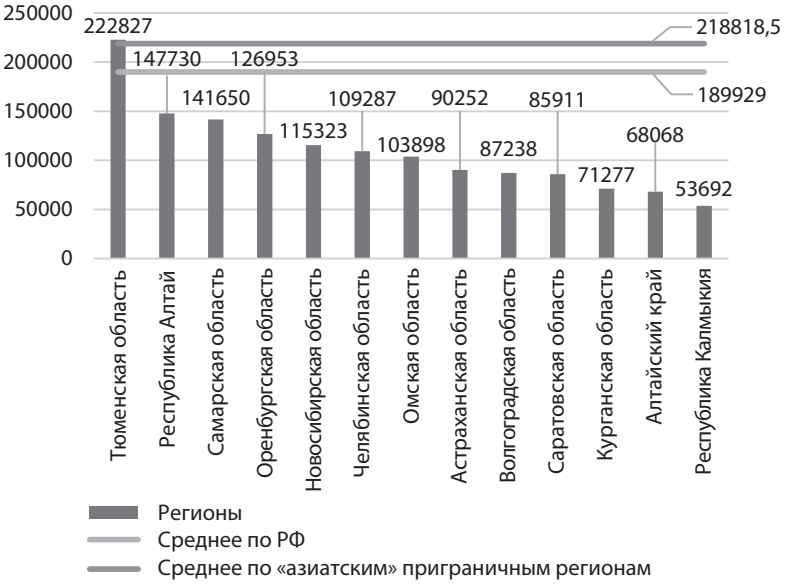

Рис. 2.61. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР4 в 2022 г., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

В макрорегионе отмечена дифференциация по инвестициям в основной капитал на душу населения. Это выявлено при сравнении инвестиций этого показателя в 2013 г. со средним значением по макрорегиону: ниже — девять регионов, выше — четыре региона; в 2022 г. ниже — восемь регионов, выше — пять регионов.

Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей регионов в 2013 г. — 4,65, в 2022 г. — 4,15, что говорит о значительном разрыве показателей, но в 2022 г. происходит его незначительное снижение.

Графическая визуализация сопоставления экономических показателей МР4 со средними значениями по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.62.

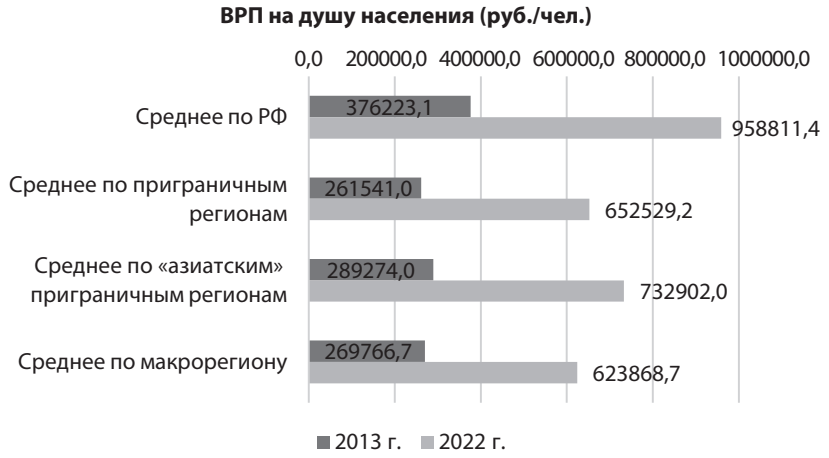
Графики позволяют сопоставить изменение средних показателей: а) ВРП на душу в 2022 г. по отношению к 2013 г.: среднее значение показателя по РФ за период выросло в 2,5 раза; по приграничным регионам — в 2,5 раза; по «азиатским» приграничным регионам — в 2,5 раза, по макрорегиону — в 2,3 раза (прирост меньше, отставание МР4 возрастает); б) инвестиции в основной капитал на душу в 2022 г.: по отношению к 2013 г. среднее значение показателя по РФ за период выросло в 2,0 раза, по приграничным регионам — в 2,3 раза, по «азиатским» приграничным регионам — в 3,0 раза, по макрорегиону — в 1,5 раза (прирост меньше, отставание МР4 значительно возрастает).

Блок 2. Демографические показатели приграничных регионов РФ в рамках МР4: численность населения, население в трудоспособном возрасте, коэффициенты миграционного прироста (данные представлены в приложении В).

Анализ показателя численности населения в МР4 свидетельствует, что за период 2013–2022 гг. она выросла в РФ (+2,0 %), при этом наблюдалось падение численности населения в среднем по всем «азиатским» регионам (-0,1 %), в среднем по макрорегиону (-3,0 %), а также в 10 из 13 регионов (за исключением Тюменской, Новосибирской областей, Республики Алтай).

Челябинская область — это регион с наибольшей численностью населения в 2013 и в 2022 гг., при этом сокращение населения в нем за этот период составило 2,1 %. Регион с наименьшей численностью населения в 2013 г. и в 2022 г. — Республика Алтай, при этом прирост населения в Республике за данный период составил 1,1 %.

Сравнение регионов по численности населения со средним значением по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г.

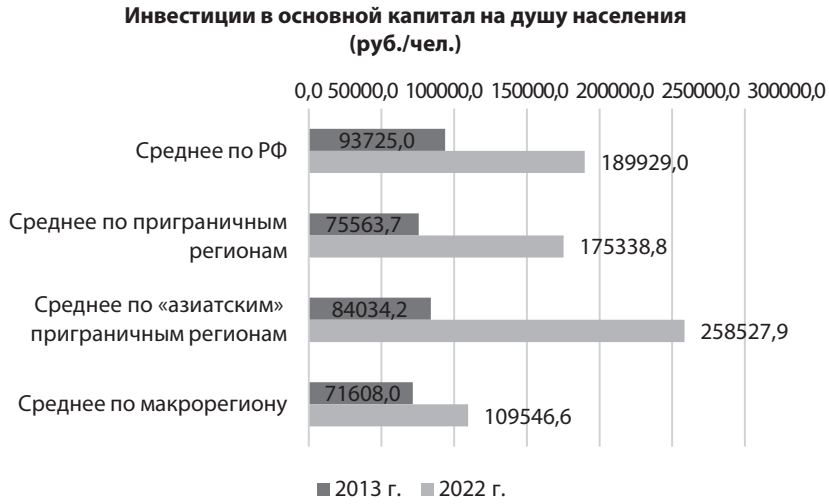

Рис. 2.62. *Сравнение экономических показателей МР4 со средними по РФ, по приграничным регионам и по «азиатским» приграничным регионам (источник: составлено авторами)*

показало: значение показателя ниже в пяти регионах, выше — в восьми регионах (рис. 2.63).

Сравнение регионов по численности населения со средним значением по «азиатским» приграничным регионам в 2022 г. показало: значение показателя ниже в четырех регионах, выше — в девяти регионах (рис. 2.64).

Рис. 2.63. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках МР4 в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.64. *Численность населения приграничных регионов РФ в рамках МР4 в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Сравнение прироста населения регионов в 2022 г./2013 г. со средним по «азиатским» приграничным регионам: ниже — 10 (при этом изменение имело отрицательное значение (спад)), выше — 3 (положительные значения (прирост)). Сравнение прироста населения в трудоспособном возрасте: ниже — 13 регионов, выше — 0.

Сравнение численности населения в трудоспособном возрасте в 2013 и 2022 гг.: ниже — 4 региона, выше — 9 (рис. 2.65, 2.66).

В среднем в РФ в 2013 г. трудоспособное население составляло 57,8 %, в 2022 г. — 55,7 %; соотношение средней численности всего населения и его трудоспособной части по приграничным азиатским территориям следующее: в 2013 г. — 57,9 %, 2022 г. — 57,1 % (снижение доли трудоспособного населения); по макрорегиону это соотношение составило в 2013 г. 57,8 %, в 2022 г. — 53,8 % (значительное снижение доли трудоспособного населения).

При сравнении коэффициентов миграционного прироста в МР4 оказалось, что в среднем в РФ коэффициенты миграционного прироста в 2013 и 2022 гг. положительные, в среднем по «азиатским» регионам и макрорегиону — отрицательные. В группе из 13 регионов в 2013 г. положительный прирост имели пять регионов

Рис. 2.65. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках МР4 в 2013 г., чел. (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.66. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в рамках МР4 в 2022 г., чел. (источник: составлено авторами)*

(максимальный — в Тюменской области), в 2022 г. — три региона (максимальный также в Тюменской области) (рис. 2.67, 2.68).

Сопоставление демографических показателей макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлено на рисунке 2.69.

Соотношение численности всего населения и его трудоспособной части показало:

а) в среднем в РФ в 2013 г. трудоспособное население составляло 57,8 %, в 2022 г. — 55,7 %, что говорит о снижении доли трудоспособного населения за этот период;

б) соотношение средней численности всего населения и его трудоспособной части по приграничным территориям в 2013 г. — 57 %, 2022 г. — 54,4 %, это отражает снижение доли трудоспособного населения;

в) сопоставление средней численности всего населения и его трудоспособной части по приграничным азиатским территориям: в 2013г. — 57,9 %, в 2022 г. — 57,1 %, что показывает тенденцию к незначительному снижению доли трудоспособного населения (Артемова, Меленькина, 2024);

г) сравнение средней численности всего населения и его трудоспособной части по макрорегиону показывает, что в 2013 г. она

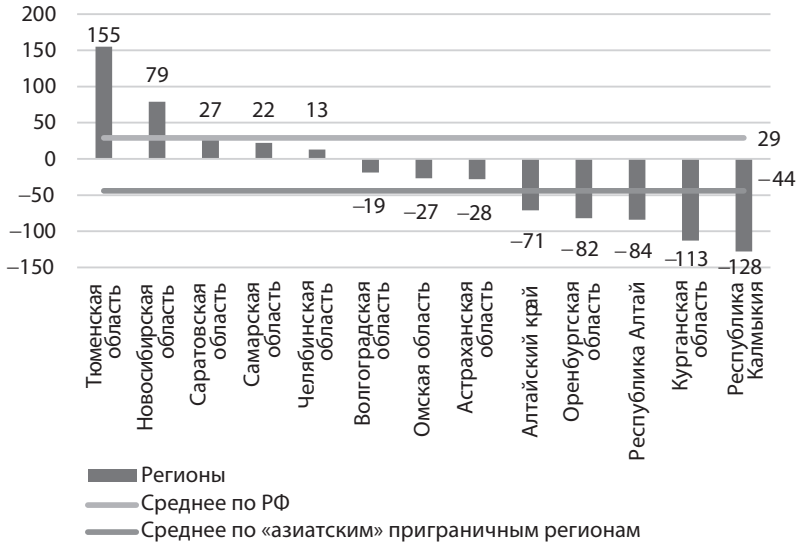

Рис. 2.67. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МР4 в 2013 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

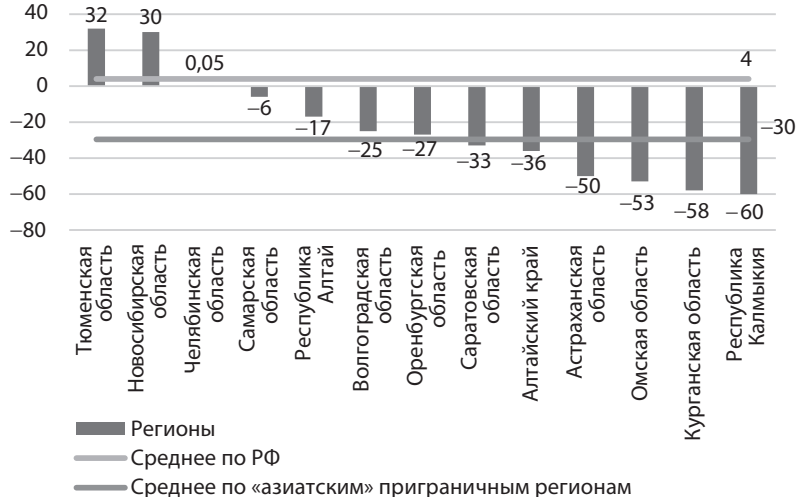

Рис. 2.68. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в рамках МР4 в 2022 г. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

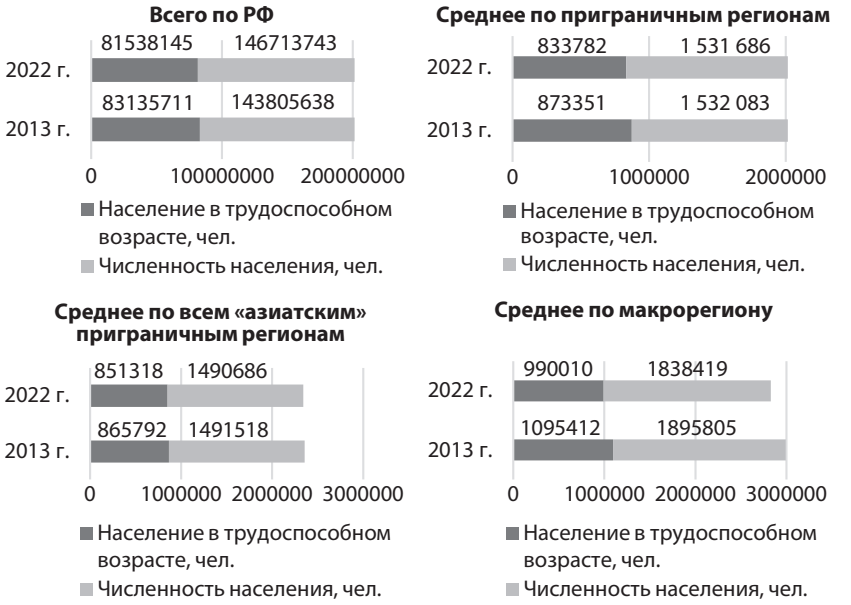

Рис. 2.69. *Динамика численности всего населения и численности населения в трудоспособном возрасте (источник: составлено авторами)*

составляла 57,8 %, в 2022 г. — 53,8 %; отмечалась тенденция к значительному снижению доли трудоспособного населения (Артемова, Меленькина, 2024).

Сопоставление показателей миграционного прироста макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлено на рисунке 2.70.

Из графиков видно изменение средних показателей миграционного прироста; в «положительной» зоне — коэффициенты миграционного прироста в среднем по РФ, остальные показатели в «отрицательной» зоне. Наибольшее снижение миграционного потока отмечено в азиатских приграничных регионах.

Потенциал в социальной сфере представлен наиболее важными показателями здравоохранения и образования приграничных регионов РФ, входящих в состав МР4.

Блок 3. Показатели в социальной сфере приграничных регионов РФ в МР4.

Потенциал в социальной сфере представлен наиболее важными показателями здравоохранения: коэффициенты рождаемости, число прерываний беременности (данные представлены в приложении В).

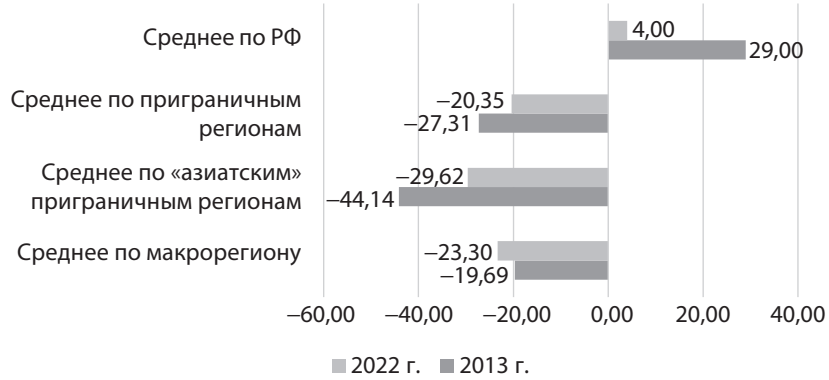

Рис. 2.70. *Сравнение коэффициентов миграционного прироста регионов со средними по РФ и по МР4 (источник: составлено авторами)*

Анализ показателей по здравоохранению в МР4 показал, что лидером по рождаемости в 2013 и 2022 гг. стала Республика Алтай, аутсайдером в 2013 г. — Саратовская область, а в 2022 г. еще и Волгоградская область (рис. 2.71, 2.72).

При сравнении количества регионов по рождаемости со средним по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. и 2022 г. отмечено, что значение показателя ниже в 10 регионах, выше — в трех регионах.

По показателю «прерывание беременности» наименьшее число абортов в Республике Калмыкия и в Астраханской области (рис. 2.73, 2.74).

По числу абортов в 2013 и 2022 гг. пять регионов имеют показатель ниже, чем средний по РФ, восемь регионов — выше.

По числу абортов при сравнении со средним по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. и 2022 г. оказалось, что значение показателя ниже в восьми регионах, выше — в пяти.

Показатель рождаемости в сравнении со средним значением по РФ в 2013 г. ниже в четырех регионах, выше — в девяти; по числу абортов — ниже в четырех, выше — в девяти, в 2022 г. по рождаемости в сравнении со средним по РФ ниже — в восьми, выше — в пяти; по числу абортов ниже — в четырех, выше — в девяти.

Сравнение регионов по изменению рождаемости в 2022 г./2013 г. (%) со средним значением по РФ: ниже — три региона, выше — десять; по числу абортов: ниже — три, выше — десять.

Сравнение регионов по изменению коэффициента рождаемости в 2022 г./2013 г. со средним значением по «азиатским»

Рис. 2.71. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МР4 в 2013 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.72. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в рамках МР4 в 2022 г., число родившихся на 1000 чел. населения (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.73. *Число прерываний беременности в приграничных регионах РФ в рамках МР4 в 2013 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

Рис. 2.74. *Число прерываний беременности в приграничных регионах в РФ в рамках МР4 в 2022 г., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

приграничным регионам: ниже — в десяти регионах (отрицательные значения (спад)), выше — в трех (положительные значения (прирост)). Сравнение регионов по числу абортов: ниже среднего значения в семи, выше — в шести.

По показателям здравоохранения в МР4 существует дифференциация регионов. При сравнении показателей по рождаемости регионов со средним по макрорегиону в 2013 г. отмечено, что она ниже в семи регионах, выше в шести; по числу абортов — ниже в семи регионах, выше — в шести; в 2022 г. ниже — в девяти регионах, выше — в четырех; по числу абортов: ниже — в двенадцати регионах, выше — в одном, ниже — в восьми регионах, выше — в пяти.

Сопоставление показателей здравоохранения макрорегиона со средними значением по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлено на рисунке 2.75.

Рис. 2.75. *Сравнение показателей по рождаемости и числу абортов в 2013 г. и 2022 г. в среднем по РФ, по приграничным регионам, по МР4 (источник: составлено авторами)*

Рисунки демонстрируют изменение средних показателей рождаемости в 2022 г. по сравнению с 2013 г. (положительный прирост), причем наибольший прирост рождаемости наблюдался в среднем по макрорегиону. Относительно средних показателей по прерыванию беременности отметим, что наиболее тревожная ситуация как в 2013 г., так и в 2022 г. имела место в группе «азиатских» приграничных регионов.

Сравнительный анализ по регионам относительно средних значений в разрезе показателей образования представлен в таблице 2.6.

В 2013 г. более 50 % регионов МР4 имели показатели в образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании) ниже, чем в среднем по РФ, а также по «азиатским» регионам. В 2022 г. более 50 % регионов МР4 имели показатели в образовательной сфере ниже, чем в среднем по «азиатским»

Таблица 2.6

Количество регионов МР4 в сравнении со средними значениями в разрезе показателей образования, ед.

Сравнение со средним значением		Количество регионов в сравнении со средними значениями, ед.							
		По выпуску обучающихся со средним общим образованием		По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием		По выпуску бакалавров		По численности аспирантов	
		2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
По РФ	В*	5	7	11	11	7	7	6	2
	Н**	8	6	3	3	6	6	7	11
По «азиатским» регионам	В	3	4	5	9	8	9	8	8
	Н	10	9	8	4	5	4	5	5
По МР4	В	3	5	5	5	8	7	6	6
	Н	10	8	8	8	5	6	7	7

Примечания: *В — выше среднего значения; **Н — ниже среднего значения

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

регионам, а также по макрорегиону. Аналогичная ситуация складывалась и в 2022 г. Наблюдается тревожная ситуация, которая сложилась по выпускникам школ: отставание в численности выпускников от аналогичного показателя в среднем по РФ, а также от группы «азиатских» регионов. Из 13 регионов только в трех наблюдался прирост числа выпускников за период 2013–2022 г. (Тюменская, Новосибирская, Волгоградская области).

В 2013 г. более 50 % регионов МР4 имели показатели по СПО ниже, чем в среднем по «азиатским» регионам, а также по макрорегиону. В 2022 г. — ниже, чем в среднем по макрорегиону.

В 2013 г. и 2022 г. более 50 % регионов МР4 имели показатели по численности аспирантов ниже, чем в среднем РФ, а также по макрорегиону.

Графическая интерпретация сравнения показателей образования макрорегиона представлена на рисунке 2.76.

Итоги анализа по Российско-Казахстанскому приграничному макрорегиону следующие (Артемова, Меленькина, 2024).

1. Рост показателей ВРП на душу населения и инвестиций на душу населения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. по всей группе средних значений показателей. Значительная дифференциация экономических показателей по приграничным регионам в составе макрорегиона (поляризация значений ВРП/душу населения в 2013 г. — 4,51, в 2022 г. — 2,46; по инвестициям на душу населения разрыв составлял в 2013 г. 4,65, в 2022 г. — 4,15.). По результатам анализа наибольшим экономическим потенциалом обладала Тюменская область.

2. Численность населения РФ за период 2013–2022 гг. выросла (+2,0 %), численность населения в среднем по всем «азиатским» регионам снизилась (–0,1 %), в среднем по макрорегиону произошло снижение численности (–3,0 %), а также снижение имело место в десяти из 13 регионов. Прирост численности населения в трудоспособном возрасте по всем средним значениям и в разрезе отдельных регионов находился в зоне отрицательных значений.

Снижение доли трудоспособного населения за анализируемый период по средним показателям (по РФ, а также по «азиатским» регионам и по макрорегиону) отмечалось по всем 13 регионам, входящим в МР4. Прирост численности населения в трудоспособном возрасте по всем средним значениям и в разрезе отдельных регионов находился в зоне отрицательных значений.

Рис. 2.76. *Сравнение показателей образования макрорегиона со средними по РФ и по всем «азиатским» регионам (источник: составлено авторами)*

Коэффициенты миграционного прироста в среднем по РФ в 2013 и 2022 гг. положительные, в среднем по «азиатским» регионам и макрорегиону — отрицательные. В группе из 13 регионов в 2013 г. положительный прирост имели пять регионов (максимальный — в Тюменской области), в 2022 г. — 3 региона (максимальный — в Тюменской области).

В приграничных регионах Российско-Казахстанского макрорегиона происходит снижение человеческого потенциала, а это означает снижение возможностей обеспечения нормальной жизнедеятельности, расширенного воспроизводства населения, освоения приграничных территорий.

3. По группе средних показателей рождаемости в 2022 г. ситуация ухудшилась по сравнению с 2013 г. В то же время в 2013 г. большинство регионов макрорегиона имели показатели рождаемости, превышающие аналогичные показатели в среднем по РФ, в 2022 г. ситуация ухудшилась: более 50 % регионов имели рождаемость ниже, чем в среднем по РФ. Число абортов в 2022 г. по сравнению с 2013 г. снижалось, но все еще оставалось высоким (выше, чем в среднем по РФ), в особенности это касается «азиатских» приграничных регионов и регионов, входящих в МР4.

Более 50 % регионов макрорегиона в 2013 г. имели показатели в образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании) ниже, чем в среднем по РФ. Неблагоприятная ситуация сложилась по выпускникам школ: наблюдалось отставание в численности выпускников от аналогичного показателя в среднем по РФ.

Российско-Китайский приграничный макрорегион (МР5)

Экономический потенциал представлен двумя наиболее важными показателями развития приграничных регионов РФ, входящих в состав выделенного нами макрорегиона МР5.

Блок 1. Экономическая ситуация в регионах Российско-Китайского приграничного макрорегиона.

Регион-лидер по ВРП на душу населения в 2013 г. — Хабаровский край, в 2022 г. — Приморский край. Регион-аутсайдер по ВРП на душу населения в 2013 г. и в 2022 г. — Республика Алтай.

При сравнении ВРП на душу населения регионов в 2013 г. и в 2022 г. со средним по РФ оказалось, что во всех шести регионах он ниже.

ВРП на душу населения регионов в 2013 г. по сравнению со средним значением по «азиатским» приграничным регионам ниже

в четырех регионах, выше в двух. В 2022 г. он ниже в трех регионах, выше тоже в трех (рис. 2.77).

Анализ показателя инвестиций в основной капитал на душу населения в макрорегионе показал, что регионом-лидером в 2013 г. и 2022 г. была Амурская область. Регионы-аутсайдеры в 2013 г. — Забайкальский край, в 2022 г. — Еврейская автономная область (рис. 2.78).

При сравнении инвестиций в основной капитал на душу населения регионов со средним значением по РФ выявилось, что как в 2013 г., так и в 2022 г. они ниже в четырех регионах, выше в двух.

Сравнение инвестиций в основной капитал на душу населения регионов в 2013 г. со средним значением по «азиатским» приграничным регионам выявило, что они ниже в трех регионах, выше тоже в трех, в 2022 г.: ниже в пяти, выше — в одном.

При сравнении инвестиций в основной капитал на душу населения регионов со средним по макрорегиону в 2013 г. оказалось, что в трех регионах они ниже, в трех — выше. В 2022 г. ситуация сложилась следующим образом: ниже в пяти регионах, выше — в одном.

Поляризация (соотношение между максимальным и минимальным значением показателей) в регионах: в 2013 г. — 2,4, в 2022 г. — 4,5. Разрыв значительный, при этом в 2022 г. произошло его существенное увеличение.

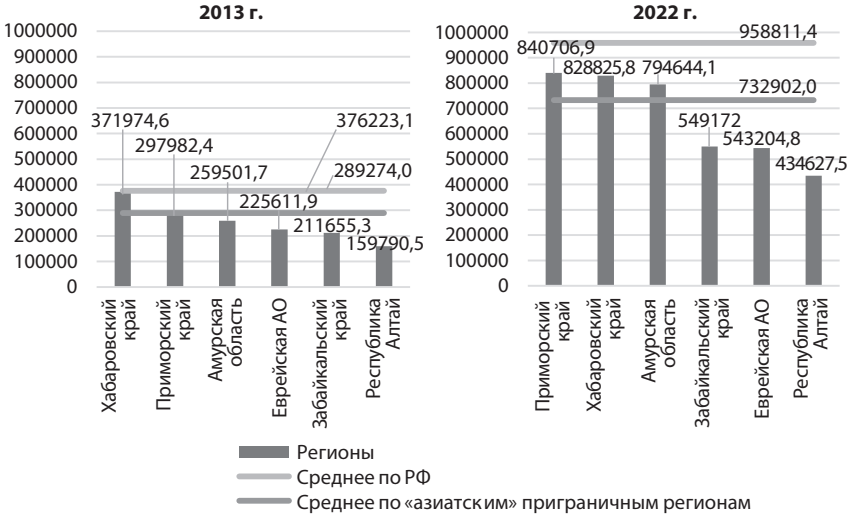

Рис. 2.77. *ВРП на душу населения в МР5 в 2013 и 2022 гг., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

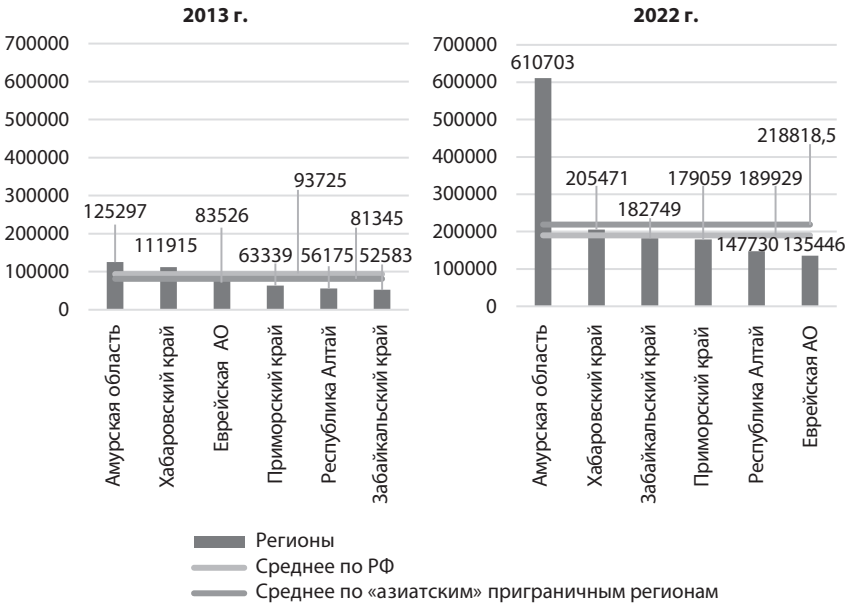

Рис. 2.78. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР5 в 2013 и 2022 гг., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

Сравнение экономических показателей регионов со средними по РФ, со средними по макрорегиону представлено на рисунке 2.79.

Из рисунка видно значительное увеличение экономических показателей в 2022 г. по сравнению с 2013 г., это следует из сопоставления средних показателей: а) по ВРП на душу в 2022 г. по отношению к 2013 г.: среднее значение показателя по РФ за период выросло в 2,5 раза; по приграничным регионам — в 2,5 раза; по «азиатским» приграничным регионам — в 2,5 раза, по макрорегиону — в 2,8 раза; б) по инвестициям в основной капитал на душу в 2022 г. по отношению к 2013 г.: среднее значение показателя по РФ за период выросло в 2,0 раза, по приграничным регионам — в 2,3 раза, по «азиатским» приграничным регионам — в 3,0 раза, по макрорегиону — в 2,8 раза.

Демографический потенциал представлен тремя наиболее важными показателями развития приграничных регионов РФ, входящих в состав МР5.

Блок 2. Демографическая ситуация в регионах Российско-Китайского приграничного макрорегиона продемонстрировала следующее.

Рис. 2.79. *Сравнение экономических показателей регионов со средними по РФ и по МР5 (источник: составлено авторами)*

Численность населения за период 2013–2022 гг. выросла в РФ (+2,0 %), при этом наблюдалось падение численности населения в среднем по всем «азиатским» регионам (–0,1 %), в среднем по макрорегиону (–5,7 %), а также во всех регионах МР5. Прирост численности населения в трудоспособном возрасте по всем средним значениям и в разрезе отдельных регионов МР5 находится в зоне отрицательных значений (рис. 2.80, 2.81).

В составе макрорегиона наибольшую численность населения в 2013 г. и в 2022 г. имел Приморский край, при этом сокращение населения в нем за период составило 2,1 %. Регион с наименьшей численностью населения в 2013 г. и в 2022 г. — Еврейская автономная область, при этом сокращение населения за данный период составило 12,8 %.

Рис. 2.80. *Численность населения приграничных регионов РФ в МР5 в 2013 и 2022 гг., чел. (источник: составлено авторами)*

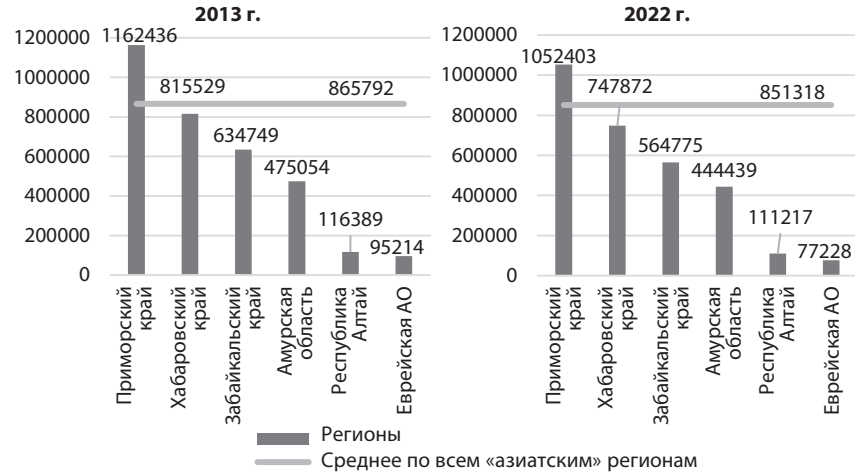

Рис. 2.81. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в МР5 в 2013 и 2022 гг., чел. (источник: составлено авторами)*

При сравнении регионов по численности населения со средним значением по приграничным регионам в 2013 г. и в 2022 г. оказалось, что она ниже в пяти регионах, выше — в одном. Сравнение численности населения в трудоспособном возрасте в 2013 г. и 2022 г. показало, что она также ниже в пяти регионах, выше — в одном.

Численность населения в приграничных регионах данного макрорегиона по сравнению со средним значением по «азиатским» регионам в 2013 г. и в 2022 г. оказалась ниже в пяти регионах, выше в одном.

Сравнение численности населения регионов в 2013 и в 2022 г. со средним по макрорегиону показало, что она была ниже в трех регионах, выше — в трех; аналогичные результаты показало сравнение численности населения в трудоспособном возрасте в 2013 и 2022 гг.

Ранее было отмечено, что в среднем по РФ коэффициенты миграционного прироста в 2013 и 2022 гг. положительные, в то время как в среднем по «азиатским» регионам — отрицательные. В макрорегионе в целом и во всех регионах в 2013 г. и в 2022 г. коэффициенты миграционного прироста имели отрицательные значения (рис. 2.82).

Далее представлена графическая визуализация демографических показателей макрорегиона (рис. 2.83).

График позволяет сопоставить соотношение численности всего населения и его трудоспособной части: соотношение средней численности всего населения и его трудоспособной части по макрорегиону в 2013 г. 59,4 % (в РФ — 57,8 %, по приграничным территориям — 57 %, по приграничным азиатским территориям — 57,9 %), в 2022 г. — 57,2 % (в РФ — 55,7 %, по приграничным территориям — 54,4 %, по приграничным азиатским территориям — 57,1 %); наблюдается тенденция к снижению доли трудоспособного населения.

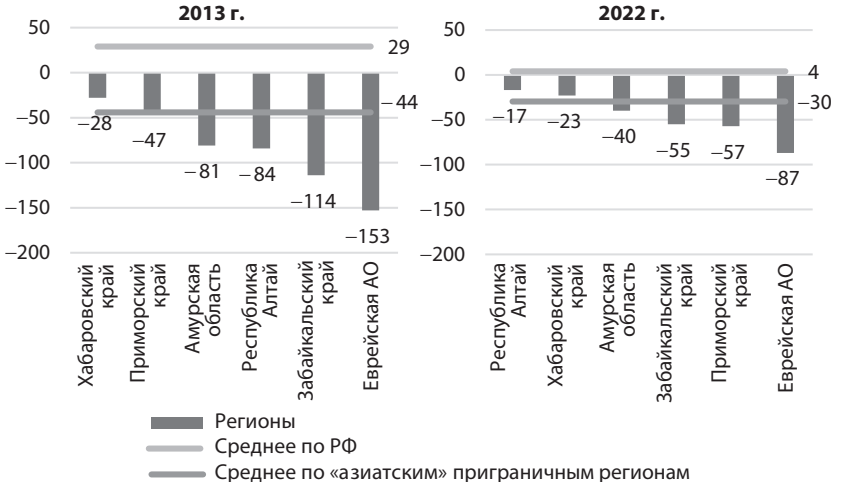

Рис. 2.82. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в МР5 в 2013 и 2022 гг. (на 10 000 человек населения) (источник: составлено авторами)*

Графическая визуализация сопоставления показателей миграционного прироста макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.84.

График визуализирует изменение средних показателей миграционного прироста в МР5: в 2013 г. и 2022 г. коэффициенты миграционного прироста находились в «отрицательной» зоне. Коэффициенты миграционного прироста в среднем по РФ положительные, в остальных группах регионов показатели в «отрицательной» зоне.

Демографический потенциал регионов и территорий российско-китайского приграничья выступает одной из важнейших составляющих регионального развития. Однако пока он не создает условий для формирования достаточных трудовых ресурсов и преодоления напряженности на региональных рынках труда. В настоящее

Рис. 2.83. *Динамика общей численности населения и численности населения в трудоспособном возрасте в МР5 (источник: составлено авторами)*

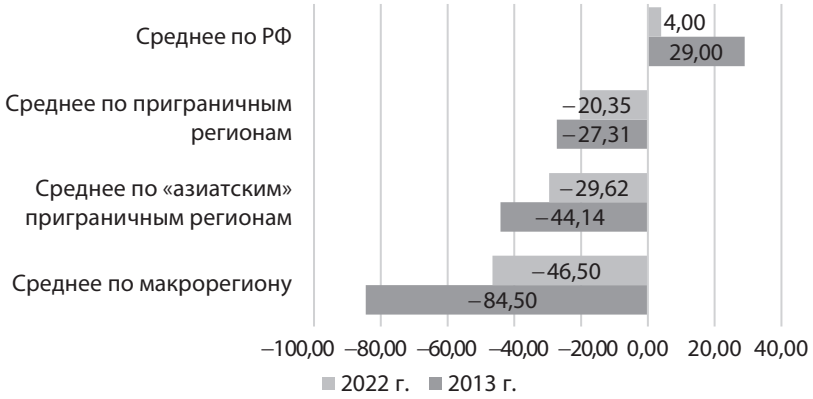

Рис. 2.84. *Сравнение коэффициентов миграционного прироста регионов со средними по РФ и по МР5 (источник: составлено авторами)*

время в приграничных регионах в совокупности проживает 5,4 млн чел., или 66,7 % от общей численности населения ДФО. За последние 30 лет в дальневосточном российско-китайском приграничье постоянное население под воздействием как естественной, так и миграционной убыли уменьшилось на 1,3 млн чел. Особняком стоит Республика Алтай, где многонациональность (русские — 56,6 %, алтайцы — 33,9 %, казахи — 6,2 %), а также преобладание сельского населения и образа жизни обеспечивают хотя и неустойчивый, но заметный рост числа жителей (Клемешев, 2021).

Относительно благополучная ситуация с воспроизводством населения в Амурской области и Хабаровском крае объясняется, прежде всего, нахождением в их границах крупных центров (Благовещенск, Хабаровск), куда стремятся молодые как внутрирегиональные, так и внешние трудовые мигранты. В Республике Алтай в 1990-е гг. коэффициент естественного прироста несколько раз приближался к нулевой отметке, но так и не достиг отрицательного значения (Клемешев, 2021).

Потенциал в социальной сфере представлен наиболее важными показателями здравоохранения и образования приграничных регионов РФ, входящих в состав МР5.

Блок 3. Анализ показателей по здравоохранению в МР5 показал, что лидером по рождаемости в 2013 и 2022 гг. стала Республика Алтай, за ней следует Забайкальский край, аутсайдером в 2013 и 2022 гг. — Приморский край (рис. 2.85). По показателю прерываний беременности наименьшее число абортов в 2013 и 2022 гг. отмечалось в Приморском крае (рис. 2.86).

В 2013 г. рождаемость в сравнении со средним по РФ была ниже в одном регионе, выше в пяти; по числу абортов в этом же году в сравнении со средним по РФ — выше во всех шести регионах. В 2022 г. рождаемость была ниже в одном регионе, выше в пяти; по числу абортов во всех шести регионах в сравнении со средним по РФ было превышение.

Сравнение по рождаемости регионов МР5 со средним значением по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. и 2022 г. показало: значение показателя ниже — в одном регионе, выше — в пяти; по числу абортов в 2013 г.: ниже — в одном регионе, выше — в пяти; в 2022 г. во всех шести регионах было превышение.

Изменение коэффициента рождаемости в 2022 г./2013 г. в сравнении со средним по «азиатским» приграничным регионам показало, что в двух регионах он ниже (отрицательные значения (спад)), в четырех — выше.

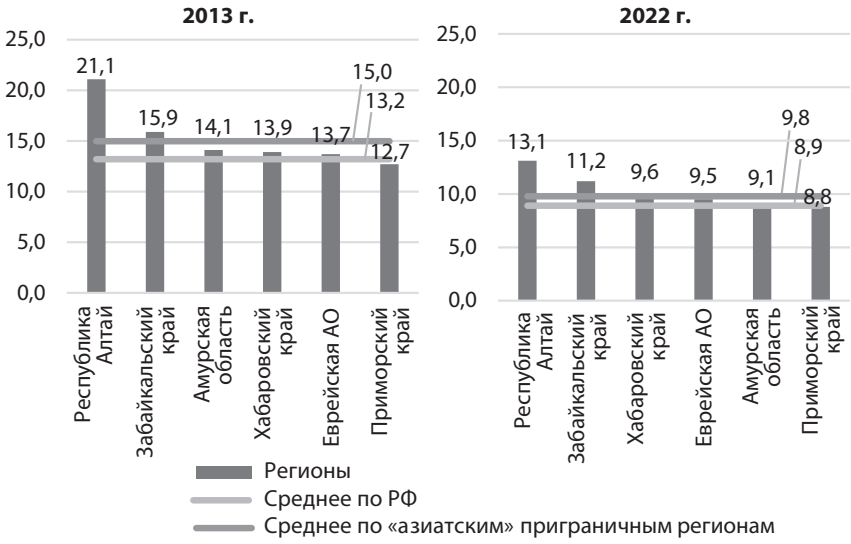

Рис. 2.85. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах РФ в МР5 в 2013 и 2022 гг., число родившихся на 1000 чел. (источник: составлено авторами)*

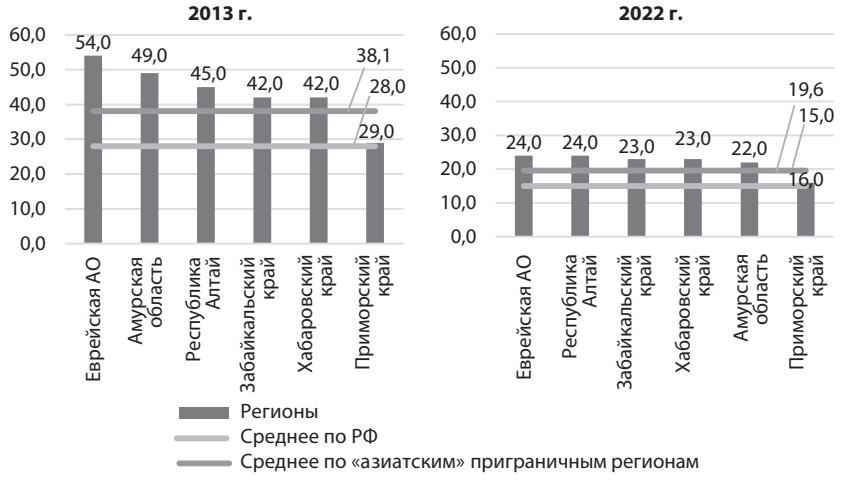

Рис. 2.86. *Число прерываний беременности в приграничных регионах РФ в МР5 в 2013 и 2022 гг., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

Сравнение регионов по рождаемости и числу прерываний беременности со средними значениями по макрорегиону показало значительную дифференциацию регионов по показателям здравоохранения.

В 2013 г. рождаемость была ниже в четырех регионах, выше — в двух; число абортов ниже в одном регионе, выше — в пяти; в 2022 г. рождаемость ниже в четырех регионах, выше — в двух; число абортов в половине регионов ниже, в половине — выше.

Прирост рождаемости в регионах в 2022 г./2013 г. по сравнению со средним значением по макрорегиону: ниже — в четырех регионах, выше — в двух. По числу абортов в половине регионов показатели ниже, в половине — выше.

Графическая визуализация сопоставления показателей здравоохранения макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.87.

На графиках отражено изменение средних показателей рождаемости в 2022 г. по сравнению с 2013 г., которое показывает их положительный прирост, причем наибольший прирост рождаемости наблюдался в среднем по макрорегиону. По прерыванию беременности наиболее тревожная ситуация как в 2013 г., так и в 2022 г. имела место в группе «азиатских» приграничных регионов и в среднем по МР5.

Рис. 2.87. *Сравнение показателей здравоохранения регионов МР5 со средними по РФ и по макрорегиону (источник: составлено авторами)*

Сравнительный анализ по регионам относительно средних значений (выше среднего значения, ниже среднего значения) в разрезе показателей образования представлен в таблице 2.7.

В 2013 г. и 2022 г. более 50 % регионов данного макрорегиона имели показатели по выпуску обучающихся со средним общим образованием ниже, чем в среднем по «азиатским» регионам. В 2013 г. и 2022 г. более 50 % регионов МР5 имели показатели по численности бакалавров и магистров, а также аспирантов, ниже, чем в среднем по РФ, по «азиатским» регионам, по макрорегиону.

Следует констатировать, что по выпускникам школ имеет место отставание в численности выпускников от группы «азиатских» регионов. Из шести регионов только в двух наблюдался прирост числа выпускников за период 2013–2022 гг. По выпуску бакалавров,

Таблица 2.7

Количество регионов МР5 по показателям образования в сравнении со средними значениями, ед.

Сравнение со средним значением		Количество регионов в сравнении со средними значениями, ед.							
		По выпуску со средним общим образованием		По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием		По выпуску бакалавров		По численности аспирантов	
		2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
По РФ	В*	4	6	5	5	1	1	0	0
	Н**	2	0	1	1	5	5	6	6
По азиатским регионам	В	2	2	5	5	2	2	2	2
	Н	4	4	1	1	4	4	4	4
По МР5	В	3	2	3	4	2	2	2	2
	Н	3	4	3	2	4	4	4	4

Примечания: *В — выше среднего значения; **Н — ниже среднего значения

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

специалистов, магистров, а также по аспирантам, отмечается падение численности по всем шести регионам.

Графическая интерпретация сдвигов в образовательной сфере представлена на рисунке 2.88.

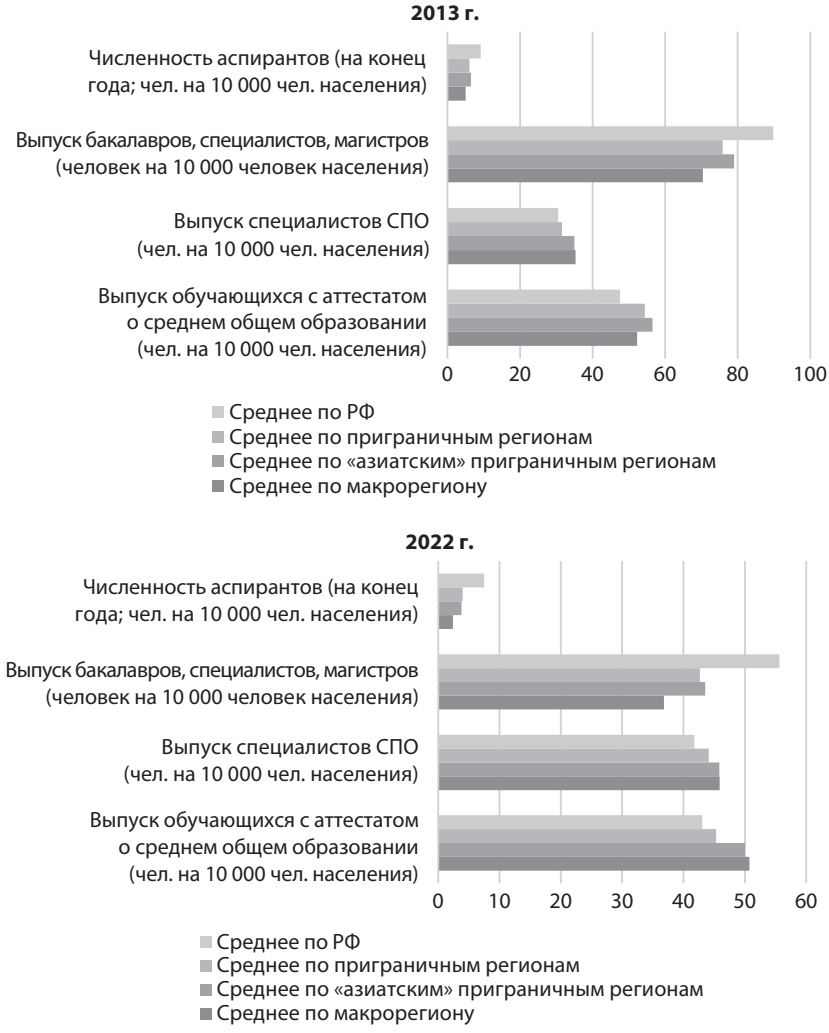

Рис. 2.88. *Сравнение социальных (образование) показателей регионов со средними по РФ, со средними по МР5 (источник: составлено авторами)*

Обобщая результаты анализа по Российско-Китайскому приграничному макрорегиону, отметим следующее.

1. Наблюдался рост показателей ВРП на душу населения и инвестиций на душу населения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. по всей группе средних показателей. Отметим значительную дифференциацию экономических показателей по приграничным регионам в составе макрорегиона (разрыв между максимальным и минимальным значениями ВРП/душу населения в 2013 г. — 2,3, в 2022 г. — 1,9; по инвестициям на душу населения разрыв составлял в 2013 г. — 2,4, в 2022 г. — 4,5). По результатам анализа наибольшим экономическим потенциалом обладали Приморский и Хабаровский края.

2. Наблюдалось падение численности всего населения, в том числе трудоспособного, в среднем по макрорегиону (–5,7 %), а также во всех регионах МР5. Прирост численности населения в трудоспособном возрасте по всем средним значениям и в разрезе отдельных регионов МР5 находится в зоне отрицательных значений.

В среднем по макрорегиону и в каждом отдельном регионе МР5 коэффициенты миграционного прироста в 2013 и 2022 гг. отрицательные. Отсюда следует вывод о том, что в приграничных регионах Российско-Китайского макрорегиона происходит снижение человеческого капитала.

3. В 2013 г. и в 2022 г. регионы макрорегиона имели показатели рождаемости, которые превышают аналогичные показатели в среднем по РФ (исключение — Приморский край). Число абортов в 2022 г. по сравнению с 2013 г. снижается, но все еще остается высоким (выше, чем в среднем по РФ). В 2013 г. и в 2022 г. регионы МР5 имеют показатели в образовательной сфере по выпуску бакалавров и аспирантов ниже, чем в среднем по РФ.

Российско-Монгольский приграничный макрорегион (МР6)

Экономический потенциал представлен двумя наиболее важными показателями развития приграничных регионов РФ, входящих в состав выделенного нами МР6.

Блок 1. Экономическая ситуация в регионах Российско-Монгольского приграничного макрорегиона.

Анализ показателей ВРП на душу населения в МР6 показал, что регион-лидер по ВРП на душу населения в 2013 г. и в 2022 г. — Забайкальский край; регион-аутсайдер в 2013 г. и 2022 г. — Республика Тыва. Данные представлены на рисунке 2.89.

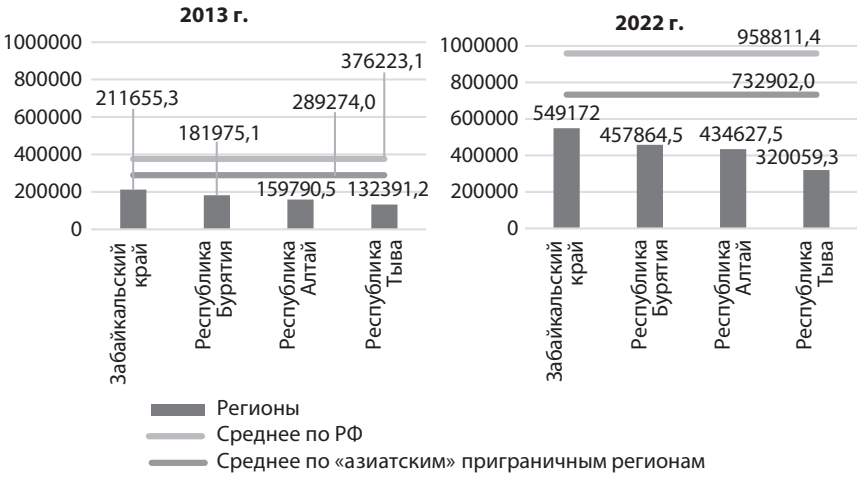

Рис. 2.89. *ВРП на душу населения в МРб в 2013 и 2022 гг., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

Сравнение ВРП на душу населения регионов в 2013 г. и 2022 г. со средним по РФ показало, что значение показателя ниже во всех четырех регионах.

ВРП на душу населения регионов в 2013 г. и 2022 г. по сравнению со средним по «азиатским» приграничным регионам был ниже во всех четырех регионах.

При сравнении этого показателя со средним значением по макрорегиону была выявлена дифференциация: в 2013 г. и 2022 г. его значение было ниже в двух регионах, выше тоже в двух.

Прирост ВРП (%) на душу населения регионов в 2022 г./2013 г. по сравнению со средним значением по макрорегиону ниже в трех регионах, выше в одном. Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя в 2013 г. — 1,60, в 2022 г. — 1,72.

Анализ показателя инвестиций в основной капитал на душу населения показал, что регион-лидер в 2013 г. — Республика Алтай, в 2022 г. — Забайкальский край; регион-аутсайдер в 2013 г. — Республика Бурятия; в 2022 г. — Республика Тыва (рис. 2.90).

Объем инвестиций в основной капитал на душу населения регионов в 2013 г. и в 2022 г. ниже среднего по РФ во всех четырех регионах.

Аналогичная ситуация сложилась при сравнении со средним значением по «азиатским» приграничным регионам.

Внутри макрорегиона регионы дифференцированы по инвестициям в основной капитал. В 2013 г. и в 2022 г. по сравнению

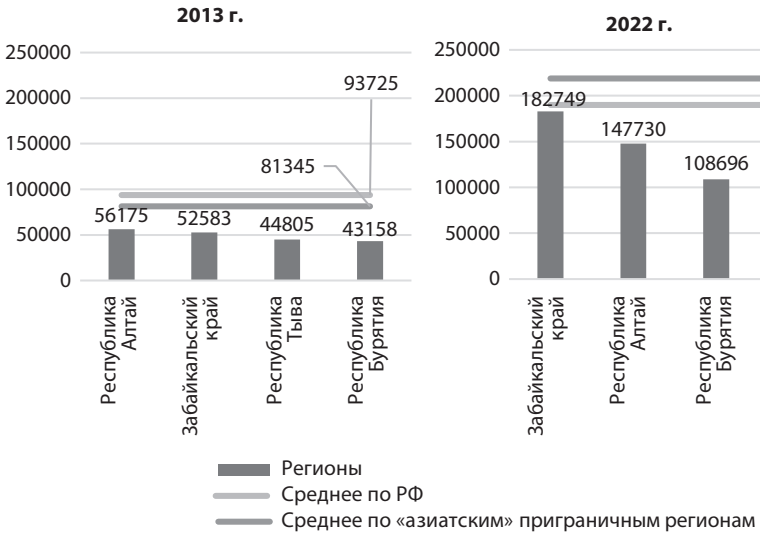

Рис. 2.90. *Инвестиции в основной капитал на душу населения в МР6 в 2013 и 2022 гг., руб./чел. (источник: составлено авторами)*

со средним по макрорегиону ситуация 50 на 50: по два региона выше и ниже среднего значения.

Прирост инвестиций в основной капитал на душу населения регионов в 2022 г./2013 г. в сравнении со средним по макрорегиону: ниже в одном регионе, выше в трех.

Соотношение между максимальным и минимальным значениями показателей регионов в 2013 г. — 1,25, в 2022 г. — 3,55. Разрыв в 2022 г. значительно увеличивается.

Графическая визуализация сопоставления экономических показателей макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.91.

График позволяет сопоставить изменение средних показателей по макрорегиону в 2022 г. по сравнению с 2013 г.: по ВРП на душу населения оно составляет 2,6 раза, по инвестициям в основной капитал — 2,5 раза, что свидетельствует о положительных сдвигах за исследуемый период.

Демографический потенциал представлен тремя наиболее важными показателями развития приграничных регионов РФ, входящих в состав МР6.

Блок 2. Ситуация в социальной сфере в регионах Российско-Монгольского приграничного макрорегиона.

Рис. 2.91. *Сравнение экономических показателей регионов со средними по РФ и по МРб (источник: составлено авторами)*

Численность населения за период 2013–2022 гг. выросла в РФ (+2,0 %), при этом наблюдалось падение численности населения в среднем по всем «азиатским» регионам (-0,1 %), в среднем по макрорегиону (-2,2 %), и только в одном регионе из четырех (Забайкальский край) произошло падение численности населения (рис. 2.92).

Регион с наибольшей численностью населения в 2013 г. и в 2022 г. — Забайкальский край, при этом сокращение численности населения в этом регионе за указанный период составило 8,8 %.

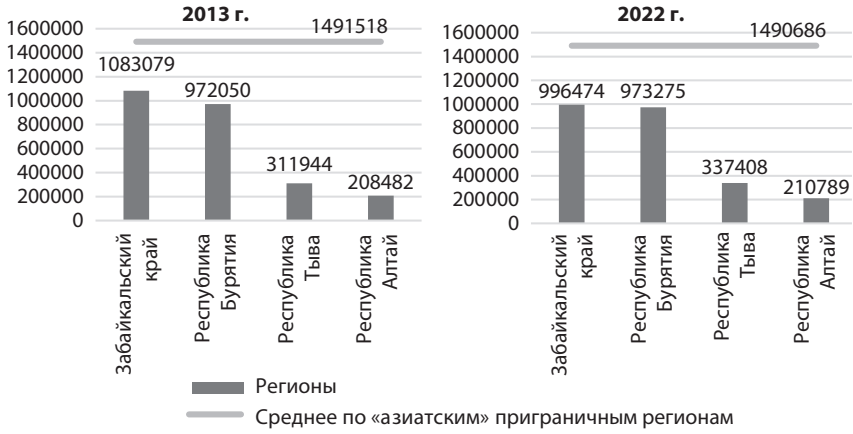

Рис. 2.92. *Численность населения приграничных регионов РФ в МР6 в 2013 и 2022 гг., чел. (источник: составлено авторами)*

Регион с наименьшей численностью населения в 2013 г. и в 2022 г. — Республика Алтай, при этом прирост численности населения в нем за период составил 1,1 %.

Сравнение регионов по численности населения со средним значением по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. и в 2022 г. показало: значение показателя ниже во всех четырех регионах. По численности населения в трудоспособном возрасте такая же ситуация: в 2013 г. и 2022 г. ниже также во всех четырех регионах.

Прирост населения регионов в 2022 г./2013 г. по сравнению со средним по «азиатским» приграничным регионам ниже в одном регионе (отрицательные значения — спад), выше — в трех (положительные значения — прирост). Сравнение прироста населения в трудоспособном возрасте: ниже в одном регионе, выше в трех (рис. 2.93).

Прирост численности населения регионов в 2022 г./2013 г.: ниже среднего значения по макрорегиону один регион, выше — три. Такая же ситуация при сравнении прироста численности населения в трудоспособном возрасте.

Сравнение коэффициентов миграционного прироста: в среднем по РФ коэффициенты миграционного прироста в 2013 и 2022 гг. положительные, в среднем по «азиатским» регионам и макрорегиону — отрицательные; в группе из четырех регионов МР6 в 2013 г. и в 2022 г. — отрицательные (рис. 2.94).

Графическая визуализация сопоставления демографических показателей макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.95.

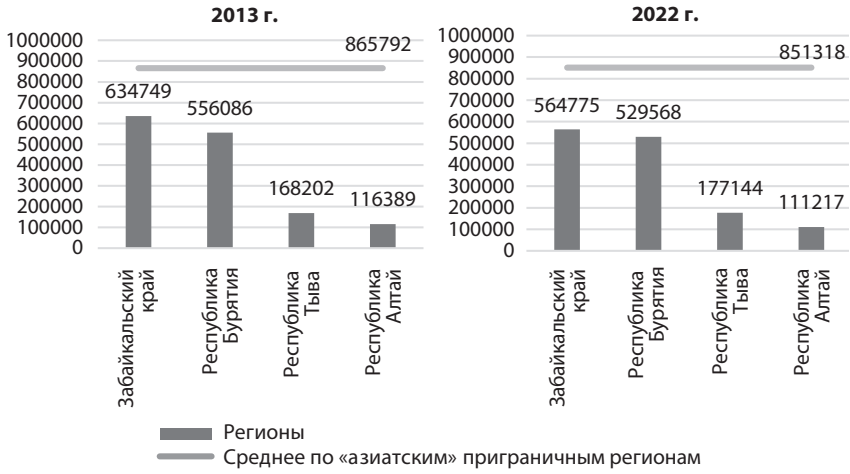

Рис. 2.93. *Население в трудоспособном возрасте приграничных регионов РФ в МРб в 2013 и 2022 гг., чел. (источник: составлено авторами)*

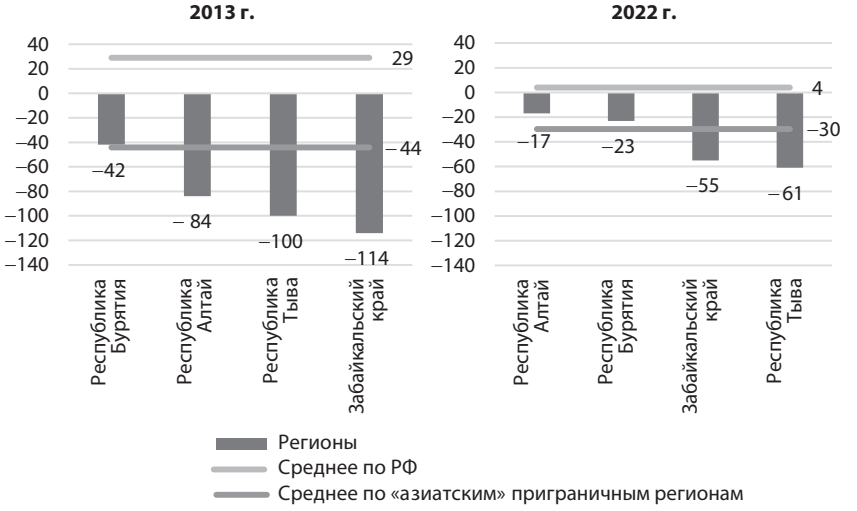

Рис. 2.94. *Коэффициенты миграционного прироста приграничных регионов РФ в МРб в 2013 и 2022 гг. (источник: составлено авторами)*

График позволяет сопоставить численность всего населения и его трудоспособной части: по макрорегиону в 2013 г. — 57,2 %, в 2022 г. — 54,9 %, что соответствует общей в РФ тенденции к снижению доли трудоспособного населения.

Графическая визуализация сопоставления показателей миграционного прироста макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлена на рисунке 2.96.

Графики позволяют сопоставить изменения средних показателей (коэффициентов миграционного прироста) за 2013 г. и 2022 г.: по численности всего населения и трудоспособного по РФ, по приграничным регионам, по «азиатским» приграничным регионам (что было отмечено ранее), по макрорегиону коэффициент миграционного прироста находится в отрицательной зоне, в то же время в 2022 г. его падение сокращается.

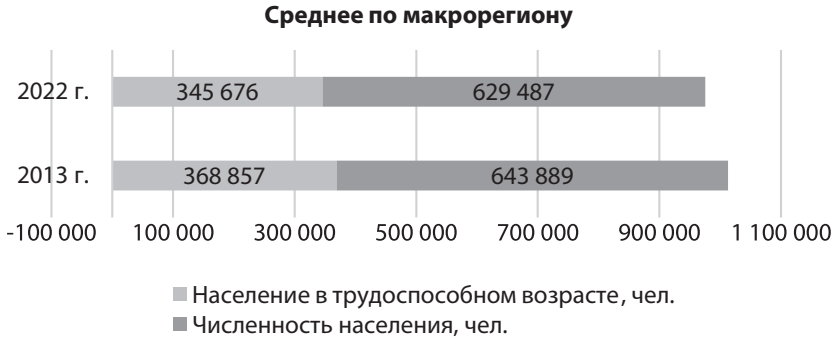

Рис. 2.95. *Численность всего населения и населения в трудоспособном возрасте по МРб (источник: составлено авторами)*

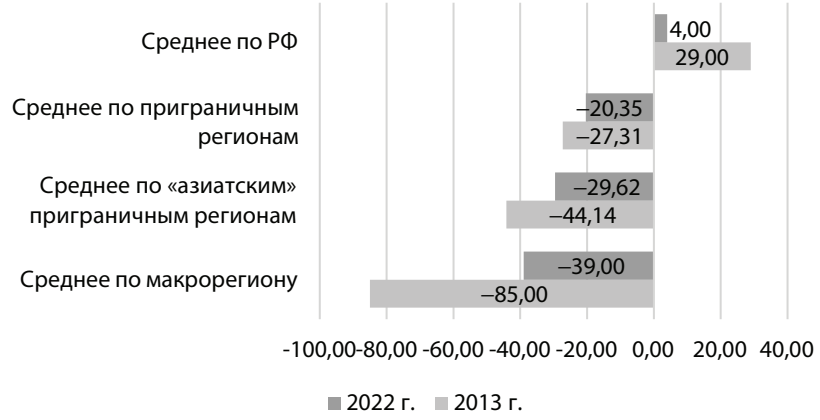

Рис. 2.96. *Сравнение коэффициентов миграционного прироста регионов со средними по РФ и по МРб (источник: составлено авторами)*

Блок 3. Ситуация в социальной сфере в регионах Российско-Монгольского приграничного макрорегиона.

Анализ показателей по здравоохранению показал, что лидером по рождаемости в 2013 и 2022 гг. стала Республика Тыва, аутсайдером — Забайкальский край (рис. 2.97). По показателю прерываний беременности наименьшее число абортов в 2013 г. — в Забайкальском крае, в 2022 г. — в Республике Бурятия (рис. 2.98).

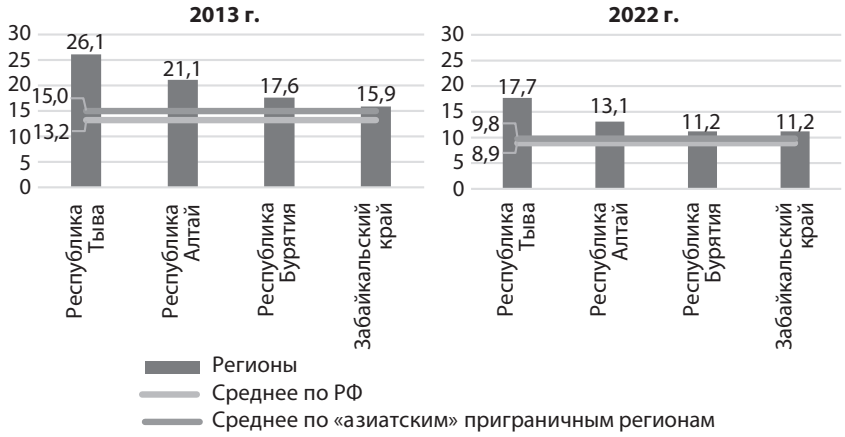

Рис. 2.97. *Коэффициенты рождаемости в приграничных регионах МРб в 2013 и 2022 гг., число родившихся на 1000 чел. (источник: составлено авторами)*

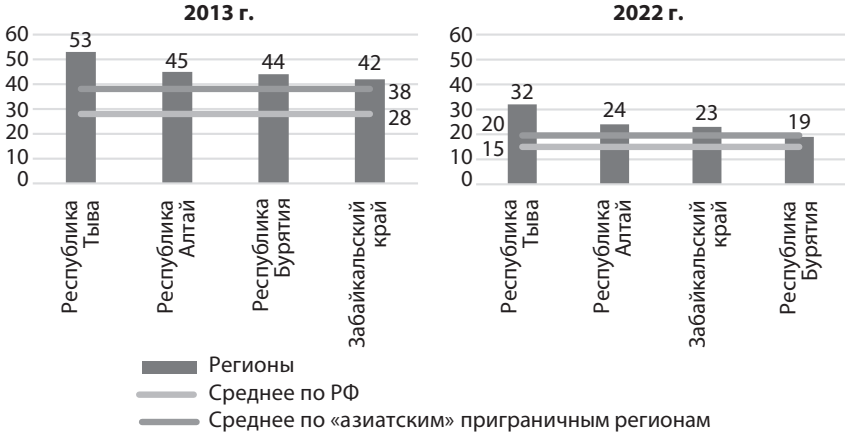

Рис. 2.98. *Число прерываний беременности в приграничных регионах МРб в 2013 и 2022 гг., ед. на 1000 женщин 15–49 лет (источник: составлено авторами)*

Сравнение регионов по рождаемости в 2013 г. со средним по РФ: выше все четыре региона; по числу абортов ситуация аналогичная. Сравнение регионов по рождаемости в 2022 г. со средним по РФ: выше все четыре региона; по числу абортов: ниже в одном регионе, выше в трех.

Рождаемость в 2022 г./2013 г. по сравнению со средним по РФ: ниже в двух регионах, выше тоже в двух; по числу абортов ситуация аналогичная.

Показатель рождаемости по сравнению со средним по «азиатским» приграничным регионам в 2013 г. и в 2022 г.: значение показателя ниже в двух регионах, выше тоже в двух; по числу абортов в 2013 г.: выше во всех четырех регионах, в 2022 г.: ниже в одном регионе, выше в трех.

Сравнение регионов по изменению коэффициента рождаемости в 2022 г./2013 г. со средним по «азиатским» приграничным регионам: ниже в двух регионах (отрицательные значения — спад), выше тоже в двух регионах (положительные значения — прирост). По числу абортов такая же ситуация.

Сравнение регионов по рождаемости в 2013 г. со средним по макрорегиону: ниже в двух регионах, выше — также в двух; по числу абортов: ниже — в трех, выше — в одном.

Сравнение регионов по рождаемости в 2022 г.: показатели ниже среднего по макрорегиону в трех регионах, выше — в одном; по числу абортов: ниже в двух, выше также в двух. Прирост рождаемости в регионах в 2022 г./2013 г. по сравнению со средним значением по макрорегиону: ниже — два региона, выше — два. Сравнение регионов по числу абортов: два региона имеют показатели ниже среднего значения, два — выше.

Сопоставление показателей здравоохранения макрорегиона со средними по РФ, приграничным регионам, «азиатским» приграничным регионам представлено на рисунке 2.99.

На графиках отражено изменение средних показателей рождаемости в 2022 г. по сравнению с 2013 г., которое показывает их положительный прирост, причем наибольший прирост рождаемости наблюдался в среднем по макрорегиону. По прерыванию беременности наиболее тревожная ситуация как в 2013 г., так и в 2022 г. имела место в группе «азиатских» приграничных регионов и в среднем по макрорегиону.

Сравнительный анализ по регионам относительно средних значений (выше среднего значения, ниже среднего значения) в разрезе показателей образования представлен в таблице 2.8.

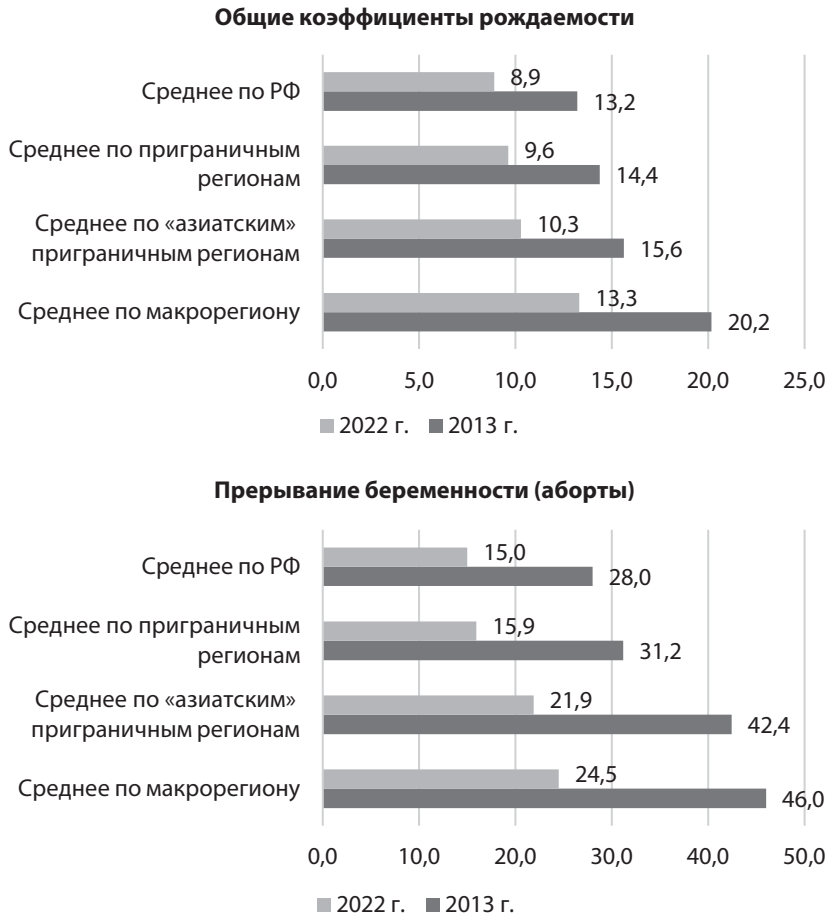

Рис. 2.99. *Сравнение социальных (здравоохранение) показателей регионов со средними по РФ и по МР6 (источник: составлено авторами)*

В 2013 г. и в 2022 г. более 50 % регионов МР6 имеют показатели в образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании) ниже, чем в среднем по «азиатским» регионам и в среднем по макрорегиону. В 2013 г. и 2022 г. по СПО ситуация лучше.

В 2013 г. и 2022 г. более 50 % регионов МР6 имеют показатели по численности бакалавров и магистров, а также аспирантов, ниже, чем в среднем по РФ, по «азиатским» регионам, по макрорегиону.

Таблица 2.8

Количество регионов МР6 по показателям образования в сравнении со средними значениями, ед.

Сравнение со средним значением		Количество регионов в сравнении со средними значениями, ед.							
		По выпуску обучающихся со средним общим образованием		По выпуску специалистов со средним профессиональным образованием		По выпуску бакалавров		По численности аспирантов	
		2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.	2013 г.	2022 г.
По РФ	В*	4	4	3	3	0	0	1	0
	Н**	0	0	1	1	4	4	3	4
По «азиатским» регионам	В	2	0	3	3	1	0	1	1
	Н	2	4	1	1	3	4	3	3
По макрорегиону	В	1	2	3	3	1	2	1	1
	Н	3	2	1	1	3	2	3	3

Примечания: *В — выше среднего значения; **Н — ниже среднего значения.
Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Наиболее тревожная ситуация по выпускникам школ: констатируется отставание в численности выпускников от группы «азиатских» регионов. Из четырех регионов только в одном наблюдался незначительный прирост числа выпускников за период 2013–2022 гг. Наблюдается падение численности по выпуску бакалавров, специалистов, магистров, а также аспирантов, по всем четырем регионам (рис. 2.100).

Подводя итоги анализа по Российско-Монгольскому приграничному макрорегиону, отметим следующее.

1. Наблюдался рост показателей ВРП на душу населения и инвестиций на душу населения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. по всей группе средних показателей. Отметим поляризацию экономических показателей по приграничным регионам в составе

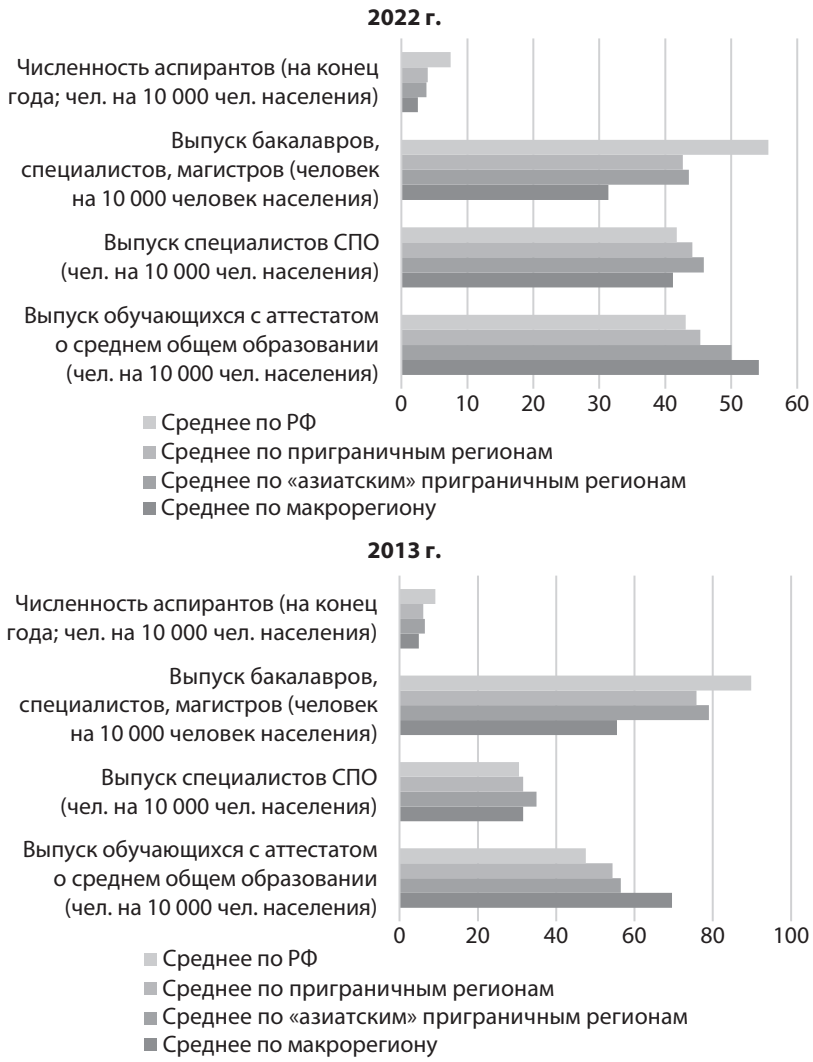

Рис. 2.100. *Сравнение социальных (образование) показателей регионов со средними по РФ и по МРб (источник: составлено авторами)*

макрорегиона (разрыв между максимальным и минимальным значением ВРП на душу населения в 2013 г. — 1,6 раза, в 2022 г. — 1,72; по инвестициям на душу населения разрыв составлял в 2013 г. 1,25 раза, в 2022 г. — 3,55). По результатам анализа наибольшим экономическим потенциалом обладал Забайкальский край.

2. Численность населения в среднем по макрорегиону снизилась на 2,2 %, это обусловлено значительным падением численности в одном из четырех регионов. Прирост численности населения в трудоспособном возрасте в среднем по макрорегиону и в разрезе отдельных регионов находится в зоне отрицательных значений.

В среднем по РФ коэффициенты миграционного прироста в 2013 и 2022 гг. положительные. В среднем по «азиатским» регионам и макрорегиону, а также по всем регионам МР6 — отрицательные.

Отсюда следует вывод о том, что в приграничных регионах Российско-Монгольского макрорегиона происходит снижение человеческого потенциала, что влечет за собой проблемы поддержания достойного уровня жизни населения, трудности освоения и развития приграничных территорий.

3. По группе средних показателей рождаемости в 2022 г. ситуация ухудшилась по сравнению с 2013 г., произошло снижение рождаемости. В то же время в 2013 г. и 2022 г. регионы МР6 имели показатели рождаемости, которые превышают аналогичные показатели в среднем по РФ. Число абортов в 2022 г. по сравнению с 2013 г. снижается, но все еще остается высоким (выше, чем в среднем по РФ). В 2013 г. и в 2022 г. регионы МР6 имели показатели в образовательной сфере по выпуску бакалавров и аспирантов ниже, чем в среднем по РФ.

Анализ результирующих показателей приграничных регионов

В качестве основных результирующих показателей, характеризующих человеческий потенциал приграничных регионов РФ, рассматривались ожидаемая продолжительность жизни при рождении (табл. 2.9), качество жизни населения этих регионов по оценке агентства «РИА Рейтинг» (табл. 2.10) (Артемова, Меленькина, 2024).

Анализ ожидаемой продолжительности жизни при рождении в «европейских» приграничных регионах РФ (МР1, МР2, МР3) показал следующее.

Продолжительность жизни в среднем по РФ, а также по «европейским» приграничным регионам в 2022 г. возросла по сравнению с 2013 г. (кроме Мурманской области, где продолжительность жизни незначительно снизилась), и в 2023 г. этот показатель во всех «европейских» приграничных регионах повысился.

Продолжительность жизни в среднем по РФ в 2013, 2022, 2023 гг. превышала 70 лет. Что касается анализируемых регионов, то в группу регионов с продолжительностью жизни выше

Таблица 2.9

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (оба пола, все население, лет)

Регион	МР	2013 г.	2022 г.	2023 г.
Российская Федерация	—	70,76	72,73	73,41
Астраханская область	МР4	71,34	71,80	72,20
Волгоградская область	МР4	71,42	73,24	73,69
Саратовская область	МР4	70,67	72,85	73,27
Самарская область	МР4	69,40	72,14	72,53
Оренбургская область	МР4	68,90	71,24	71,12
Челябинская область	МР4	69,52	72,16	72,43
Курганская область	МР4	68,27	69,88	69,79
Тюменская область (без АО)	МР4	70,14	73,59	74,39
Омская область	МР4	69,74	71,45	71,83
Новосибирская область	МР4	70,19	71,49	72,20
Алтайский край	МР4	69,77	69,96	70,77
Республика Алтай	МР4 МР5 МР6	67,34	68,47	69,39
Республика Калмыкия	МР4	71,35	73,49	74,53
Республика Тыва	МР6	61,79	67,11	66,59
Республика Бурятия	МР6	67,67	69,35	69,54
Забайкальский край	МР5 МР6	67,11	67,75	67,17
Амурская область	МР5	66,38	68,17	68,25
Еврейская автономная область	МР5	64,94	67,70	68,30
Хабаровский край	МР5	67,92	69,96	70,33
Приморский край	МР5	68,19	69,71	70,06
Республика Карелия	МР1	69,19	69,03	69,75
Калининградская область	МР1	70,51	73,07	73,71
Ленинградская область	МР1	70,36	73,33	74,88
Мурманская область	МР1	70,46	70,16	70,44
Псковская область	МР1	67,82	68,95	70,00
Белгородская область	МР2	72,16	73,03	73,70
Брянская область	МР2	69,75	71,22	71,98
Курская область	МР2	70,14	71,54	72,45
Смоленская область	МР2	68,90	70,35	71,47

Окончание табл. 2.9 на след. стр.

Окончание табл. 2.9

Регион	МР	2013 г.	2022 г.	2023 г.
Ростовская область	МР2	71,39	72,00	73,48
Воронежская область	МР2	70,89	72,45	72,91
Республика Крым	МР2	70,74	71,97	72,76
Краснодарский край	МР3	72,29	72,92	73,71
Республика Дагестан	МР3	75,63	78,22	79,87
Республика Ингушетия	МР3	78,84	78,34	79,20
Кабардино-Балкарская Республика	МР3	73,71	75,51	77,14
Карачаево-Черкесская Республика	МР3	73,94	75,32	76,25
Республика Северная Осетия-Алания	МР3	73,94	74,70	76,16
Чеченская Республика	МР3	73,20	74,61	76,26

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31293 (дата обращения: 17.05.2024).

70 лет в 2013 г. попали 15 регионов (максимальное значение в Республике Ингушетия — 78,84 года), в 2022 г. — 17 регионов (максимальное значение в Республике Ингушетия — 78,34 года), в 2023 г. — 18 регионов (максимальное значение в Республике Дагестан — 78,87 года). Это свидетельствует о позитивной тенденции по повышению продолжительности жизни населения в регионах. Однако в части регионов ситуация менее благоприятная. Так, наименьшая продолжительность жизни в 2013, 2022, 2023 гг. наблюдается в Республике Карелия (69,19; 69,03; 69,75 лет соответственно), к 70 годам продолжительность жизни приблизилась в Псковской области только в 2023 г.

Сравнение продолжительности жизни со средней по РФ показало, что в 2013 г. количество регионов «европейского» приграничья с аналогичным показателем ниже среднероссийского — восемь, выше — 11; в 2022 г. ниже среднероссийского показателя — девять, выше — десять; в 2022 г. ниже среднероссийского показателя — пять, выше — 14. Продолжительность жизни выше среднероссийского уровня за все анализируемые годы была в регионах Южного приграничного макрорегиона и Белгородской области.

Анализ ожидаемой продолжительности жизни при рождении в «азиатских» приграничных регионах РФ (МР4, МР5, МР6) показал следующее.

Продолжительность жизни в среднем по РФ, а также по «азиатским» приграничным регионам в 2022 г. возросла по сравнению с 2013 г., однако в 2023 г. этот показатель снизился в пяти регионах (Оренбургской, Курганской областях, Республике Алтай, Республике Тыва, Забайкальском крае) (Артемова, Меленькина, 2024).

Продолжительность жизни в среднем по РФ в 2013, 2022, 2023 гг. превышала 70 лет. Что касается анализируемых регионов, то в группу регионов с продолжительностью жизни выше 70 лет в 2013 г. попали шесть регионов (максимальное значение в Волгоградской области — 71,42 года), в 2022 г. — десять регионов (максимальное значение в Тюменской области — 73,59 года), в 2023 г. — 13 регионов (максимальное значение в Республике Калмыкия — 74,53 года). Это свидетельствует о позитивной тенденции по повышению продолжительности жизни населения в регионах. Однако в части регионов ситуация неблагоприятная. Так, наименьшая продолжительность жизни в 2013, 2022, 2023 гг. наблюдается в Республике Тыва (61,79; 67,11; 66,59 лет соответственно) (Артемова, Меленькина, 2024).

Сравнение продолжительности жизни со средней по РФ показало, что в 2013 г. количество регионов азиатского пограничья с аналогичным показателем ниже среднероссийского — 18, выше — три; в 2022 г. ниже среднероссийского показателя — 17, выше — четыре; в 2022 г. ниже среднероссийского показателя — 18, выше — три (Артемова, Меленькина, 2024).

Наиболее благоприятная ситуация по ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Российско-Казахстанском макрорегионе (МР4), наименее благоприятная — в Российско-Монгольском макрорегионе (МР6).

В топ-10 регионов РФ по качеству жизни в 2013 г. попали три региона «европейского» пограничья: Краснодарский край (5-е место из 85 субъектов РФ), Белгородская область (6-е место) и Воронежская область (7-е место), в 2022 г. — четыре региона: Краснодарский край (5-е место из 85 субъектов РФ), Белгородская область (6-е место), Ленинградская область (7-е место), Калининградская область (8-е место).

Регионом-лидером по рейтингу качества жизни среди европейского пограничья являлся и в 2013, и в 2022 г. Краснодарский край (МР3). Регионом-аутсайдером и в 2013 г., и в 2022 г. была Республика Ингушетия (МР3).

Наименее благоприятная ситуация по КЖН в Южном макрорегионе (МР3).

Таблица 2.10

Рейтинг регионов РФ по качеству жизни агентства «РИА Рейтинг»

Регион	МР	Рейтинговый балл в 2013 г.	Позиция в рейтинге в 2013 г.	Рейтинговый балл в 2022 г.	Позиция в рейтинге в 2022 г.	Изменение позиций в рейтинге в 2022 г. к 2013 г.
Астраханская область	МР4	40,91	48	44,172	66	–18
Волгоградская область	МР4	43,94	29	51,170	42	–13
Саратовская область	МР4	43,44	32	50,727	44	–12
Самарская область	МР4	49,60	14	63,195	10	4
Оренбургская область	МР4	41,44	43	52,864	33	10
Челябинская область	МР4	46,08	22	57,532	24	–2
Курганская область	МР4	31,88	76	36,969	77	–1
Тюменская область	МР4	51,17	9	61,108	16	–7
Омская область	МР4	45,63	23	44,817	62	–39
Новосибирская область	МР4	46,15	21	58,216	21	0
Алтайский край	МР4	36,40	66	44,300	64	2
Республика Алтай	МР4 МР5 МР6	28,21	80	35,387	79	1
Республика Калмыкия	МР4	25,89	81	36,500	78	3
Республика Тыва	МР6	19,10	82	23,758	85	–3
Республика Бурятия	МР6	30,66	77	34,543	81	–4
Забайкальский край	МР5 МР6	33,27	74	31,957	82	–8

Продолжение табл. 2.10 на след. стр.

Продолжение табл. 2.10

Регион	МР	Рейтинговый балл в 2013 г.	Позиция в рейтинге в 2013 г.	Рейтинговый балл в 2022 г.	Позиция в рейтинге в 2022 г.	Изменение позиций в рейтинге в 2022 г. к 2013 г.
Амурская область	МР5	35,15	68	41,257	72	–4
Еврейская автономная область	МР5	33,47	72	31,684	83	–11
Хабаровский край	МР5	42,20	39	53,673	30	9
Приморский край	МР5	40,20	53	51,036	43	10
Республика Карелия	МР1	38,49	61	41,009	73	–12
Калининградская область	МР1	49,94	13	63,646	8	5
Ленинградская область	МР1	47,38	18	65,075	7	11
Мурманская область	МР1	41,31	45	52,502	35	10
Псковская область	МР1	39,90	56	47,007	56	0
Белгородская область	МР2	54,96	6	66,760	6	0
Брянская область	МР2	40,98	46	51,888	38	8
Курская область	МР2	46,96	19	57,651	23	–4
Смоленская область	МР2	44,75	26	49,196	50	–24
Ростовская область	МР2	49,08	16	61,301	15	1
Воронежская область	МР2	52,78	7	61,794	11	–4
Республика Крым	МР2	н.д.	—	50,498	45	—
Краснодарский край	МР3	57,59	5	71,186	5	0
Республика Дагестан	МР2	33,33	73	43,118	68	5

Окончание табл. 2.10 на след. стр.

Окончание табл. 2.10

Регион	МР	Рейтинговый балл в 2013 г.	Позиция в рейтинге в 2013 г.	Рейтинговый балл в 2022 г.	Позиция в рейтинге в 2022 г.	Изменение позиций в рейтинге в 2022 г. к 2013 г.
Республика Ингушетия	МР2	28,80	79	31,271	84	–5
Кабардино-Балкарская Республика	МР2	33,01	75	44,186	65	10
Карачаево-Черкесская Республика	МР2	29,75	78	35,112	80	–2
Республика Северная Осетия-Алания	МР2	36,04	67	40,336	74	–7
Чеченская Республика	МР2	н.д.	—	43,862	67	—

Источник: Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2013. URL: https://riarating.ru/infografika/20131217/610601622.html (дата обращения: 15.05.2024); Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2022. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения: 15.05.2024).

В топ-10 регионов РФ по качеству жизни в 2013 г. попал один регион «азиатского» приграничья — Тюменская область (9-е место из 85 субъектов РФ), в 2022 г. вошел также один регион — Самарская область (10-е место из 85 субъектов РФ) (Артемова, Меленькина, 2024).

Регионами-лидерами по рейтингу качества жизни среди азиатского приграничья (МР4, МР5, МР6) являлись в 2013 г. Тюменская область (МР4), в 2022 г. Самарская область (МР4). Регионом-аутсайдером в 2013 г. и 2022 г. являлась Республика Тыва (МР6) (Артемова, Меленькина, 2024).

Наиболее благоприятная ситуация по КЖН в Российско-Казахстанском макрорегионе (МР4), наименее благоприятная — в Российско-Монгольском макрорегионе (МР6).

Анализ взаимосвязи качества жизни населения и человеческого потенциала территории

Анализ уровня и динамики показателей человеческого потенциала «европейских» приграничных регионов позволяет сделать некоторые выводы об изменениях в качестве жизни населения данных регионов. Все оцениваемые в данной работе показатели человеческого потенциала[1] входят в состав показателей качества жизни населения по методикам разных исследователей (Айвазян и др., 2019; Антонова, 2023; Артемова и др., 2023; Бобков, 2022; Ермилина, 2022; 68. Кадомцева, Манахова, 2024; Логачева, 2022; Мазелис и др., 2022; Манаева, 2023; Матчинов и др., 2024; Орешников, Низамутдиров, 2023). Мы исходим из предположения, что если значения анализируемых в данном исследовании показателей человеческого потенциала регионов выше среднероссийского уровня (кроме уровня прерывания беременности), то это свидетельствует, что в данных регионах качество жизни населения выше среднероссийского. Положительная динамика анализируемых показателей (кроме уровня прерывания беременности) означает рост качества жизни населения регионов.

Значение ВРП на душу населения является одним из показателей потенциальных доходов на душу населения территории и уровня

[1] ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, плотность населения, численность населения, численность и доля трудоспособного населения, миграционный прирост, коэффициенты рождаемости, уровень прерывания беременностей, численность выпускников в расчете на 10 тыс. населения со средним общим образованием, численность выпускников в расчете на 10 тыс. населения со средним профессиональным образованием, численность выпускников в расчете на 10 тыс. населения с высшим образованием, численность аспирантов в расчете на 10 тыс. населения.

развития социальной инфраструктуры. Поэтому многие исследователи включают этот показатель в состав показателей оценки КЖН (Айвазян и др., 2019; Ермилина, 2022; Кадомцева, Манахова, 2024; Манаева, 2023; Орешников, Низамутдиров, 2023).

Рост ВРП на душу населения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. наблюдался по всем средним показателям территорий: в целом по РФ в 2,55 раза (с 376223,1 р./чел. в 2013 г. до 958811,4 р./чел. в 2022 г.), по «европейским» приграничным территориям в 2,46 раза (с 229185,8 р./чел. в 2013 г. до 563696,2 р./чел. в 2022 г.), по Прибалтийскому приграничному макрорегиону в 2,9 раза (с 306867,7 р./чел. в 2013 г. до 889376,9 р./чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону в 2,29 раза (с 249859,3 р./чел. в 2013 г. до 571644,1 руб./чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону в 2,07 раза (с 155978,6 р./чел. в 2013 г. до 323119,1 р./чел. в 2022 г.). По показателю ВРП все приграничные регионы имеют КЖН ниже среднероссийского уровня. Максимально высокий уровень ВРП в составе приграничных регионов имеет Прибалтийский приграничный макрорегион, при этом темпы роста ВРП в Прибалтийском приграничном макрорегионе были выше темпов роста в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям. Это означает высокий экономический потенциал и значимость для национальной экономики данного макрорегиона и хороший потенциал для высокого уровня КЖН жителей данного макрорегиона.

Инвестиции в основной капитал формируют потенциал экономического развития территории и в силу этого многими исследователями рассматриваются как фактор формирования КЖН (Айвазян и др., 2019; Артемова и др., 2023; Манаева, 2023; Орешников, Низамутдиров, 2023). Инвестиции в основной капитал на душу населения за анализируемые годы также росли по всем средним показателям по территориям, но с меньшими темпами роста по сравнению с темпами роста ВРП. В целом по РФ инвестиции в основной капитал на душу населения увеличились в два раза (с 93725 р./чел. в 2013 г. до 189929 р./чел. в 2022 г.), по «европейским» приграничным территориям в 1,85 раза (с 68819,4 р./чел. в 2013 г. до 127282,2 р./чел. в 2022 г.), по Прибалтийскому приграничному макрорегиону в 2,57 раза (с 80934,0 р./чел. в 2013 г. до 208206,6 р./чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону в 1,76 раза (с 67828,3 р./чел. в 2013 г. до 119666,0 р./чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону в 1,26 раза (с 61015,6 р./чел. в 2013 г. до 77095,3 р./чел. в 2022 г.).

Темпы роста инвестиций в основной капитал на душу населения в Прибалтийском приграничном макрорегионе были выше аналогичных показателей в целом по РФ, по приграничным территориям, по «европейским» приграничным территориям. Объемы инвестиций в основной капитал на душу населения в среднем по Прибалтийскому приграничному макрорегиону в 2022 г. были выше данного показателя в среднем по РФ, по приграничным регионам и по «европейским» приграничным регионам. Это свидетельствует о том, что именно данный приграничный макрорегион имеет наибольший потенциал роста КЖН по экономическому блоку показателей.

Исходя из абсолютных показателей объемов ВРП и инвестиций в основной капитал на душу населения, а также темпов роста этих показателей при сравнении значений 2022 и 2013 гг., наименьший потенциал роста КЖН из «европейских» приграничных макрорегионов имеет Южный приграничный макрорегион.

Численность населения — важнейший количественный показатель человеческого потенциала территории. Снижение численности населения в условиях достаточно низкой плотности населения России (8,5 чел на км^2) — опасная ситуация и с точки зрения геополитических позиций страны, и с точки зрения воспроизводства населения и обеспеченности трудовыми ресурсами. Прирост численности населения России в 2022 г. по сравнению с 2013 г. составил 2 % (с 143805638 чел. в 2013 г. до 146713743 чел. в 2022 г.). В среднем по всем «европейским» приграничным регионам прирост численности составил 3,25 % (с 1579408 чел. в 2013 г. до 1630671 чел. в 2022 г.), в том числе по Прибалтийскому приграничному макрорегиону рост на 1,15 % (с 955232 чел. в 2013 г. до 966200 чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону произошло снижение численности населения на 2,57 % (с 1910911 чел. в 2013 г. до 1861852 чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону рост на 7,6 % (с 1741104 чел. в 2013 г. до 1874112 чел. в 2022 г.).

Уменьшение доли трудоспособного населения в общей численности населения потенциально свидетельствует о снижении КЖН, т. к. растущие объемы национального производства и социального обеспечения нетрудоспособного населения необходимо обеспечивать меньшим числом работающих. В среднем по РФ в 2022 г. по сравнению с 2013 г. доля трудоспособного население в общей численности населения снизилась на 2,1 % (с 57,8 % в 2013 г. до 55,7 % в 2022 г.); по приграничным «европейским» территориям — на 1,45 % (с 55,85 % до 54,4 %); по Прибалтийскому приграничному макрорегиону — на 2,3 % (с 55,7 % до 53,4 %),

по Центральному приграничному макрорегиону — на 2,1 % (с 55,7 % до 53,6 %), по Южному приграничному макрорегиону — на 0,6 % (с 56,1 % до 55,4 %).

Положительное или отрицательное значение миграционного прироста отражает оценку населением условий жизни на данной территории по сравнению с другими территориями. Положительный миграционный прирост означает, что данную территорию население оценивает как более благоприятную для проживания по сравнению с территорией эмиграции. Соответственно, отрицательный миграционный прирост означает, что данную территорию население оценивает как менее благоприятную для проживания по сравнению с территорией иммиграции. Коэффициенты миграционного прироста включены в состав показателей КЖН ряда исследователей (Айвазян и др., 2019; Белик и др., 2019; Кадомцева, Манахова, 2024). В среднем по РФ миграционный прирост был положительным, но с существенным снижением уровня положительного прироста. Если в 2013 г. коэффициент миграционного прироста составлял 29 человек на 10 000 человек населения, то в 2022 г. уже только 4. По «европейским» приграничным регионам коэффициент миграционного прироста был стабильно отрицательным: (–7,67) в 2013 г. и (–7,74) в 2022 г. По Прибалтийскому приграничному макрорегиону миграционные потоки были разнонаправленными по годам: в 2013 г. миграционный отток с коэффициентом (–18,2) чел. на 10 000 населения, а в 2022 г. — миграционный прирост с показателем 27,4 чел. на 10 000 населения. По Центральному приграничному макрорегиону миграционные потоки были также разнонаправленными по годам: в 2013 г. миграционный приток с коэффициентом 8,83 чел. на 10 000 населения, а в 2022 г. — миграционный отток с показателем (–24,43) чел. на 10 000 населения. По Южному приграничному макрорегиону за оба периода наблюдения имел место миграционный отток населения с коэффициентами в 2013 г. (–14,3), в 2022 г. (–16,1).

Объемы и динамика демографических показателей человеческого потенциала не позволяют выявить однозначно лидеров и аутсайдеров в составе «европейского» приграничного макрорегиона и тенденциях в потенциале формирования КЖН. Рост численности населения, положительный миграционный прирост в целом по РФ являются факторами роста КЖН, но снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения говорят о потенциале снижения КЖН. Южный приграничный макрорегион является лидером по приросту численности населения и по доле трудоспособного населения, но также и лидером по объемам оттока населения из макрорегиона.

Наиболее сложная демографическая динамика по итогам 2022 г. наблюдается в Центральном приграничном макрорегионе: абсолютное снижение численности населения, снижение доли трудоспособного населения, высокий миграционный отток населения.

Рост рождаемости положительно влияет на КЖН. С одной стороны, рост рождаемости означает, что население оценивает условия жизни как достаточно благоприятные для рождения детей. С другой стороны, он означает рост численности населения и человеческого капитала страны. К сожалению, демографические процессы в России по показателям рождаемости свидетельствуют о снижении человеческого капитала. Коэффициент рождаемости в России в 2022 г. по сравнению с 2013 г. снизился с 13,2 чел. на 10 000 населения до 8,9 чел. на 10 000 населения. По «европейским» приграничным регионам коэффициент рождаемости был немного выше среднероссийских показателей (13,7 в 2013 г. и 9,5 в 2022 г.), но также характеризуется отрицательной динамикой. По Прибалтийскому приграничному макрорегиону уровень рождаемости был ниже среднероссийского: 11,2 в 2013 г. и 7,58 в 2022 г. По Центральному приграничному макрорегиону — 11,0 в 2013 г. и 7,0 в 2022 г., по Южному приграничному макрорегиону — 17,5 в 2013 г. и 12,9 в 2022 г.

Снижение показателей прерывания беременности свидетельствует о росте КЖН прежде всего с точки зрения достигнутого уровня здравоохранения. Снижение числа абортов на 1000 женщин означает, что развитие здравоохранения обеспечивает возможность регулирования рождаемости без применения данных медицинских процедур. Показатели прерывания беременности значимо снизились с 2013 по 2022 г. по всем анализируемым территориям. Снижение числа абортов на 1000 женщин 15–49 лет в среднем по РФ, «европейским» приграничным территориям составило от 46 до 50 %. Число прерываний беременности по РФ снизилось с 28 до 15 ед. на 1000 женщин 15–49 лет, по «европейским» приграничным регионам — с 23,1 до 11,9 ед., по Прибалтийским приграничным регионам — с 32,8 до 16,4, по Центральному приграничному макрорегиону — с 25,2 до 14,3, по Южному приграничному макрорегиону — с 14,4 до 8,3.

Динамика социальных показателей сферы здравоохранения неоднозначная с точки зрения оценки КЖН. Снижение рождаемости является фактором снижения уровня КЖН, снижение показателей прерывания беременности — фактором роста КЖН. Самая благоприятная ситуация в отношении данных процессов (снижения

рождаемости и числа абортов) наблюдается в Южном приграничном макрорегионе: для него характерны самые высокие показатели рождаемости и самые низкие показатели прерывания беременности.

Динамика численности выпускников с разными уровнями образования характеризует и количественный, и качественный уровень качества жизни населения. Рост числа выпускников означает количественный рост трудового потенциала страны, конкретной территории. Рост числа выпускников с профессиональным образованием, увеличение его доли в составе трудоспособного населения означает качественный рост трудового потенциала. Увеличение числа выпускников в общей численности населения является положительным процессом с точки зрения качества жизни, снижение числа выпускников — отрицательным. Количество выпускников с профессиональным образованием на 10 000 чел. населения является одним из показателей комплексной оценки КЖН в научных исследованиях (Антонова, 2023; Мазелис и др., 2022).

В отношении выпускников с разными уровнями образования в России за анализируемые годы наблюдаются разнонаправленные тенденции. Число выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения в 2022 г. относительно 2013 г. существенно снизилось: в целом по РФ на 10,4 % (с 48 чел. в 2013 г. до 43 чел. в 2022 г.), в среднем по «европейским» приграничным регионам на 24,5 % (с 54 чел. в 2013 г. до 41 чел. в 2022 г.). По Прибалтийскому приграничному макрорегиону этот показатель фактически остался на прежнем уровне — 44 чел. на 10 000 чел. населения и в 2013 г., и в 2022 г. (незначительный рост на 0,4 %). По Центральному приграничному макрорегиону снижение числа выпускников со средним общим образованием на 10 тыс. чел. населения составило 19,0 % (с 49 чел. в 2013 г. до 40 чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону —39,6 % (с 66 чел. в 2013 г. до 40 чел. в 2022 г.).

Снижение численности выпускников на 10 тыс. населения наблюдается также по высшему образованию и по численности аспирантов. В среднем по РФ численность выпускников с высшим образованием снизилась на 37,8 % (с 90 чел. в 2013 г. до 56 чел. в 2022 г.), по «европейским» приграничным регионам на 42,2 % (с 72 чел. в 2013 г. до 42 чел. в 2022 г.), по Прибалтийскому приграничному макрорегиону на 57,6 % (с 58 чел. в 2013 г. до 25 чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону на 42,6 % (с 97 чел. в 2013 г. до 56 чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону на 34,5 % (с 61 чел. в 2013 г. до 40 чел. в 2022 г.). С меньшими, но тоже очень существенными темпами снижается численность

аспирантов: в целом по РФ на 22,2 % (с 9 чел. на 10 000 чел. населения в 2013 г. до 7 чел. на 10 000 чел. населения в 2022 г.), в среднем по «европейским» приграничным регионам на 24,2 % (с 5 чел. в 2013 г. до 4 чел. в 2022 г.), по Прибалтийскому приграничному макрорегиону на 28,8 % (с 4 чел. в 2013 г. до 3 чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону на 26 % (с 7 чел. в 2013 г. до 5 чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону на 23,2 % (с 4 чел. в 2013 г. до 3 чел. в 2022 г.).

По выпускникам среднего профессионального образования наблюдается противоположная тенденция: их численность на 10 000 населения существенно растет по всем территориям. В среднем по РФ численность выпускников со средним профессиональным образованием увеличилась на 35,5 % (с 31 чел. в 2013 г. до 42 чел. в 2022 г.), по «европейским» приграничным регионам на 53,3 % (с 28 чел. в 2013 г. до 42 чел. в 2022 г.), по Прибалтийскому приграничному макрорегиону на 40,0 % (с 27 чел. в 2013 г. до 40 чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону на 25,4 % (с 34 чел. в 2013 г. до 43 чел. в 2022 г.), по Южному приграничному макрорегиону на 100,7 % (с 22 чел. в 2013 г. до 45 чел. в 2022 г.).

В России в период с 2013 до 2022 г. происходило замещение для выпускников общеобразовательных школ профессионального образования с высшего на среднее профессиональное. Этот процесс планомерно регулируется государством с целью приведения структуры выпускаемых специалистов к структуре потребности национального производства. Поэтому целесообразно рассматривать общий выпуск специалистов со средним профессиональным и высшим образованием для оценки человеческого потенциала и изменения КЖН. В среднем по РФ численность выпускников со средним профессиональным и высшим образованием на 10 000 чел. населения в 2022 г. по сравнению с 2013 г. снизилась на 19 % (со 121 чел. в 2013 г. до 98 чел. в 2022 г.), по «европейским» приграничным регионам — на 16 % (со 100 чел. в 2013 г. до 84 чел. в 2022 г.), по Прибалтийскому приграничному макрорегиону — на 23,5 % (с 85 чел. в 2013 г. до 65 чел. в 2022 г.), по Центральному приграничному макрорегиону снижение составило 24,4 % (с 131 чел. в 2013 г. до 99 чел. в 2022 г.), и только по Южному приграничному макрорегиону наблюдается незначительное увеличение численности выпускников с профессиональным образованием на 2,4 % (с 83 чел. в 2013 г. до 85 чел. в 2022 г.).

Динамика численности выпускников в 2013 и 2022 гг. свидетельствует о снижении КЖН по показателям образования. Происходит

снижение числа выпускников со средним общим образованием и с профессиональным образованием на 10 000 чел. населения. Только в Южном приграничном макрорегионе не произошло уменьшения численности выпускников с профессиональным образованием, но наблюдается самое высокое снижение численности выпускников со средним общим образованием — почти на 40 %. Это означает снижение качества трудового потенциала и качества жизни населения.

Анализ влияния экономических и социальных процессов на КЖН по статистическим данным 2013 и 2022 гг. позволяет сделать следующие выводы.

1. Рост экономических показателей (ВРП и инвестиции в основной капитал на душу населения) во всех регионах «европейских» приграничных макрорегионов означает увеличение экономического потенциала для роста КЖН этих регионов. Лидирующие позиции по данному блоку показателей занимает Прибалтийский приграничный макрорегион, аутсайдерские — Южный приграничный макрорегион.

2. По блоку демографических показателей наибольший потенциал роста КЖН имеет Южный приграничный макрорегион: в этом регионе самые высокие показатели рождаемости и доли трудоспособного населения в общей численности населения. Но этот макрорегион является также лидером по объемам миграционного оттока населения. Это означает, что жители региона оценивают условия жизни на его территории как менее благоприятные, чем на территории их эмиграции. Наиболее сложная демографическая динамика по итогам 2022 г. наблюдается в Центральном приграничном макрорегионе: абсолютное снижение численности населения, снижение доли трудоспособного населения, высокий миграционный отток населения.

3. Для «европейских» приграничных макрорегионов, как и для России в целом, характерны снижение уровня рождаемости и прерывания беременностей. Снижение рождаемости ведет к снижению КЖН, т. к. означает снижение человеческого потенциала. Снижение показателей прерывания беременностей связано с повышением уровня здравоохранения и означает рост КЖН. Социальные показатели сферы здравоохранения наиболее благоприятные в Южном приграничном макрорегионе. В этом макрорегионе самые высокие показатели рождаемости и самые низкие показатели прерывания беременности.

4. Динамика численности выпускников образовательных организаций «европейских» приграничных макрорегионов свидетельствует

о снижении количественных и качественных показателей человеческого потенциала, что является фактором снижения КЖН. Происходит снижение количества выпускников и со средним общим образованием, и с профессиональным образованием (средним профессиональным и высшим). Лидирующие позиции по численности выпускников в составе «европейских» приграничных регионов занимает Центральный приграничный макрорегион. В этом макрорегионе самые высокие показатели числа выпускников с профессиональным образованием на 10 000 чел. населения и на среднем уровне по «европейскому» приграничному макрорегиону показатели числа выпускников со средним общим образованием.

Анализ взаимосвязи качества жизни населения и человеческого потенциала в «азиатских» приграничных макрорегионах позволяет выявить существенные различия в уровне социально-экономического развития, демографической устойчивости и обеспеченности социальной инфраструктурой. Несмотря на единое геополитическое положение и периферийный статус по отношению к федеральным центрам, каждый из макрорегионов формирует собственную модель человеческого потенциала и качества жизни, обусловленную структурой экономики, плотностью населения и степенью урбанизации.

Российско-Казахстанский макрорегион отличается относительно устойчивыми параметрами человеческого потенциала и занимает промежуточное положение между регионами европейской и восточной частей России. Для него характерно более развитое экономическое пространство и сравнительно высокая концентрация промышленного производства. По данным комплексной оценки, большинство регионов макрорегиона (Оренбургская, Челябинская, Курганская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край) демонстрируют показатели ВРП на душу населения выше средних значений по азиатской части страны. Развитие нефтегазового и металлургического комплексов, машиностроения и перерабатывающей промышленности создаёт устойчивую основу для формирования человеческого потенциала.

Демографические параметры Российско-Казахстанского макрорегиона неоднородны. В ряде субъектов наблюдается умеренное сокращение численности населения и миграционный отток, однако сохранение трудового ядра и сравнительно высокая рождаемость в южных областях обеспечивают демографическую устойчивость. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в макрорегионе превышает 71 год, что близко к среднероссийским

значениям, а в отдельных субъектах (Челябинская, Омская области) достигает 73–74 лет.

Социальные характеристики (доступность здравоохранения, образования и услуг социальной инфраструктуры) отражают различия внутри макрорегиона: крупнейшие промышленные центры обладают высокой плотностью медицинских учреждений и образовательных организаций, в то время как сельские районы юга Урала и Алтая характеризуются их дефицитом. Индекс качества жизни населения (по данным «РИА Рейтинг») для большинства регионов МР4 находится в диапазоне 50–60 баллов, что соответствует уровню выше среднего по азиатским территориям.

Взаимосвязь экономического и человеческого потенциала и качества жизни здесь выражена наиболее отчётливо: устойчивое развитие промышленности и транспортной инфраструктуры способствует росту занятости и доходов населения, а инвестиции в социальную сферу — повышению комфортности проживания. Следовательно, МР4 представляет собой макрорегион с относительно сбалансированным типом воспроизводства человеческого потенциала, где экономические факторы играют ключевую роль в формировании качества жизни.

Для Российско-Китайского макрорегиона характерна контрастность территориального развития: наличие крупных индустриальных центров (Амурская область, Приморский и Хабаровский края) сочетается с обширными слабо освоенными территориями. Несмотря на геоэкономические преимущества и потенциал трансграничного сотрудничества с КНР, большинство регионов сталкиваются с проблемой демографической убыли и низкой плотности населения.

Экономический потенциал макрорегиона формируется за счёт добывающей промышленности, энергетики и транспортно-логистических проектов, однако монопрофильность экономики делает его уязвимым к колебаниям внешней конъюнктуры. ВРП на душу населения по ряду субъектов (Амурская область, ЕАО, Забайкальский край) находится ниже среднероссийского уровня. В то же время экспортная ориентация и приграничное взаимодействие создают точки роста, особенно в Приморском и Хабаровском краях.

Демографическая ситуация характеризуется устойчивым оттоком трудоспособного населения и старением возрастной структуры. Коэффициент миграционного прироста остаётся отрицательным, особенно в северных и внутренних районах. Ожидаемая продолжительность жизни колеблется в пределах 68–70 лет,

что ниже среднероссийского уровня, а показатели рождаемости остаются нестабильными.

Социальная инфраструктура макрорегиона территориально развита неравномерно: высокая концентрация объектов в приморских центрах компенсируется низкой обеспеченностью в сельской местности. Качество жизни населения оценивается в 45–50 баллов, что соответствует нижнему диапазону по стране. Ограниченный доступ к медицинским и образовательным услугам, транспортная удалённость и климатические факторы существенно сдерживают реализацию человеческого потенциала.

Таким образом, взаимосвязь человеческого потенциала и качества жизни в МР5 носит противоречивый характер. Потенциал внешнеэкономического сотрудничества не компенсирует дефицита человеческих ресурсов, а низкие социальные стандарты препятствуют закреплению населения. Повышение качества жизни в этом макрорегионе возможно через развитие инфраструктуры, создание комфортных условий проживания и реализацию программ привлечения квалифицированных специалистов.

Российско-Монгольский макрорегион объединяет субъекты с наименьшими показателями человеческого потенциала и качества жизни населения. Сюда входят Республика Тыва, Республика Алтай, Бурятия и Забайкальский край. Для них характерны низкая плотность населения, сложные природно-климатические условия и ограниченные возможности для диверсификации экономики.

Экономический потенциал определяется преимущественно добычей полезных ископаемых и сельским хозяйством, однако ограниченность перерабатывающих мощностей и транспортная изолированность приводят к низкому уровню ВРП на душу населения (в 1,5–2 раза ниже среднего по стране). Инвестиционная активность в регионах МР6 остаётся минимальной, а доля занятых в бюджетной сфере превышает 40 %, что свидетельствует о слабой предпринимательской инициативе.

Демографическая ситуация в макрорегионе имеет противоречивый характер: относительно высокая рождаемость (особенно в Тыве и Алтае) сочетается с низкой продолжительностью жизни (в среднем 67 лет) и значительным миграционным оттоком трудоспособного населения. Это приводит к формированию «демографических ножниц» — росту доли молодого и пожилого населения при сокращении трудового ядра.

Социальные условия характеризуются дефицитом образовательных и медицинских учреждений, низкой обеспеченностью

благоустроенным жильём, ограниченным доступом к транспортной и цифровой инфраструктуре. Средние значения индекса качества жизни не превышают 40 баллов, что является одним из самых низких уровней среди всех приграничных территорий.

Анализ взаимосвязи человеческого потенциала и качества жизни в МР6 показывает наличие устойчивой отрицательной корреляции: низкий уровень экономической активности и инфраструктурной обеспеченности формирует ограниченные возможности для реализации человеческого потенциала, что в свою очередь снижает привлекательность территории для проживания и усиливает миграционный отток.

Для преодоления негативных тенденций требуется активизация государственной поддержки, развитие транспортной связности, улучшение качества образования и здравоохранения, а также внедрение программ территориальной занятости и стимулирования предпринимательства. Только комплексное воздействие на социально-экономические и инфраструктурные условия может привести к повышению качества жизни населения и постепенному росту человеческого потенциала в макрорегионе.

Обобщая, отметим, что в «азиатских» приграничных макрорегионах сохраняется высокая дифференциация по показателям человеческого потенциала и качества жизни. Наиболее тесная положительная взаимосвязь наблюдается в МР4, где экономический рост и социальная инфраструктура взаимно усиливают друг друга. В МР5 и МР6 эта взаимосвязь ослаблена вследствие демографической убыли, низкого уровня урбанизации и ограниченной доступности социальных благ. Таким образом, повышение качества жизни населения в азиатской части России невозможно без целенаправленного укрепления человеческого потенциала, который является ключевым фактором устойчивого развития приграничных территорий.

3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

3.1 Многомерная группировка приграничных регионов России по степени развития человеческого потенциала[1]

Выявленные особенности человеческого потенциала приграничных регионов России, их отличие от регионов, которые не имеют внешних границ с иностранными государствами, предопределяют постановку исследовательской задачи: выявить, насколько однородны приграничные регионы, определяется ли их человеческий потенциал особенностями географического положения, сопредельных стран или же иными причинами. Существуют ли среди приграничных регионов устойчивые классы, в чем проявляется и чем объясняется эта устойчивость? Для ответа на этот вопрос использованы данные, проанализированные на предыдущем этапе исследования, и следующий алгоритм анализа.

1. Проведение многомерной группировки приграничных регионов методом кластерного анализа по показателям человеческого потенциала 2015, 2019 и 2022 гг., проанализированным во второй главе.

2. Выделение устойчивых кластеров регионов, имеющих сходные характеристики человеческого потенциала в каждый из рассмотренных периодов (2015, 2019 и 2022 гг.), а также регионов, не примыкающих устойчиво ни к одному кластеру.

3. Выделение ядра каждого кластера — регионов, не покидающих кластер ни в один из периодов, и собственно кластера — регионов, находившихся в нем хотя бы на протяжении двух из трёх наблюдаемых периодов.

4. Выявление ключевых характеристик каждого кластера и перспективных направлений государственной политики, направленной на сбережение и приумножение человеческого потенциала.

Сводные показатели по выборке представлены в таблице 3.1.

На первом этапе анализа осуществлена многомерная группировка приграничных регионов по степени схожести характеристик человеческого потенциала. Для этой задачи применен метод кластерного анализа. Кластерный анализ проводился с использованием онлайн-ресурса wessa.net по методу Варда, с использованием

[1] Параграф подготовлен канд. экон. наук Д. А. Плетнёвым, А. О. Ужеговым.

Таблица 3.1

Характеристика показателей, использованных для проведения многомерной группировки приграничных регионов России, 2015, 2019 и 2022 гг.

Показатели	2015 г.		2019 г.		2022 г.	
	Среднее	К.вариации	Среднее	К.вариации	Среднее	К.вариации
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	70,80	0,041	72,80	0,040	71,70	0,037
Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации, тыс. руб./чел.	289,20	0,407	411,40	0,413	593,70	0,477
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб./чел.	69,30	0,449	100,50	0,697	136,30	0,755
Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании на 10000 чел. населения	44,80	0,234	46,70	0,183	44,30	0,187
Выпуск специалистов со средним профессиональным образованием на 10000 чел. населения	31,50	0,222	39,40	0,198	44,70	0,178
Выпуск бакалавров, специалистов, магистров на 10000 чел. населения	75,40	0,322	50,60	0,351	43,70	0,350
Численность аспирантов на 10000 чел. населения	4,89	0,540	3,46	0,565	3,99	0,589
Доля трудоспособного населения в общей численности населения	0,55	0,053	0,53	0,055	0,54	0,050
Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 чел. населения	–14,30	–5,152	–0,20	–356,968	–20,40	–2,147
Прерывание беременности (аборты) на 1000 женщин 15–49 лет	25,80	0,408	19,40	0,409	15,70	0,420
Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)	14,00	0,221	10,70	0,266	9,60	0,315

Источник: рассчитано авторами.

евклидовой метрики. В 2015 г. было выявлено шесть кластеров, в которые вошли от двух до десяти регионов (рис. 3.1).

В таблице 3.2 представлен список приграничных регионов России и их территориальная принадлежность.

На основании результатов иерархического кластерного анализа, выполненного по показателям, характеризующим человеческий потенциал приграничных регионов Российской Федерации за 2015 г., были выделены шесть кластеров, объединяющих регионы с близкими характеристиками в данной сфере.

1. Первый кластер включает Белгородскую область, Ленинградскую область и Хабаровский край.

2. Второй кластер образовали Мурманская область и Тюменская область (за исключением Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов).

3. Третий кластер составили следующие регионы: Курская, Смоленская, Ростовская, Волгоградская, Саратовская и Омская области, а также Еврейская автономная область.

4. В четвертый кластер вошел более широкий круг регионов, включающий Республику Карелия, Калининградскую область, Краснодарский край, Астраханскую, Воронежскую, Оренбургскую, Самарскую, Челябинскую и Новосибирскую области, а также Приморский край и Амурскую область.

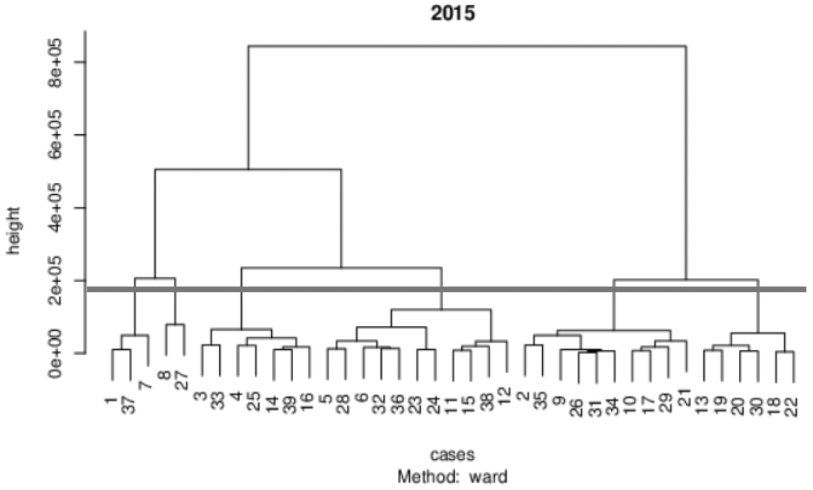

Рис. 3.1. *Иерархическое древо кластерного анализа приграничных регионов России по человеческому потенциалу, 2015 г. (источник: составлено авторами, нумерация регионов соответствует таблице 3.2)*

Таблица 3.2

Приграничные регионы России и их территориальная принадлежность

Субъекты РФ	Макрорегион
1. Белгородская область	Центральный макрорегион
2. Брянская область	Центральный макрорегион
3. Курская область	Центральный макрорегион
4. Смоленская область	Центральный макрорегион
5. Республика Карелия	Прибалтийский макрорегион
6. Калининградская область	Прибалтийский макрорегион
7. Ленинградская область	Прибалтийский макрорегион
8. Мурманская область	Прибалтийский макрорегион
9. Псковская область	Прибалтийский макрорегион
10. Республика Калмыкия	Российско-Казахстанский макрорегион
11. Краснодарский край	Южный макрорегион
12. Астраханская область	Российско-Казахстанский макрорегион
13. Республика Крым	Центральный макрорегион
14. Ростовская область	Центральный макрорегион
15. Воронежская область	Центральный макрорегион
16. Волгоградская область	Российско-Казахстанский макрорегион
17. Республика Дагестан	Южный макрорегион
18. Республика Ингушетия	Южный макрорегион
19. Кабардино-Балкарская Республика	Южный макрорегион
20. Карачаево-Черкесская Республика	Южный макрорегион
21. Республика Северная Осетия — Алания	Южный макрорегион
22. Чеченская Республика	Южный макрорегион
23. Оренбургская область	Российско-Казахстанский макрорегион
24. Самарская область	Российско-Казахстанский макрорегион
25. Саратовская область	Российско-Казахстанский макрорегион
26. Курганская область	Российско-Казахстанский макрорегион
27. Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	Российско-Казахстанский макрорегион
28. Челябинская область	Российско-Казахстанский макрорегион
29. Республика Алтай	Российско-Казахстанский макрорегион
30. Республика Тыва	Российско-Монгольский макрорегион
31. Алтайский край	Российско-Казахстанский макрорегион
32. Новосибирская область	Российско-Казахстанский макрорегион

Окончание табл. 3.2 на след. стр.

Окончание табл. 3.2

Субъекты РФ	Макрорегион
33. Омская область	Российско-Казахстанский макрорегион
34. Республика Бурятия	Российско-Монгольский макрорегион
35. Забайкальский край	Российско-Китайский макрорегион
36. Приморский край	Российско-Китайский макрорегион
37. Хабаровский край	Российско-Китайский макрорегион
38. Амурская область	Российско-Китайский макрорегион
39. Еврейская автономная область	Российско-Китайский макрорегион

Источник: составлено авторами.

5. Пятый кластер включает Брянскую и Псковскую области, Республику Калмыкия, Республику Дагестан, Республику Северная Осетия — Алания, Курганскую область, Республику Алтай, Алтайский край, Республику Бурятию и Забайкальский край.

6. Шестой кластер объединяет следующие регионы: Республику Крым, Республику Ингушетия, Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Чеченскую Республику и Республику Тыва.

Средние значения показателей человеческого потенциала по сформированным кластерам представлены в таблице 3.3, интерес представляет их соотнесение со средним по приграничным регионам и по Российской Федерации в целом.

В таблице 3.3 представлены результаты сравнительного анализа средних значений по каждому из выделенных кластеров с двумя референтными величинами: средним значением по всем приграничным регионам и среднерегиональным значением по Российской Федерации в целом. Цель сопоставления заключалась в выявлении существенных отклонений кластерных показателей в ту или иную сторону относительно общих ориентиров.

При интерпретации результатов использовался дифференцированный экспертный подход к оценке «существенности» отклонений, который варьировался в зависимости от характера конкретного показателя. В частности, значение показателя считалось существенно выше общероссийского уровня, если оно превышало среднероссийское значение не менее чем на 10 %. Такая граница применялась для следующих индикаторов:

— валовой региональный продукт (ВРП);
— инвестиции в основной капитал на душу населения;
— доля трудоспособного населения в общей численности;
— миграционный прирост.

Таблица 3.3

Среднерегиональные значения показателей, характеризующих развитие человеческого потенциала, по кластерам и в целом по выборке приграничных регионов, 2015 г.

Группа регионов / кластер	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр.прирост	Аборты	К.рожд.
РФ	71,39	447 395	94 922	41,4	30,3	88,5	7,5	0,561	28,000	24,000	13,3
ПР	70,75	289 182	69 302	44,8	31,5	75,4	4,9	0,551	–14,256	25,821	14,0
1 к	70,85	454 015	102 488	36,5	25,9	72,9	5,0	0,543	39,667	23,333	11,6
2 к	70,41	581 402	141 078	44,2	29,6	91,7	5,3	0,631	9,000	29,000	14,3
3 к	70,18	281 651	64 333	40,2	31,5	91,9	5,6	0,541	–12,714	26,000	12,2
4 к	70,23	358 679	86 706	40,4	35,4	81,4	5,8	0,563	–4,545	27,818	13,2
5 к	70,60	204 593	48 333	49,3	32,2	68,4	4,5	0,541	–58,800	28,100	14,6
6 к	72,70	131 718	37 624	55,3	26,8	52,5	2,9	0,534	5,667	18,333	17,5

Примечания: здесь и далее ПР — приграничные регионы; ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; ВРП — валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации, тыс. руб./чел.; ИОК — инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб./чел.; Выпуск СОО — выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании на 10000 чел. населения; Выпуск СПО — выпуск специалистов со средним профессиональным образованием на 10000 чел населения; Выпуск ВО — выпуск бакалавров, специалистов, магистров на 10000 чел населения; Выпуск аспир. — численность аспирантов на 10000 чел. населения; Доля ТСН — доля трудоспособного населения в общей численности населения; Мигр. прирост — коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения; Аборты — прерывание беременности (аборты) на 1000 женщин 15–49 лет; К. рожд. — общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения).

Источник: составлено авторами.

Для группы социальных и демографических показателей критерий «существенности» был установлен на уровне 5 %. К ним относились:

— выпуск квалифицированных кадров по программам среднего общего образования (СОО), среднего профессионального образования (СПО), высшего образования (ВО), аспирантуры;

— коэффициент рождаемости;

— уровень абортов (в данном случае использовалась обратная логика: снижение показателя по сравнению с ориентиром трактовалось как положительная динамика. Таким образом, если

уровень абортов в кластере был ниже среднероссийского более чем на 5 %, это квалифицировалось как существенное улучшение. Аналогично, отклонение на 5 % в сторону повышения трактовалось как ухудшение ситуации).

Таким образом, построение таблицы базировалось на принципе дифференцированной оценки, позволяющем адекватно учитывать специфику каждого показателя и обеспечивать корректную интерпретацию сравнительных данных (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Результаты сравнения среднерегиональных по кластерам значений показателей, характеризующих развитие человеческого потенциала, со средними для приграничных регионов и для РФ в целом

2015	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
1 к	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–	РФ–	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ+	РФ–ПР	РФ–
2 к	РФ–ПР	РФ+	РФ+	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ+	РФ–ПР	ПР–	РФ–ПР
3 к	ПР–	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–
4 к	ПР–	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	ПР+	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ–ПР	ПР–	РФ–ПР
5 к	РФ–ПР	ПР–	ПР–	ПР+	РФ–ПР	ПР–	ПР–	РФ–ПР	ПР–	ПР–	РФ–ПР
6 к	РФ+	ПР–	ПР–	ПР+	РФ–	ПР–	ПР–	РФ–ПР	РФ–ПР	РФ+	ПР+

Примечания: обозначения трактуются следующим образом: «ПР+» указывает на то, что среднее значение по кластеру по определенному показателю существенно превышает среднее значение по приграничным регионам (среднероссийское значение меньше среднего по приграничным регионам); «ПР–» означает, что среднее значение по кластеру существенно ниже среднего по приграничным регионам (среднероссийское значение больше среднего по приграничным регионам); «РФ+» применяется в случае, если среднее значение показателя в кластере существенно превышает общероссийский уровень (среднее значение по приграничным регионам меньше среднероссийского); «РФ–» указывает на то, что среднее значение по кластеру существенно меньше среднероссийского (среднее значение по приграничным регионам больше среднероссийского); «РФ–ПР» обозначает все остальные случаи, при которых различия между средним значением по кластеру и соответствующими референтными величинами (по РФ и приграничным регионам) не достигают порогового уровня, т. е. считаются несущественными.

Источник: составлено авторами.

В рамках проведенного анализа были использованы условные обозначения для интерпретации сравнительных различий между средними значениями показателей по каждому кластеру и соответствующими средними значениями по совокупности приграничных регионов, а также по Российской Федерации в целом.

Первый кластер характеризуется в целом низкими средними значениями таких показателей, как удельный выпуск обучающихся из общеобразовательных школ и учреждений СПО, а также пониженным уровнем рождаемости. Вместе с тем, в экономическом аспекте наблюдаются относительно благоприятные условия для развития человеческого потенциала: показатели ВРП и инвестиций в основной капитал на душу населения соответствуют среднероссийским значениям. Кроме того, существенным преимуществом этого кластера является высокий миграционный прирост, значения которого стабильно превышают общероссийский уровень.

Второй кластер, включающий лишь два субъекта Российской Федерации, демонстрирует наиболее высокие средние значения ключевых социально-экономических индикаторов человеческого потенциала. В частности, значения ВРП, инвестиций в основной капитал и доли трудоспособного населения превышают общероссийские уровни более чем на 10 %, что позволяет рассматривать данный кластер как группу с высокой степенью экономической устойчивости. Вместе с тем, отмечается снижение общего коэффициента рождаемости, значения которого более чем на 5 % ниже среднего по совокупности всех приграничных регионов, что может указывать на наличие демографических рисков.

Для третьего кластера характерны отклонения в сторону менее благоприятных демографических показателей. Так, значение ожидаемой продолжительности жизни уступает среднему по приграничным регионам более чем на 5 %, а коэффициент рождаемости — более чем на 5 % по сравнению со среднероссийским уровнем. Это позволяет квалифицировать данный кластер как территорию с недостаточным уровнем социально-демографического воспроизводства человеческого потенциала.

Четвертый кластер демонстрирует, что средние значения ожидаемой продолжительности жизни и уровня абортов ниже средних по приграничным регионам более чем на 5 %, что отражает определенные проблемы в сфере здравоохранения и репродуктивного поведения населения. С другой стороны, выпуск из учреждений СПО превышает средние значения внутри самого кластера более чем на 5 %, что может свидетельствовать о наличии позитивных

тенденций в подготовке квалифицированных кадров со средним профессиональным образованием.

Пятый кластер выделяется совокупным снижением уровня развития человеческого потенциала по широкому спектру показателей. Значения ВРП, инвестиций в основной капитал, выпуска специалистов с ВО, выпуска аспирантов, миграционного прироста и уровня абортов находятся более чем на 5 % ниже средних значений по приграничным регионам, что свидетельствует о комплексной уязвимости кластера как в экономическом, так и в социально-демографическом аспектах. Исключение составляет только выпуск по программам СОО, который превышает внутрикластерные значения более чем на 5 %, однако этот фактор не компенсирует общую негативную картину.

Шестой кластер характеризуется в целом слабым уровнем экономических условий, необходимых для развития человеческого потенциала. Так, средние значения по кластерам таких показателей, как ВРП, инвестиции в основной капитал, выпуск специалистов с ВО и выпуск аспирантов более чем на 5 % ниже, чем средние по совокупности всех приграничных регионов. Кроме того, по показателю выпуска из учреждений СПО значения также оказываются ниже общероссийского уровня на 5 % и более, что может свидетельствовать о дефиците образовательных возможностей среднего и высшего уровней в регионах этого кластера. В то же время наблюдаются положительные тенденции в сфере демографии. В частности, показатели ожидаемой продолжительности жизни и числа абортов (где снижение численности трактуется как положительный результат) в среднем превышают общероссийские значения более чем на 5 %, что может свидетельствовать о сравнительно благополучной ситуации в сфере здравоохранения и репродуктивного поведения. Дополнительно, выпуск по программам СОО и коэффициент рождаемости в среднем превышают внутрикластерные значения на 5 % и более, указывая на наличие относительно высокой вовлеченности молодежи в систему базового образования и устойчивую рождаемость.

По данным о развитии человеческого потенциала приграничных регионов в 2019 г. также была проведена многомерная группировка, с использованием того же подхода и инструментария, что и для 2015 г. (рис. 3.2).

По результатам иерархического кластерного анализа, проведенного на основе показателей, характеризующих развитие человеческого потенциала в приграничных регионах Российской Федерации за 2019 г., структура кластеров формально сохранилась: общее

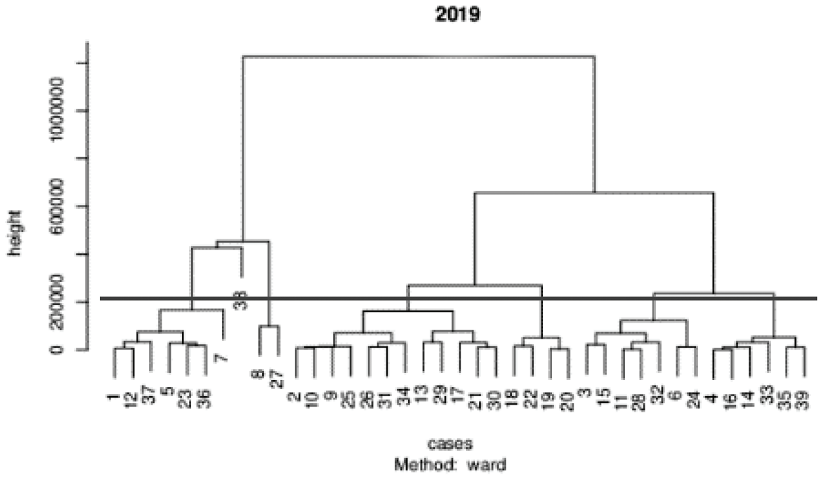

Рис. 3.2. *Иерархическое древо кластерного анализа приграничных регионов России по человеческому потенциалу, 2019 г. (источник: составлено авторами, нумерация регионов соответствует таблице 3.2)*

число кластеров осталось неизменным по сравнению с 2015 г., однако состав кластеров претерпел определенные изменения, что свидетельствует о динамике и перераспределении регионов в пространстве человеческого потенциала. Ряд регионов изменил свою кластерную принадлежность, что может быть связано как с улучшением, так и с ухудшением значений ключевых показателей. Кроме того, Амурская область в 2019 г. продемонстрировала такие значения по совокупности показателей, которые не позволили отнести ее ни к одному из сформированных кластеров, что указывает на ее кластерную изолированность и атипичность профиля развития.

Распределение регионов по кластерам в 2019 г. выглядит следующим образом.

1. Первый кластер объединил Белгородскую область, Астраханскую область, Хабаровский край, Республику Карелия, Оренбургскую область, Приморский край и Ленинградскую область. Эти регионы продемонстрировали схожий профиль по ключевым параметрам человеческого потенциала, что позволило отнести их к единому кластерному образованию.

2. Второй кластер сохранил неизменный состав, включающий Мурманскую область и Тюменскую область (без учета Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов). Устойчивость

состава кластера может свидетельствовать о стабильности показателей, характеризующих данные регионы, в рассмотренный период.

3. Третий кластер значительно расширился и включил Брянскую область, Республику Калмыкию, Псковскую область, Саратовскую область, Курганскую область, Алтайский край, Республику Бурятия, Республику Крым, Республику Алтай, Республику Дагестан, Республику Северная Осетия — Алания и Республику Тыва.

4. Четвертый кластер включает преимущественно субъекты Северо-Кавказского федерального округа: Республику Ингушетия, Чеченскую Республику, Кабардино-Балкарскую Республику и Карачаево-Черкесскую Республику. Эти регионы обладают специфическим демографическим и социально-экономическим профилем, что обосновывает их выделение в отдельную группу.

5. Пятый кластер сформировали Курская область, Воронежская область, Краснодарский край, Челябинская область, Новосибирская область, Калининградская область и Самарская область.

6. Шестой кластер составили Смоленская область, Волгоградская область, Ростовская область, Омская область, Забайкальский край и Еврейская автономная область.

В целом движение регионов между кластерами, описанное выше, можно представить в виде диаграммы (рис. 3.3).

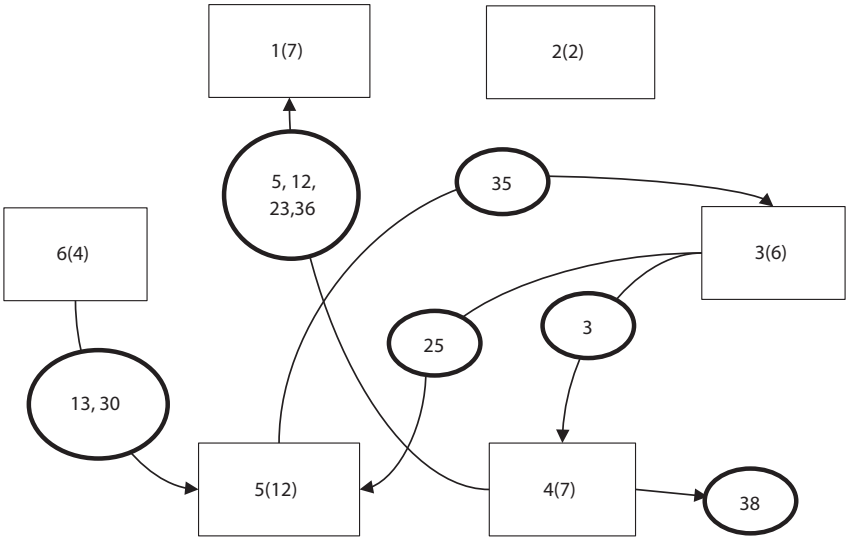

Рис. 3.3. *Схема изменений кластеров по степени схожести показателей человеческого потенциала в 2015–2019 гг. (источник: составлено авторами)*

В прямоугольниках показаны кластеры (указан номер региона (см. табл. 3.2) и в скобках — число регионов в нем в 2019 г.), стрелками указано направление перехода региона из кластера в кластер, в кружках над каждой стрелкой — номера переходящих регионов.

Динамика кластерной структуры регионов в 2015–2019 гг.

1. Первый кластер. Из четвертого кластера в первый перешли Астраханская область, Приморский край, Оренбургская область, Республика Карелия.

2. Второй кластер сохранил прежний состав: Мурманская и Тюменская области (без округов).

3. Третий кластер. Из пятого кластера в третий перешли Брянская область, Псковская область, Республика Калмыкия, Курганская область, Алтайский край, Республика Бурятия, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия — Алания; из шестого кластера — Республика Крым, Республика Тыва.

4. Четвертый кластер. Амурская область выпала из кластеров. Астраханская, Оренбургская области, Приморский край, Республика Карелия перешли в первый кластер. Калининградская, Воронежская, Самарская, Челябинская, Новосибирская, Курская области, а также Краснодарский край перешли в пятый кластер. Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика перешли из шестого кластера и полностью составляют четвертый.

5. Пятый кластер. Брянская, Псковская, Курганская области, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Алтай, Алтайский край, Республика Бурятия перешли в третий кластер. Курская, Воронежская, Калининградская, Самарская, Челябинская, Новосибирская области, а также Краснодарский край перешли в пятый кластер.

6. Шестой кластер. Республики Крым, Тыва перешли в третий кластер. Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика перешли в четвертый кластер.

В целом из 39 регионов почти три четверти (29) сохранили свое положение в кластере, что говорит об устойчивости предложенной группировки.

В дополнение к проведенному анализу, аналогично проведем кластерный анализ для 2022 г. и оценим различия, что подтвердит или опровергнет высказанную гипотезу об устойчивости состава каждого кластера (рис. 3.4).

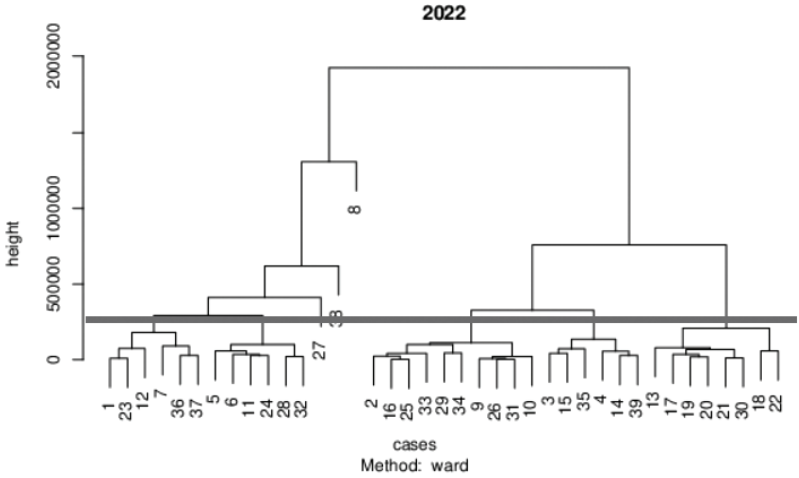

Рис. 3.4. *Иерархическое древо кластерного анализа приграничных регионов России по человеческому потенциалу, 2022 г. (источник: составлено авторами, нумерация регионов соответствует таблице 3.2)*

По результатам кластерного анализа, проведенного на основе обобщенных показателей человеческого потенциала за 2022 г., была сформирована обновленная кластерная структура приграничных регионов Российской Федерации. В отличие от 2019 г., когда выделялись шесть кластеров, в 2022 г. их число сократилось до пяти, что свидетельствует о консолидации регионов с близкими значениями социально-экономических и демографических показателей. Следует отметить, что Тюменская область (без учета Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов), Амурская область и Мурманская область в 2022 г. не были отнесены ни к одному из сформированных кластеров. Вероятнее всего, значения ключевых индикаторов в этих регионах существенно отклонялись от внутрикластерных средних, что препятствовало их устойчивой классификации. Такая ситуация может свидетельствовать о специфичности траектории их развития и требует отдельного анализа.

Кластерное распределение приграничных регионов в 2022 г.:

1. Первый кластер объединил регионы с относительно устойчивыми экономическими и демографическими характеристиками, сопоставимыми между собой: Белгородская область, Оренбургская область, Астраханская область, Ленинградская область, Приморский край, Хабаровский край.

2. Регионы, образовавшие в 2015–2019 гг. 2-й кластер, показали существенно отличные друг от друга и от других кластеров значения, что определило распад этого кластера.

3. Третий кластер включает Республику Карелию, Калининградскую область, Краснодарский край, Самарскую область, Челябинскую область и Новосибирскую область.

4. Четвертый кластер составили следующие регионы: Брянская область, Волгоградская область, Саратовская область, Омская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Псковская область, Курганская область, Алтайский край, Республика Калмыкия.

5. Пятый кластер представлен следующими регионами: Курская область, Воронежская область, Забайкальский край, Смоленская область, Ростовская область, Еврейская автономная область.

6. Шестой кластер включает преимущественно субъекты Северо-Кавказского федерального округа и юга России: Республика Крым, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, а также Республика Тыва.

В 2019–2022 гг. в структуре оставшихся кластеров произошли некоторые изменения (рис. 3.5).

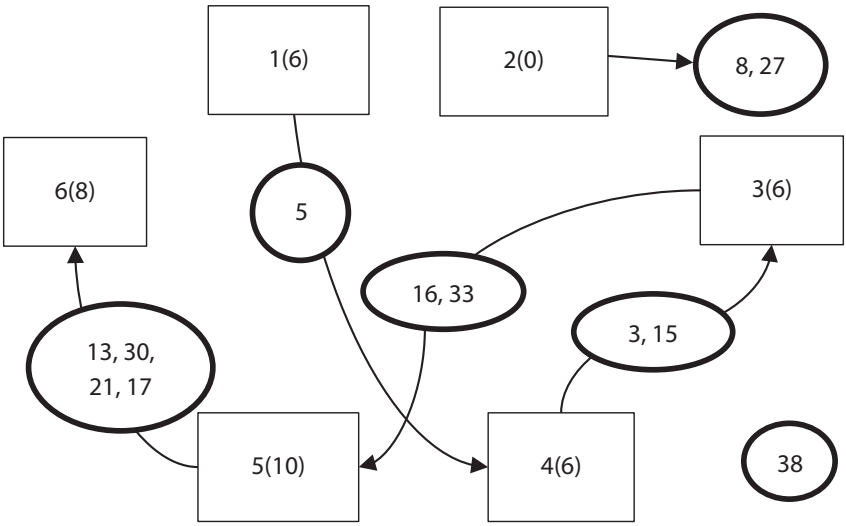

Рис. 3.5. *Схема изменений кластеров по степени схожести показателей человеческого потенциала в 2019–2022 г. (источник: составлено авторами, нумерация регионов соответствует таблице 3.2)*

Динамика кластерной структуры в 2019–2022 гг.:

1. Первый кластер. Республика Карелия перешла в третий кластер.

2. Третий кластер. Состав остался почти без изменений, за исключением Карелии, которая сюда перешла из первого кластера.

3. Четвертый кластер. Сократился до десяти регионов: в шестой кластер ушли Республика Крым и Республика Дагестан.

4. Пятый кластер. Из состава вышли Самарская, Челябинская, Новосибирская области, Калининградская область и Краснодарский край (в третий кластер), вошли Смоленская, Ростовская, Еврейская автономная области, Забайкальский край.

5. Шестой кластер включает Республику Дагестан, Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Ингушетия, Чеченскую Республику, Северную Осетию — Аланию, Республику Крым, Республику Тыва (присоединились Республика Крым и Республика Дагестан).

Анализ среднерегиональных значений по ряду социально-экономических и демографических показателей позволяет детализировать особенности каждого из выделенных кластеров.

Первый кластер характеризуется пониженным уровнем развития отдельных компонентов человеческого капитала. Так, значения показателей, отражающих выпуск специалистов СОО, СПО, а также коэффициента рождаемости, находятся ниже среднероссийского уровня. При этом значение показателя «Выпуск ВО» в среднем по кластеру более чем на 5 % уступает среднему уровню по совокупности приграничных регионов. В то же время следует отметить, что среднее значение миграционного прироста и числа прерываний беременности (абортов) превышает общероссийские показатели более чем на 5 %, что может свидетельствовать о специфике демографических процессов и социального поведения населения в регионах данного кластера.

Третий кластер демонстрирует наиболее выраженное отставание по целому ряду показателей. Среднерегиональные значения ожидаемой продолжительности жизни, объема инвестиций в основной капитал, выпуска из аспирантуры, миграционного прироста и абортов более чем на 5 % ниже средних по приграничным регионам. Кроме того, значения по выпуску СПО и коэффициенту рождаемости отстают от общероссийского уровня более чем на 5 %. Это указывает на совокупное отставание как по социально-демографическим, так и по экономико-образовательным параметрам.

Четвертый кластер выделяется единственным показателем, по которому наблюдается устойчивое положительное отклонение:

среднерегиональное значение миграционного прироста превышает общероссийское более чем на 5 %. Это может свидетельствовать о привлекательности регионов данного кластера для внутренней миграции, несмотря на отсутствие значимых превышений по другим ключевым индикаторам.

Пятый кластер отличается низкими значениями большинства социально-экономических показателей. В среднем по кластеру наблюдаются снижения более чем на 5 % по сравнению со средним по приграничным регионам по следующим позициям: ожидаемая продолжительность жизни, ВРП, инвестиции в основной капитал, выпуск ВО, выпуск аспирантуры, миграционный прирост и число абортов. Вместе с тем, выпуск СОО и СПО в среднем превышает индивидуальные значения по регионам, входящим в кластер, более чем на 5 %, что может указывать на сохранение устойчивой системы общего и среднего профессионального образования при общем социально-экономическом неблагополучии.

Шестой кластер характеризуется отставанием по ряду экономико-образовательных показателей: среднерегиональные значения ВРП, объема инвестиций в основной капитал, выпуска ВО и аспирантуры ниже средних по приграничным регионам более чем на 5 %. Вместе с тем, по ожидаемой продолжительности жизни и количеству абортов средние значения превышают общероссийские более чем на 5 %. Коэффициент рождаемости в среднем по кластеру также превышает индивидуальные значения по регионам более чем на 5 %, что указывает на относительно благоприятную демографическую ситуацию, несмотря на экономические трудности.

3.2 Кластеры приграничных регионов: структура и особенности государственной политики[1]

Анализ кластеров сформированных в 2015, 2019 и 2022 гг. позволяет сделать вывод, что проведенная многомерная классификация обладает свойством устойчивости: состав кластеров от периода к периоду менялся незначительно, и порою регионы, «выпавшие» из кластера в 2019 г., возвращались в него в 2022. Введем два понятия для описания состава выделенных кластеров: ядро кластера — это регионы, во все периоды наблюдений входившие в состав одного кластера, и регионы кластера — регионы, входившие в кластер в двух из трех наблюдений.

[1] Параграф подготовлен канд. экон. наук Д. А. Плетнёвым, А. О. Ужеговым.

Таким образом, по результатам кластерного анализа можно выделить ядра кластеров, вокруг которых формируются устойчивые группы регионов со схожими характеристиками человеческого потенциала.

1. Ядро первого кластера составляют регионы с наибольшей устойчивостью в своих характеристиках: Белгородская область, Ленинградская область и Хабаровский край. К ним примыкают регионы, демонстрирующие схожие параметры, но с меньшей степенью устойчивости: Астраханская область, Приморский край и Оренбургская область.

2. Ядро третьего кластера формируют Смоленская область, Ростовская область и Еврейская автономная область, которые являются наиболее репрезентативными представителями группы по совокупности демографических и социально-экономических показателей. Дополнительно в состав данного кластера включаются Волгоградская область, Омская область и Забайкальский край.

3. Ядро четвертого кластера составляют Самарская область, Челябинская область и Новосибирская область, демонстрирующие наиболее устойчивую кластерную принадлежность. В расширенный состав этого кластера также входят Воронежская область и Республика Карелия.

4. Ядро пятого кластера образуют Брянская область, Псковская область, Республика Калмыкия, Курганская область, Республика Алтай, Алтайский край и Республика Бурятия. Вместе с тем, в состав пятого кластера включаются также Республика Дагестан, Саратовская область и Республика Северная Осетия — Алания.

5. Ядро шестого кластера формируют Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика и Чеченская Республика — регионы Северного Кавказа, наиболее отчетливо демонстрирующие специфические особенности человеческого потенциала данного кластера. Кроме них, в состав кластера включены Республика Крым и Республика Тыва.

Ядро кластера можно рассматривать как совокупность регионов, наблюдение за которыми может дать исчерпывающую информацию об особенностях человеческого потенциала в нем. Для решения этой задачи удобно применить подход, ранее представленный в таблице 3.4, с выделением существенных отклонений по кластеру как от среднероссийских, так и от средних по приграничным регионам. Целесообразно провести такой анализ для 2015 г. (табл. 3.5 и 3.6), а также 2022 г. (табл. 3.7 и 3.8).

Среднерегиональные значения показателей человеческого потенциала по ядрам выделенных устойчивых кластеров (2015 г.) представлены в таблице 3.5.

Оценка существенности отличий среднерегиональных значений по кластерам от среднероссийских и средних по приграничным регионам (2015 г.) представлена в таблице 3.6.

Таблица 3.5

Среднерегиональные значения показателей человеческого потенциала по ядрам выделенных устойчивых кластеров, 2015 г.

Группа регионов / кластер	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
РФ	71,39	447,395	94,922	41,4	30,3	88,5	7,5	0,561	28,000	24,000	13,3
ПР	70,75	289,182	69,302	44,8	31,5	75,4	4,9	0,551	–14,256	25,821	14,0
1 к	70,85	454,015	102,488	36,5	25,9	72,9	5,0	0,543	39,667	23,333	11,6
3 к	68,89	272,970	67,352	39,2	27,3	81,7	3,8	0,540	–52,000	28,000	12,2
4 к	70,84	363,189	78,828	38,5	32,6	84,4	6,6	0,564	55,000	26,000	13,4
5 к	69,72	206,633	44,445	48,2	34,6	66,4	4,8	0,533	–55,571	31,857	14,0
6 к	75,64	125,266	39,897	47,4	25,0	58,0	3,4	0,537	–3,500	10,750	17,1

Источник: составлено авторами.

Таблица 3.6

Оценка существенности отличий среднерегиональных значений по кластерам от среднероссийских и средних по приграничным регионам, 2015 г.

Кластер	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
1 к	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ–	РФ–	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ+	РФ– ПР	РФ–
3 к	ПР–	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ–	РФ–	РФ– ПР	ПР–	РФ– ПР	ПР–	ПР–	РФ–
4 к	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ–	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ+	РФ– ПР	РФ– ПР
5 к	ПР–	ПР–	ПР–	ПР+	ПР+	ПР–	РФ– ПР	РФ– ПР	ПР–	ПР–	РФ– ПР
6 к	РФ+	ПР–	ПР–	ПР+	РФ–	ПР–	ПР–	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ+	ПР+

Источник: составлено авторами.

Среднерегиональные значения показателей человеческого потенциала по ядрам выделенных устойчивых кластеров (2022 г.) представлены в таблице 3.7.

Оценка существенности отличий среднерегиональных значений по кластерам от среднероссийских и средних по приграничным регионам (2022 г.) представлена в таблице 3.8.

Таблица 3.7

Среднерегиональные значения показателей человеческого потенциала по ядрам выделенных устойчивых кластеров, 2022 г.

Группа регионов / кластер	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
РФ	72,73	958 811	189 929	43,1	41,7	55,6	7,5	0,556	4,000	15,000	8,9
ПР	71,86	595 047	136 331	44,1	45,2	44,2	4,1	0,540	–18,657	15,500	9,6
1 к	72,11	837 055	201 060	35,8	35,7	40,8	4,8	0,549	20,333	13,667	7,6
3 к	70,02	549 686	106 870	43,8	38,9	45,6	3,3	0,528	–46,667	16,667	7,8
4 к	72,36	715 116	124 209	43,0	45,4	47,8	6,1	0,557	21,010	15,600	8,7
5 к	70,19	447 657	84 534	48,8	47,9	37,5	3,2	0,511	–36,857	19,286	9,2
6 к	75,95	230 324	64 862	41,2	43,3	37,6	2,7	0,550	–14,250	7,500	14,2

Источник: составлено авторами.

Таблица 3.8

Оценка существенности отличий среднерегиональных значений по кластерам от среднероссийских и средних по приграничным регионам, 2022 г.

Кластер	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
1 к	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ–	РФ–	ПР–	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ+	РФ+	РФ–
3 к	ПР–	РФ– ПР	ПР–	РФ– ПР	РФ–	РФ– ПР	ПР–	РФ– ПР	ПР–	ПР–	РФ–
4 к	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ+	РФ– ПР	РФ– ПР
5 к	ПР–	ПР–	ПР–	ПР+	ПР+	ПР–	ПР–	РФ– ПР	ПР–	ПР–	РФ– ПР
6 к	РФ+	ПР–	ПР–	РФ– ПР	РФ– ПР	ПР–	ПР–	РФ– ПР	РФ– ПР	РФ+	ПР+

Источник: составлено авторами.

Обобщая результаты анализа, представленные в таблицах 3.6 и 3.8, выявим устойчивые закономерности, отразив особенности каждого кластера, проявившиеся как в 2015, так и в 2022 гг. (табл. 3.9).

Таким образом, на основании проведенного кластерного анализа представляется возможным сформулировать качественные характеристики каждого из выделенных кластеров приграничных регионов России в контексте оценки их человеческого потенциала (рис. 3.6–3.10).

Большинство регионов первого кластера (рис. 3.6) характеризуется более высокими показателями, характеризующими экономические условия развития человеческого потенциала и более низкими, чем в среднем по РФ (и тем более — по приграничным регионам), удельным выпуском школ, а также рождаемостью, и при этом обладает более высоким, чем в среднем по РФ (и тем более — по приграничным регионам) миграционной убылью (за исключением Ленинградской области). Этот кластер можно условно обозначить как «зажиточные доноры ЧП» (табл. 3.10).

Для регионов, входящих в первый кластер, приоритетным направлением должно стать развитие инфраструктуры для жизни на имеющейся хорошей материальной основе, а также реализация региональных программ, направленных на рост рождаемости и сохранение в области выпускников школ, техникумов и вузов.

Таблица 3.9

Ключевые отличия кластеров приграничных регионов по величине человеческого потенциала

Кластер	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
1 к											
3 к											
4 к											
5 к											
6 к											

Примечание: темно-серым цветом выделены существенно лучшие значения в кластере, светло-серым — существенно худшие.

Источник: составлено авторами.

Рис. 3.6. *Первый кластер — «зажиточные доноры ЧП» (источник: составлено авторами)*

Таблица 3.10

Человеческий потенциал кластера «зажиточные доноры человеческого потенциала» (2022 г.)

Регионы	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
Белгородская область	73,0	859545,1	126882,0	36,7	44,6	57,0	10,2	0,54	–73,0	8,0	7,1
Ленинградская область	73,3	822793,9	270827,0	26,3	15,9	4,0	0,5	0,53	157,0	10,0	6,0
Хабаровский край	70,0	828825,8	205471,0	44,2	46,6	61,3	3,5	0,58	–23,0	23,0	9,6
Астраханская область	71,8	801999,8	90252,0	38,8	52,4	57,6	5,7	0,55	–50,0	12,0	10,1
Оренбургская область	71,2	850040,2	126953,0	36,2	53,0	42,7	2,0	0,52	–27,0	24,0	8,7

Окончание табл. 3.10 на след. стр.

Окончание табл. 3.10

Регионы	Показатели										
	ОПЖ	**ВРП**	**ИОК**	**Выпуск СОО**	**Выпуск СПО**	**Выпуск ВО**	**Выпуск аспир.**	**Доля ТСН**	**Мигр. прирост**	**Аборты**	**К.рожд.**
Приморский край	69,7	840706,9	179059,0	49,2	45,9	44,2	4,3	0,57	–57,0	16,0	8,8
РФ	72,7	958811,4	189929,0	43,1	41,7	55,6	7,5	0,56	4,0	15,0	8,9
ПР	71,9	595047,2	136330,5	44,1	45,2	44,2	4,1	0,50	–18,7	15,5	9,6

Примечание: полужирным шрифтом выделены регионы, относящиеся к ядру кластера.

Источник: составлено авторами.

Третий кластер (рис. 3.7) отличается низкими по сравнению со среднероссийскими значениями показателей ВРП, инвестиций в основной капитал, числа выпускников аспирантуры и уровня миграционного прироста. Комплекс таких негативных характеристик указывает на наличие устойчивых факторов отставания в развитии человеческого потенциала. Условно данный кластер может быть охарактеризован как «отстающие» (табл. 3.11).

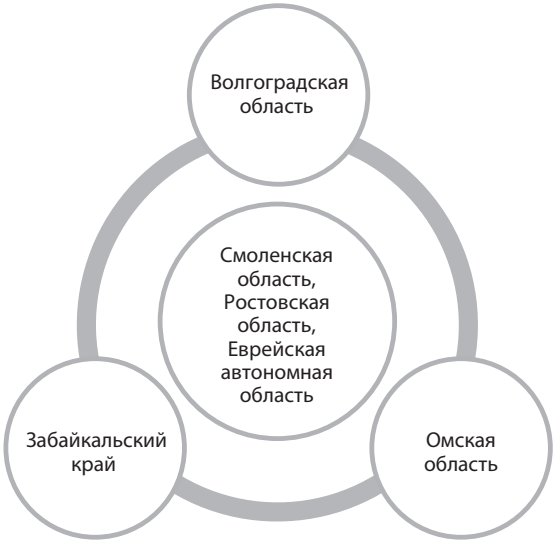

Рис. 3.7. *Третий кластер — «отстающие» (источник: составлено авторами)*

Таблица 3.11

Человеческий потенциал кластера «отстающие» (2022 г.)

Регионы	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
Смоленская область	70,4	549222,4	73758,0	42,0	42,0	46,6	2,1	0,51	–52,0	16,0	6,2
Ростовская область	72,0	556629,3	111406,0	35,4	47,9	63,2	6,6	0,55	–1,0	10,0	7,8
Еврейская автономная область	67,7	543204,8	135446,0	53,9	26,9	26,9	1,3	0,52	–87,0	24,0	9,5
Волгоградская область	73,2	491186,6	87238,0	37,1	45,5	45,1	3,8	0,54	–25,0	14,0	7,1
Омская область	71,5	514203,2	103898,0	44,0	53,8	67,3	5,9	0,51	–53,0	13,0	8,7
Забайкальский край	67,8	549172,0	182749,1	50,2	44,2	33,1	1,7	0,57	–55,0	23,0	11,2
РФ	72,7	958811,4	189929,0	43,1	41,7	55,6	7,5	0,56	4,0	15,0	8,9
ПР	71,9	595047,2	136330,5	44,1	45,2	44,2	4,1	0,50	–18,7	15,5	9,6

Примечание: полужирным шрифтом выделены регионы, относящиеся к ядру кластера.

Источник: составлено авторами.

Для регионов, входящих в третий кластер, приоритетным направлением должно стать экономическое развитие, а также реализация региональных программ, направленных на рост числа выпускников аспирантуры.

Четвертый кластер (рис. 3.8) объединяет преимущественно индустриально развитые регионы с относительно высоким уровнем социально-экономического развития. При этом данный кластер не имеет ярко выраженных устойчивых отличий. Значения инвестиций в основной капитал относительно высоки, особенно в Карелии и Воронежской области. Положительной стороной является и высокий выпуск специалистов с высшим образованием, особенно в Новосибирской области. Высокий миграционный прирост отмечается в Новосибирской области и Республике Карелия. Однако имеются и слабые стороны. В большинстве регионов кластера

Рис. 3.8. *Четвертый кластер — «устойчивые точки притяжения» (источник: составлено авторами)*

ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) ниже средней по РФ, особенно в Карелии и Новосибирской области. Отмечается низкий коэффициент рождаемости, особенно в Воронежской области. Это свидетельствует о демографических рисках и социальной нестабильности. В связи с этим данный кластер может быть обозначен как «устойчивые точки притяжения» (табл. 3.12).

Рекомендуется усилить меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости, улучшение репродуктивного здоровья и повышение качества медицинских услуг. Также необходима разработка миграционных программ по привлечению и удержанию квалифицированных кадров.

Пятый кластер (рис. 3.9) характеризуется значительным отставанием от среднероссийских значений по большинству ключевых индикаторов человеческого потенциала, включая ожидаемую продолжительность жизни, валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал, миграционный прирост. Вместе с тем, для данного кластера характерны превышающие среднероссийские значения по выпуску СОО и СПО (за исключением Псковской области). Условно данный кластер может быть охарактеризован как «бедные, но молодеющие» (табл. 3.13).

Таблица 3.12

Человеческий потенциал кластера «устойчивые точки притяжения» (2022 г.)

Регионы	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
Самарская область	72,1	754217,9	141650,0	40,3	47,2	59,6	8,5	0,55	–6,00	13,0	7,9
Челябинская область	72,2	673544,8	109287,0	39,0	46,6	46,9	3,7	0,55	0,05	18,0	9,1
Новосибирская область	71,5	693656,0	115323,0	50,4	44,4	60,4	10,0	0,56	30,00	22,0	9,6
Республика Карелия	69,0	738326,4	180278,0	60,4	49,0	35,8	2,9	0,50	15,00	16,0	8,2
Воронежская область	72,5	600596,0	150021,0	41,8	37,9	77,2	6,9	0,54	3,00	9,0	7,5
РФ	72,7	958811,4	189929,0	43,1	41,7	55,6	7,5	0,56	4,00	15,0	8,9
ПР	71,9	595047,2	136330,5	44,1	45,2	44,2	4,1	0,50	–18,70	15,5	9,6

Примечание: полужирным шрифтом выделены регионы, относящиеся к ядру кластера.

Источник: составлено авторами.

Для повышения уровня человеческого потенциала в данном кластере необходимо сосредоточиться на развитии высшего образования, модернизации региональной экономики и стимулировании занятости. Особое внимание следует уделить созданию условий для закрепления молодежи и предотвращения миграционного оттока.

Шестой кластер (рис. 3.10) демонстрирует существенно более низкие по сравнению со среднероссийскими значениями показатели валового регионального продукта, объема инвестиций в основной капитал, выпуска специалистов с высшим образованием, а также выпуска аспирантов. В то же время, он характеризуется опережающими среднероссийскими значениями по ожидаемой продолжительности жизни (регионы, составляющие ядро кластера) и коэффициенту рождаемости (за исключением Республики Крым). Такой профиль отражает противоречивую ситуацию: с одной стороны, низкий уровень экономического и образовательного развития, с другой — относительная стабильность демографических процессов.

Рис. 3.9. *Пятый кластер — «бедные, но молодеющие» (источник: составлено авторами)*

Рис. 3.10. *Шестой кластер — «бедные, но любящие жизнь» (источник: составлено авторами)*

Таблица 3.13

Человеческий потенциал кластера «бедные, но молодеющие» (2022 г.)

Регионы	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
Брянская область	71,2	474159,6	75434,0	44,9	43,2	38,8	3,9	0,49	–20,0	17,0	7,1
Псковская область	69,0	435172,2	66843,0	43,9	38,8	32,1	2,8	0,52	–44,0	23,0	7,3
Республика Калмыкия	73,5	448137,3	53692,0	56,5	60,3	56,5	3,7	0,50	–60,0	7,0	9,1
Курганская область	69,9	442701,5	71277,0	39,1	43,0	36,5	2,3	0,47	–58,0	29,0	8,2
Республика Алтай	68,5	434627,5	147730,0	56,9	61,7	23,7	1,0	0,53	–17,0	24,0	13,1
Алтайский край	70,0	440933,3	68068,0	47,1	42,0	39,2	3,5	0,52	–36,0	16,0	8,2
Республика Бурятия	69,4	457864,5	108696,0	53,3	46,1	35,9	5,6	0,54	–23,0	19,0	11,2
Республика Дагестан	78,2	285551,7	98239,0	32,8	44,7	31,9	2,1	0,56	–11,0	6,0	13,3
Республика Северная Осетия-Алания	74,7	316184,7	63417,0	42,5	48,3	58,6	7,0	0,56	–65,0	11,0	11,0
Саратовская область	72,9	493792,4	85911,0	38,9	44,3	59,6	4,7	0,53	–33,0	15,0	6,8
РФ	72,7	958811,4	189929,0	43,1	41,7	55,6	7,5	0,56	4,0	15,0	8,9
ПР	71,9	595047,2	136330,5	44,1	45,2	44,2	4,1	0,50	–18,7	15,5	9,6

Примечание: полужирным шрифтом выделены регионы, относящиеся к ядру кластера.

Источник: составлено авторами.

Условно данный кластер может быть определен как «бедные, но любящие жизнь» (табл. 3.14).

Для субъектов данного кластера необходима реализация комплексной стратегии развития человеческого капитала, включающей инвестиции в образовательную систему, меры по снижению социального неравенства и улучшение условий жизни. Особое

Таблица 3.14

Человеческий потенциал кластера «бедные, но любящие жизнь» (2022 г.)

Регионы	Показатели										
	ОПЖ	ВРП	ИОК	Выпуск СОО	Выпуск СПО	Выпуск ВО	Выпуск аспир.	Доля ТСН	Мигр. прирост	Аборты	К.рожд.
Республика Ингушетия	78,3	159603,5	44488,0	34,9	48,5	33,0	0,9	0,59	31,0	6,0	15,3
Кабардино-Балкарская Республика	75,5	286415,1	63980,0	46,5	33,2	31,0	4,2	0,56	−36,0	6,0	11,1
Карачаево-Черкесская Республика	75,3	268526,2	72554,0	34,1	44,8	46,9	4,2	0,55	−14,0	8,0	9,4
Чеченская Республика	74,6	206751,3	78427,0	49,2	46,6	39,4	1,6	0,51	−38,0	10,0	20,8
Республика Крым	72,0	340924,6	111277,0	39,5	34,3	39,5	2,6	0,54	−12,0	12,0	8,6
Республика Тыва	67,1	320059,3	51414,0	59,4	47,5	29,7	1,4	0,53	−61,0	32,0	17,7
РФ	72,7	958811,4	189929,0	43,1	41,7	55,6	7,5	0,56	4,0	15,0	8,9
ПР	71,9	595047,2	136330,5	44,1	45,2	44,2	4,1	0,50	−18,7	15,5	9,6

Примечание: полужирным шрифтом выделены регионы, относящиеся к ядру кластера.

Источник: составлено авторами.

внимание следует уделить созданию образовательных кластеров, доступных для молодежи, и развитию системы поддержки науки и технологий. Также важно расширять социальную и транспортную инфраструктуру, чтобы повысить мобильность и вовлеченность населения в экономическую активность.

Таким образом, нами выявлены устойчивые группы приграничных регионов России, характеризующиеся сходным человеческим потенциалом, при этом между кластерами различия в человеческом потенциала существенны. Это означает, что государственная политика, направленная на развитие приграничных регионов, должна учитывать выявленные особенности и адаптироваться в зависимости от сильных и слабых сторон человеческого потенциала в каждом кластере.

В результате проведенного кластерного анализа удалось идентифицировать устойчивые группы приграничных регионов Российской Федерации, объединенные на основе схожих характеристик человеческого потенциала. При этом между сформированными кластерами зафиксированы значительные различия по уровню и структуре данного потенциала, что свидетельствует о его пространственной неоднородности в пределах приграничного пояса страны.

Установленная дифференциация человеческого потенциала между кластерами имеет важное прикладное значение для разработки и реализации государственной региональной политики. В частности, это обусловливает необходимость перехода от унифицированного подхода к более дифференцированной и адаптивной модели управления развитием приграничных территорий. Такая модель должна учитывать как внутренние резервы роста, так и уязвимости каждого из кластеров, выражающиеся в наличии или дефиците отдельных компонентов человеческого потенциала.

Следовательно, при проектировании и реализации мер государственной поддержки социально-экономического развития приграничных регионов целесообразно исходить из кластерных особенностей, выявленных в ходе анализа. Это позволит повысить адресность и эффективность управленческого воздействия, а также создать условия для более сбалансированного и устойчивого развития регионов с учетом их человеческого капитала как ключевого фактора конкурентоспособности и интеграционного потенциала на внешнем контуре границы.

В предыдущей главе были представлены результаты анализа макрорегионов, образованных приграничными регионами по принципу соседства с той или иной страной. Результаты анализа указывают на существенные различия как между макрорегионами, так и внутри них. Предложенный в этой главе подход к классификации регионов показывает возможность иного взгляда на структуру такого явления, как приграничный регион, и поэтому интерес представляет сопоставление результатов обоих подходов, выявление степени их сходства. В таблице 3.15 показаны результаты сопоставления двух классификаций приграничных регионов, по строкам указаны макрорегионы, по столбцам — кластеры. Во внутренних ячейках таблицы указаны регионы, входящие в соответствующие макрорегионы и кластеры.

Анализ пространственного распределения человеческого потенциала в приграничных регионах Российской Федерации выявил важную закономерность: наличие существенных расхождений

Таблица 3.15

Соотношение между приграничными макрорегионами и кластерами, сформированными по подобию показателей человеческого потенциала

Макрорегионы	Кластеры					
	1	2	3	4	5	6
Прибалтийский макрорегион	Ленинградская область	Мурманская область	—	Республика Карелия Калининградская область	Псковская область	—
Центральный макрорегион	Белгородская область	—	Курская область Смоленская область Ростовская область	Воронежская область	Брянская область	Республика Крым
Южный макрорегион	—	—	—	Краснодарский край	Республика Дагестан Республика Северная Осетия-Алания	Республика Ингушетия Кабардино-Балкарская Республика Карачаево-Черкесская Республика Чеченская Республика
Российско-Казахстанский макрорегион	—	Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	Волгоградская область Саратовская область Омская область	Астраханская область Оренбургская область Самарская область Челябинская область Новосибирская область	Республика Калмыкия Курганская область Республика Алтай Алтайский край	—

Окончание табл. 3.15 на след. стр.

Окончание табл. 3.15

Макрорегионы	Кластеры					
	1	2	3	4	5	6
Российско-Китайский макрорегион	Хабаровский край	—	Еврейская автономная область	Приморский край Амурская область	Забайкальский край	—
Российско-Монгольский макрорегион	—	—	—	—	Республика Бурятия	Республика Тыва

Источник: составлено авторами.

между географической близостью территорий и их схожестью по характеристикам человеческого потенциала. В частности, установлено, что регионы, демонстрирующие близкие значения показателей человеческого потенциала, нередко расположены на значительном удалении друг от друга. Эти регионы могут входить в различные федеральные округа, находиться в различных климатических зонах и обладать различной социально-экономической историей, однако схожи по качественным и количественным характеристикам человеческого капитала.

В то же время, географически смежные, непосредственно сопредельные между собой приграничные субъекты Федерации могут демонстрировать высокую степень различий по совокупности показателей человеческого потенциала. Такая несогласованность пространственной и содержательной (качественной) близости указывает на то, что человеческий потенциал формируется под влиянием множества разнонаправленных факторов, не сводящихся исключительно к территориальной близости. Среди таких факторов можно выделить специфику экономической специализации региона, институциональные условия, эффективность региональной политики в сфере здравоохранения, образования, социальной защиты, демографическую динамику, миграционные потоки, а также уровень развития инфраструктуры и степень вовлеченности региона в трансграничное сотрудничество.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что при анализе и сравнительной оценке человеческого потенциала приграничных регионов недостаточно опираться исключительно на их географическое положение. Необходимо учитывать более широкий круг социально-экономических и институциональных

факторов, определяющих развитие человеческого капитала. Это имеет важное значение для формирования регионально-дифференцированной государственной политики, направленной на повышение уровня и качества человеческого потенциала, особенно в условиях необходимости устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности в приграничных территориях.

Графическое изображение кластеров на территории Российской Федерации представлено на рисунке 3.11.

На основе проведенного исследования авторами сформулированы рекомендации по направлениям совершенствования государственной политики в направлении человеческого потенциала.

1. Необходимо отходить от унифицированных мер поддержки приграничных регионов. Каждый кластер требует собственных инструментов развития. Например, для кластеров, в которых находятся экономически устойчивые, но демографически убывающие регионы, акцент следует делать на улучшении качества жизни, семейной политике, удержании молодежи. Для пятого и шестого кластеров необходимы меры по стимулированию экономического роста, расширению доступа к образованию, социальной инфраструктуре.

2. Рекомендуется разработка и внедрение федеральных и межрегиональных программ по развитию человеческого потенциала, включая поддержку мобильности студентов и молодых специалистов, создание инфраструктуры для профессиональной самореализации внутри регионов.

Рис. 3.11. *Графическое изображение кластеров на территории Российской Федерации (карта) (источник: составлено авторами)*

3. Следует развивать локальные управленческие и научно-образовательные центры, ориентированные на подготовку и закрепление специалистов в конкретных территориях. Для регионов с оттоком населения необходимо создать устойчивые точки роста, такие как университетские городки, инновационные площадки, региональные научно-образовательные центры.

4. Результаты кластерного анализа должны быть использованы при создании нацпроектов, стратегий пространственного развития, федеральных программ по поддержке отдельных регионов. Особенно это касается комплексного плана развития приграничных территорий, который должен учитывать кластерные особенности человеческого потенциала.

5. В регионах с высоким демографическим потенциалом, но слабыми экономическими условиями первостепенное значение имеет развитие базовой инфраструктуры: здравоохранения, образования, транспортной доступности, цифровых сервисов.

Таким образом, проведенное исследование человеческого потенциала приграничных регионов Российской Федерации на основе данных 2015, 2019 и 2022 гг. позволило выявить устойчивую неоднородность в уровне и структуре человеческого капитала, определить типологию регионов и выделить региональные ядра кластеров. Это позволило перейти от представления о приграничных территориях как об однородной зоне периферийного положения к более глубокой и реалистичной картине, в которой пространственные, социально-экономические и демографические характеристики человеческого потенциала существенно варьируются и нередко не совпадают с географической близостью субъектов.

Данное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Анализ за три периода показал, что большинство приграничных регионов сохраняют свою кластерную принадлежность, что свидетельствует о наличии устойчивых траекторий развития человеческого потенциала. Несмотря на некоторую ротацию, ядра кластеров сохраняют свою структуру, а «перемещающиеся» регионы чаще всего находятся в промежуточном состоянии между кластерами.

2. Кластеры человеческого потенциала не совпадают с макрорегионами, сформированными по принципу географического соседства с зарубежными странами. Так, регионы, находящиеся на значительном удалении друг от друга, могут иметь схожий профиль человеческого капитала, в то время как соседние субъекты нередко оказываются противоположными по всем ключевым показателям.

3. Выявлены два противоположных типа регионов. Первый — экономически развитые, но демографически убывающие регионы. Второй — регионы с низким уровнем экономического и образовательного развития, но с высокой рождаемостью и устойчивыми демографическими характеристиками. Эти две группы требуют диаметрально противоположных управленческих стратегий.

4. Регионы пятого и шестого кластеров характеризуются не только низкими показателями ВРП и инвестиций, но и системным отставанием по образовательным и миграционным характеристикам. Это формирует устойчивую ловушку бедности и социальной изоляции.

5. Коэффициент миграционного прироста продемонстрировал высокую чувствительность к социально-экономическим условиям. Позитивные значения наблюдаются лишь в отдельных регионах с развитой экономикой или выраженной этнокультурной идентичностью. Миграция стала важным индикатором привлекательности территории и может служить косвенным индикатором эффективности региональной политики.

3.3 Качество жизни как ключевой фактор развития и сбережения человеческого потенциала приграничных регионов[1]

Развитие человеческого потенциала в российских регионах зависит от множества факторов, и определение силы и направления влияния каждого — практически нерешаемая задача в связи с их взаимообусловленностью и недостаточной точностью измерения большинства из них. По этой причине актуальной становится задача выделения и анализа ключевых факторов, влияющих на развитие человеческого потенциала приграничных регионов. Объединяющим множество аспектов качества среды для жизни и ее экономических условий индикатором можно считать ежегодно рассчитываемый рейтинг качества жизни от РИА Рейтинг[2]. Он отражает различные аспекты условий жизни людей, а они, несомненно, должны влиять на качество человеческого потенциала, его возможность к воспроизводству. Вместе с тем выделенные ранее в главе кластеры приграничных регионов, обладающие устойчивостью и определенными содержательными характеристиками, могут характеризоваться различными силой и направлением взаимосвязи качества жизни и ключевых характеристик человеческого

[1] Параграф подготовлен канд. экон. наук Д. А. Плетнёвым, А. О. Ужеговым.

[2] Рейтинг регионов по качеству жизни — 2024. РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/infografika/20250217/630276667.html (дата обращения: 30.10.2025).

потенциала. Такова гипотеза небольшого исследования, предпринятого в настоящем параграфе.

Для оценки человеческого потенциала будет использовано два индикатора — коэффициент рождаемости и миграционный прирост. Исследование существенности различий между кластерами осуществим в три этапа:

1. Оценка при помощи дисперсионного анализа (ANOVA) существенности различий в качестве жизни между кластерами для каждого периода (2015, 2019, 2022 гг.), определение отличных от других кластеров.

2. Оценка силы и направления связи между качеством жизни (измеренным рейтингом качества жизни от РИА Рейтинг) и человеческим потенциалом для каждого периода как по всей совокупности приграничных регионов, так и для отдельных кластеров. Для этого использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

3. Выделение кластеров, для которых такая связь имеет отличный и более устойчивый характер, чем для всей совокупности, и формулировка выводов.

Для каждого из трех рассмотренных периодов тестирование по ANOVA показало существенность различий в качестве жизни между кластерами регионов (табл. 3.16).

Таблица 3.16

Результаты дисперсионного анализа выборки приграничных регионов (тестировалась существенность различий в качестве жизни по выделенным кластерам)

Период	F-статистика	Уровень значимости	Пары кластеров, между которыми значимость различий установлена на уровне 5 %	Пары кластеров, различий между которыми не обнаружено с вероятностью 50 % и выше
2015	5,104	0,003	К1 и К5 К1 и К6 К4 и К5 К4 и К6	К1и К4 К3 и К5 К3 и К6 К5 и К6
2019	7,602	0,000	К1 и К5 К1 и К6 К4 и К5 К4 и К6	К1и К4 К3 и К5
2022	6,633	0,001	К1 и К5 К1 и К6 К4 и К5 К4 и К6	К1и К4 К3 и К5 К5 и К6

Источник: составлено авторами.

Статистически значимые различия наблюдаются между, с одной стороны, первым и четвертым кластерами, включающими регионы со стабильно более высоким качеством жизни, и, с другой стороны, пятым и шестым кластером, в которые входят регионы со стабильно более низким качеством жизни. Третий кластер представлен регионами с существенно различным качеством жизни.

Авторами был проведен дисперсионный анализ (ANOVA) существенности различий в качестве жизни между кластерами для каждого периода (2015, 2019, 2022 гг.).

В таблице 3.17 представлен дисперсионный анализ за 2015 г.

По итогам однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) зафиксированы общие различия между группами: $F = 7{,}602$; $p = 0$. Тест Тьюки с поправкой на множественные сравнения позволяет сделать ряд выводов. Статистически значимые различия выявлены для следующих пар: пятый кластер ниже первого кластера ($p = 0{,}045$), шестой кластер ниже первого кластера ($p = 0{,}001$), пятый кластер ниже четвертого кластера ($p = 0{,}036$) и шестой кластер ниже четвертого кластера ($p = 0{,}001$). Таким образом, пятый и шестой кластеры демонстрируют более низкие значения показателя по сравнению с «верхними» группами первого и четвертого кластеров. В то же время, различия между первым и четвертым кластерами статистически не подтверждаются ($p \geq 0{,}05$), т. е. их средние уровни можно считать сопоставимыми. Кроме того, третий кластер не показывает значимых отличий ни с одной

Таблица 3.17

Дисперсионный анализ (ANOVA) существенности различий в качестве жизни между кластерами, 2015 г.

Сравнение кластеров	diff	lwr	upr	p adj
k3-k1	–8,342	–23,210	6,527	0,489
k4-k1	1,294	–14,300	16,889	0,999
k5-k1	–13,516	–26,814	–0,217	0,045
k6-k1	–22,933	–37,802	–8,065	0,001
k4-k3	9,636	–5,958	25,230	0,393
k5-k3	–5,174	–18,473	8,125	0,788
k6-k3	–14,592	–29,460	0,277	0,056
k5-k4	–14,810	–28,915	–0,705	0,036
k6-k4	–24,228	–39,822	–8,633	0,001
k6-k5	–9,418	–22,716	3,881	0,264

Источник: составлено авторами.

из остальных групп ($p \geq 0{,}05$), что, вероятно, связано с повышенной вариабельностью ее наблюдений.

Эти выводы полностью согласуются с визуальным анализом распределений на боксплоте (рис. 3.12). Во-первых, у четвертого и первого кластеров наблюдаются наиболее высокие медианы (при этом у четвертого кластера фиксируется единичный низкий выброс, не меняющий общей картины). Во-вторых, у пятого и шестого кластеров медианы заметно ниже, причем шестой кластер выглядит наименее благоприятно как по уровню, так и по разбросу значений. Наконец, у третьего кластера медиана занимает промежуточное положение, однако ширина «ящика» и «усов» указывает на существенный разброс, из-за чего статистически значимых расхождений по парам с другими группами не выявлено.

Подводя итог, подчеркнем следующее. В 2015 г. «верхний» уровень по качеству жизни формируют первый и четвертый кластеры (между ними нет статистически подтвержденных различий), «нижний уровень» — пятый и шестой кластеры, причем последний демонстрирует наихудшие значения. Третий кластер занимает промежуточную позицию при высокой вариативности.

В таблице 3.18 представлен дисперсионный анализ за 2019 г.

Прежде всего, отметим, что однофакторная ANOVA показала наличие общих различий между группами: $F = 6{,}633$, $p = 0{,}001$. По результатам теста Тьюки выявлены следующие устойчивые различия.

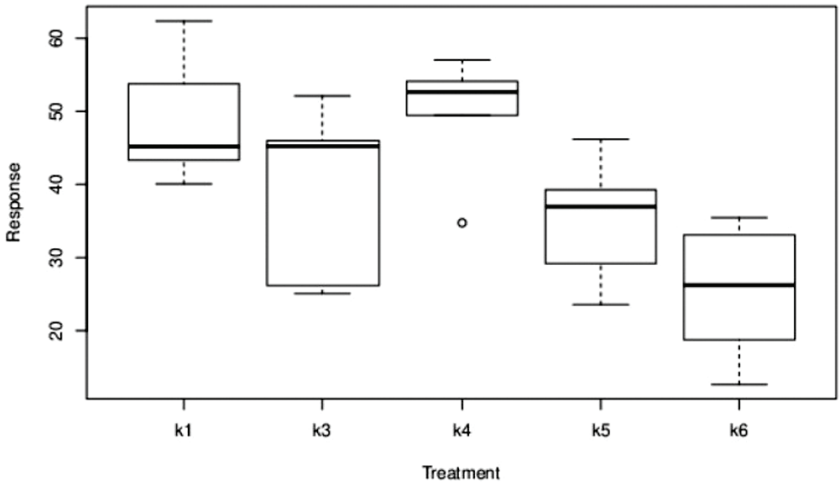

Рис. 3.12. *Боксплот существенности различий в качестве жизни между кластерами, 2015 г. (источник: составлено авторами)*

Таблица 3.18

Дисперсионный анализ (ANOVA) существенности различий в качестве жизни между кластерами, 2019 г.

Сравнение кластеров	diff	lwr	upr	p adj
k3-k1	–10,382	–25,111	4,346	0,268
k4-k1	0,103	–15,344	15,550	1,000
k5-k1	–15,183	–28,356	–2,010	0,018
k6-k1	–20,451	–35,179	–5,723	0,003
k4-k3	10,486	–4,961	25,933	0,302
k5-k3	–4,801	–17,974	8,372	0,824
k6-k3	–10,068	–24,796	4,660	0,296
k5-k4	–15,287	–29,259	–1,314	0,027
k6-k4	–20,554	–36,001	–5,107	0,005
k6-k5	–5,268	–18,441	7,906	0,771

Источник: составлено авторами.

Во-первых, пятый и шестой кластеры демонстрируют более низкие значения по сравнению с первым кластером (p = 0,018 и p = 0,003 соответственно). Во-вторых, эти же кластеры (пятый и шестой) также ниже четвертого кластера (p = 0,027 и p = 0,005). В то же время статистически значимых различий между первым и четвертым кластером не обнаружено (p = 1,000), а также не выявлено значимости во всех сравнениях с третьим кластером (включая пары третий кластер-первый кластер, четвертый кластер-третий кластер, пятый кластер-третий кластер и шестой кластер-третий кластер). Наконец, различия между шестым и пятым кластером также не подтверждены (p = 0,771).

На рисунке 3.13 продемонстрировано, что четвертый и первый кластеры имеют более высокие медианы: у четвертого кластера медиана около 54–55 при компактном разбросе (при этом виден одиночный низкий выброс), а у первого кластера медиана близка к 47–48, но разброс шире, верхние значения доходят примерно до 63–64. Напротив, пятый и шестой кластеры располагаются в нижней части шкалы: медианы около 34–35 для пятого кластера и 30–31 для шестого кластера, причем у шестого кластера наблюдается более широкий разброс и низкие значения опускаются примерно до 17–18. Что касается третьего кластера, то его медиана занимает промежуточное положение (около 45), при этом разброс довольно велик, поэтому статистически значимых отличий ни с одной из групп тест Тьюки не выявил.

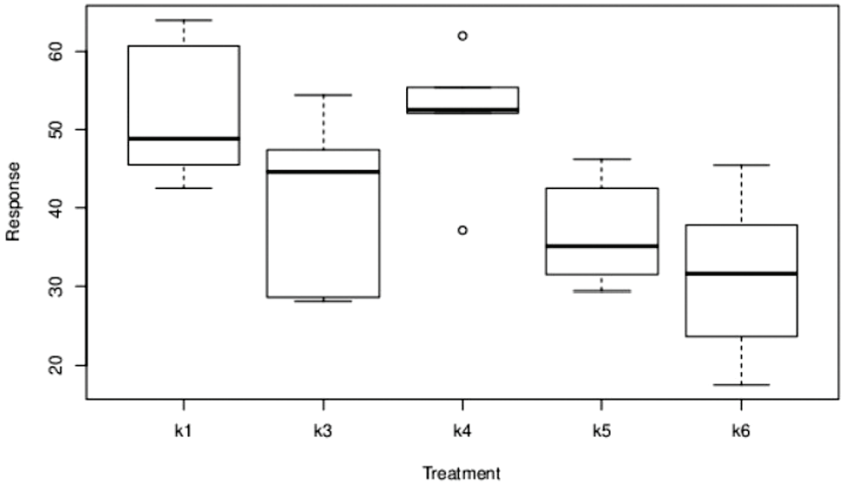

Рис. 3.13. *Боксплот существенности различий в качестве жизни между кластерами, 2019 г. (источник: составлено авторами)*

Подводя итог, отметим, что наивысшие значения показателей демонстрируют четвертый и первый кластеры, между которыми статистически значимых различий не выявлено. Это свидетельствует об устойчивости характеристик данных кластеров и подтверждает схожесть их внутренней структуры по рассматриваемым параметрам. Нижний уровень формируют пятый и шестой кластеры (оба значимо уступают первому и четвертому, при этом шестой кластер выглядит наименее устойчивым и демонстрирует самые низкие значения). Третий кластер занимает среднюю позицию с повышенной вариативностью, из-за чего статистических расхождений с другими группами не зафиксировано.

В таблице 3.19 представлен дисперсионный анализ за 2022 г.

По результатам однофакторного дисперсионного анализа выявлены различия средних значений отклика между группами ($F = 5{,}104$; $p = 0{,}003$). Тест Тьюки показал, что пятый и шестой кластеры имеют статистически значимо более низкие средние по сравнению с первым кластером ($p = 0{,}046$ и $p = 0{,}016$ соответственно) и четвертым кластером ($p = 0{,}048$ и $p = 0{,}017$). Различия между первым и четвертым кластерами, а также между третьим кластером и другими кластерами статистически не подтверждены ($p \geq 0{,}05$).

Подводя итог, отметим, что наиболее высокие значения наблюдаются в четвертом и первом кластерах, тогда как пятый и шестой кластеры формируют нижний уровень. Визуально это подтверждается

Таблица 3.19

Дисперсионный анализ (ANOVA) существенности различий в качестве жизни между кластерами, 2022 г.

Сравнение кластеров	diff	lwr	upr	p adj
k3-k1	–10,576	–25,523	4,371	0,265
k4-k1	0,753	–14,924	16,429	1,000
k5-k1	–13,519	–26,888	–0,150	0,046
k6-k1	–17,482	–32,429	–2,535	0,016
k4-k3	11,328	–4,348	27,005	0,246
k5-k3	–2,943	–16,312	10,426	0,967
k6-k3	–6,906	–21,853	8,041	0,666
k5-k4	–14,272	–28,452	–0,092	0,048
k6-к4	–18,235	–33,911	–2,558	0,017
k6-k5	–3,963	–17,332	9,406	0,908

Источник: составлено авторами.

на боксплоте: медианы четвертого и первого кластеров выше, пятого и шестого кластеров — ниже, а для третьего кластера отмечается повышенная вариабельность (рис. 3.14).

Перейдем ко второму этапу. Этот анализ проведем отдельно для 2015, 2019 и 2022 гг.

В 2015 г. в целом по приграничным регионам качество жизни умеренно и прямо связано с миграционным приростом, что

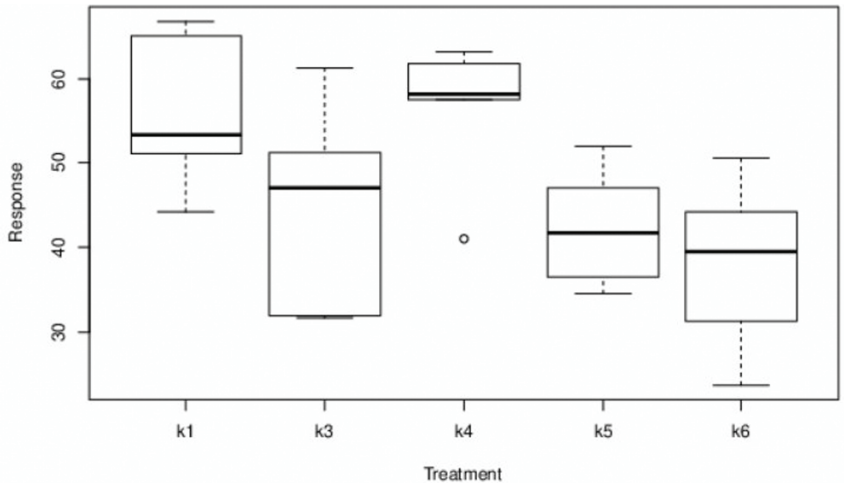

Рис. 3.14. *Боксплот существенности различий в качестве жизни между кластерами, 2022 г. (источник: составлено авторами)*

не удивительно: в регионы, где «лучше жить», стремится приехать больше людей (рис. 3.15). Удивляет скорее то, что эта связь средней силы (r = 0,55), т. е. не всегда более высокое качество жизни определяет миграционный баланс в регионе, и одновременно столь же тесно и обратным образом связано с коэффициентом рождаемости (здесь r = –0,54). Этот феномен отражает общую тенденцию развитых стран, когда улучшение жизни влечет сокращение рождаемости (рис. 3.16). Следует отметить, что коэффициенты ранговой корреляции Спирмена для обеих зависимостей значимы на 1%-ном уровне.

При этом если рассмотреть отдельно характер этой связи в кластерах, то выяснятся следующие особенности.

1. Статистически значимая (на 5%-ном уровне) положительная связь качества жизни и миграционного прироста наблюдается для третьего, четвертого и пятого кластеров, для первого кластера связь значима на 10%-ном уровне.

2. Статистически значимая (на 10%-ном уровне) отрицательная связь качества жизни и рождаемости наблюдается для первого, третьего и пятого кластеров.

В 2019 г. в приграничных регионах наблюдалась умеренная прямая связь между качеством жизни населения и миграционным

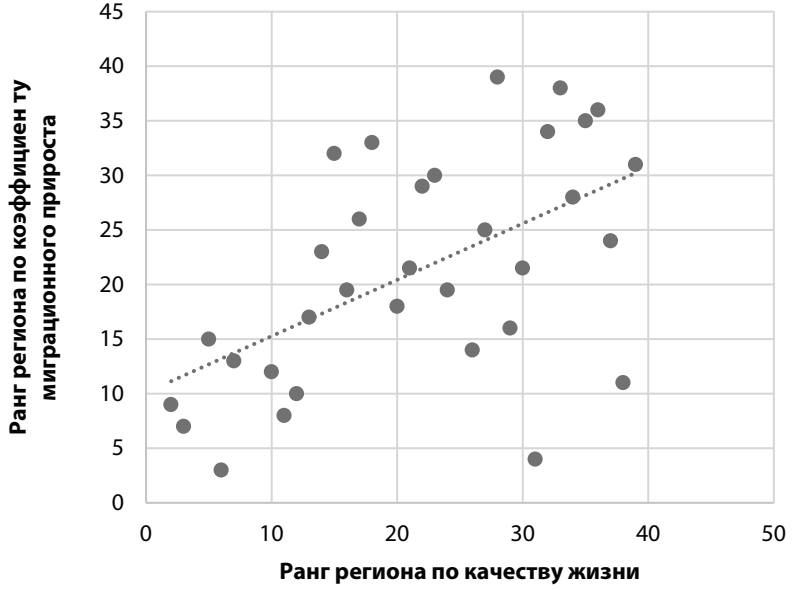

Рис. 3.15. *Корреляционное поле для рангов приграничных регионов по качеству жизни и по миграционному приросту, 2015 г. (источник: составлено авторами)*

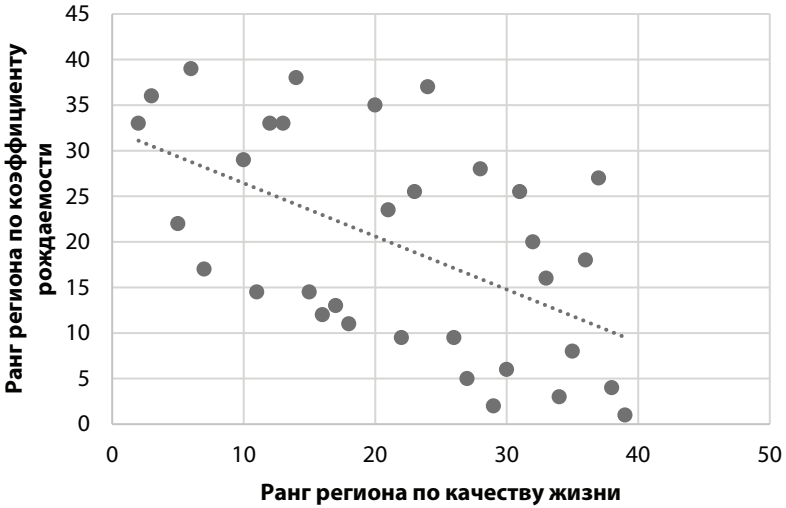

Рис. 3.16. *Корреляционное поле для рангов приграничных регионов по качеству жизни и по коэффициенту рождаемости, 2015 г. (источник: составлено авторами)*

приростом ($r = 0{,}57$), что подтверждает зависимость миграционной привлекательности территорий от уровня их социально-экономического благополучия (рис. 3.17), т. е. регионы с более высоким качеством жизни продолжали притягивать население из других территорий, хотя сила данной зависимости оставалась на среднем уровне. Одновременно установлена умеренно выраженная обратная корреляция между качеством жизни и коэффициентом рождаемости ($r = -0{,}59$), которая представлена на рисунке 3.18.

При этом если рассмотреть отдельно характер этой связи в кластерах, то выяснятся следующие особенности:

1. Статистически значимая (на 5%-ном уровне) положительная связь качества жизни и миграционного прироста наблюдается для первого, третьего и четвертого кластеров, для пятого кластера связь значима на 10%-ном уровне.

2. Статистически значимая (на 5%-ном уровне) отрицательная связь качества жизни и рождаемости наблюдается для третьего кластера, для первого и пятого кластеров связь значима на 10%-ном уровне.

В 2022 г. взаимосвязь между качеством жизни и миграционным приростом несколько ослабла ($r = 0{,}37$), что может свидетельствовать о снижении чувствительности миграционных потоков к различиям в уровне жизни между регионами (рис. 3.19).

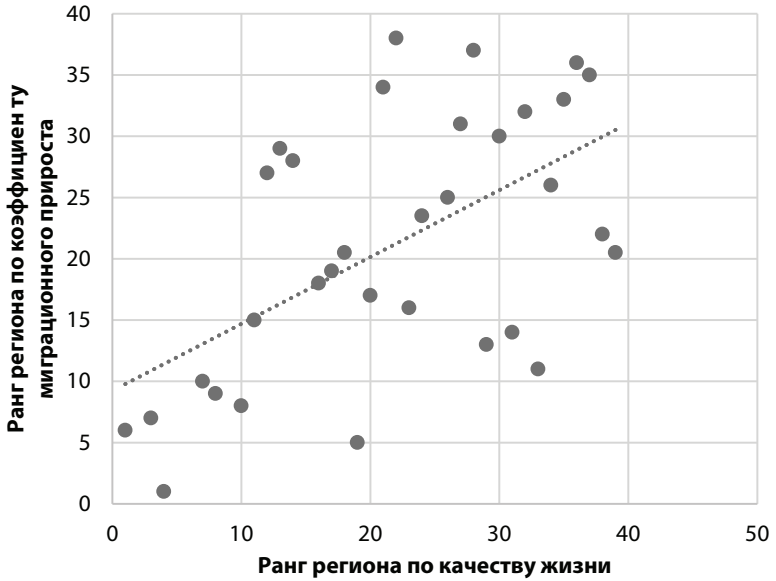

Рис. 3.17. *Корреляционное поле для рангов приграничных регионов по качеству жизни и по миграционному приросту, 2019 г. (источник: составлено авторами)*

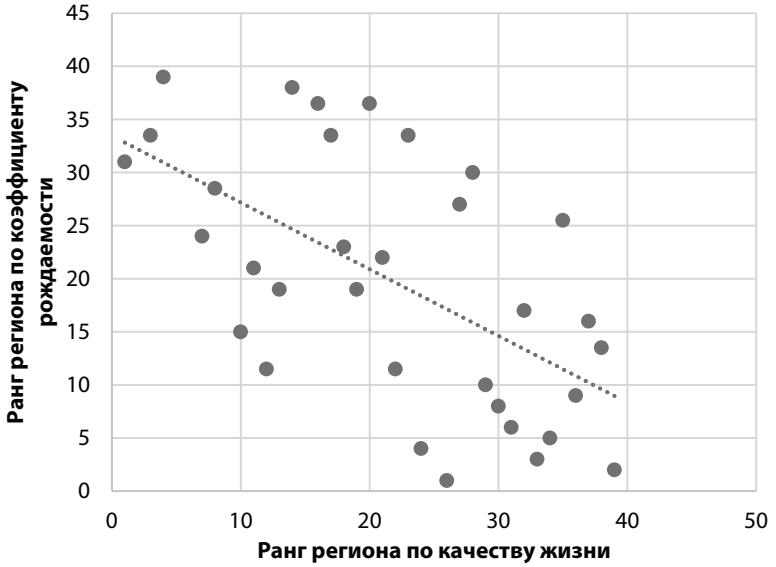

Рис. 3.18. *Корреляционное поле для рангов приграничных регионов по качеству жизни и по коэффициенту рождаемости, 2019 г. (источник: составлено авторами)*

Вероятно, на миграционные процессы в этот период все в большей степени влияли иные факторы — институциональные, политические или инфраструктурные. При этом отрицательная корреляция между качеством жизни и коэффициентом рождаемости усилилась ($r = –0,65$), что отражает дальнейшее проявление демографического перехода: по мере повышения уровня жизни и урбанизации наблюдается устойчивое снижение рождаемости (рис. 3.20). Таким образом, если в 2019 г. качество жизни еще сохраняло заметное влияние на миграционное поведение населения, то к 2022 г. это влияние стало слабее, в то время как связь с рождаемостью, напротив, стала более выраженной и устойчивой.

При этом если рассмотреть отдельно характер этой связи в кластерах, то выяснятся следующие особенности:

1. Статистически значимая (на 5%-ном уровне) положительная связь качества жизни и миграционного прироста наблюдается для третьего кластера.

2. Статистически значимая (на 5%-ном уровне) отрицательная связь качества жизни и рождаемости наблюдается для первого и пятого кластера, для третьего кластера связь значима на 10%-ном уровне.

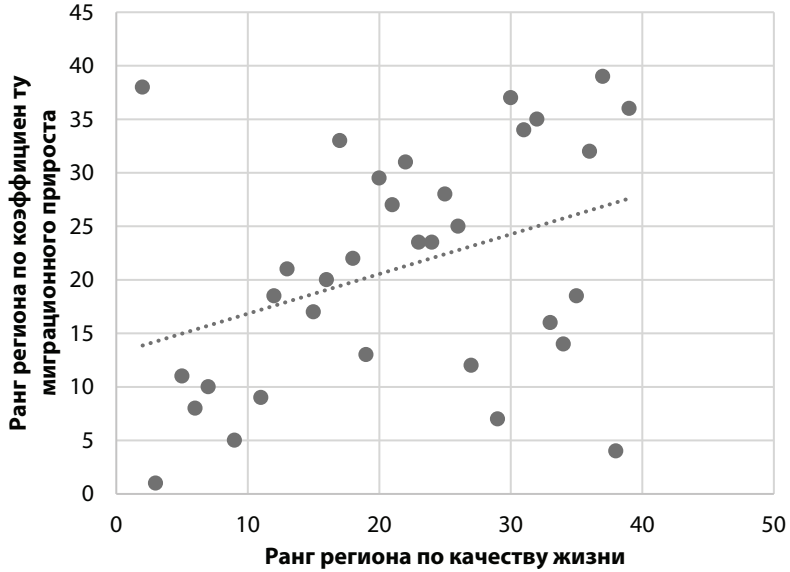

Рис. 3.19. *Корреляционное поле для рангов приграничных регионов по качеству жизни и по миграционному приросту, 2022 г. (источник: составлено авторами)*

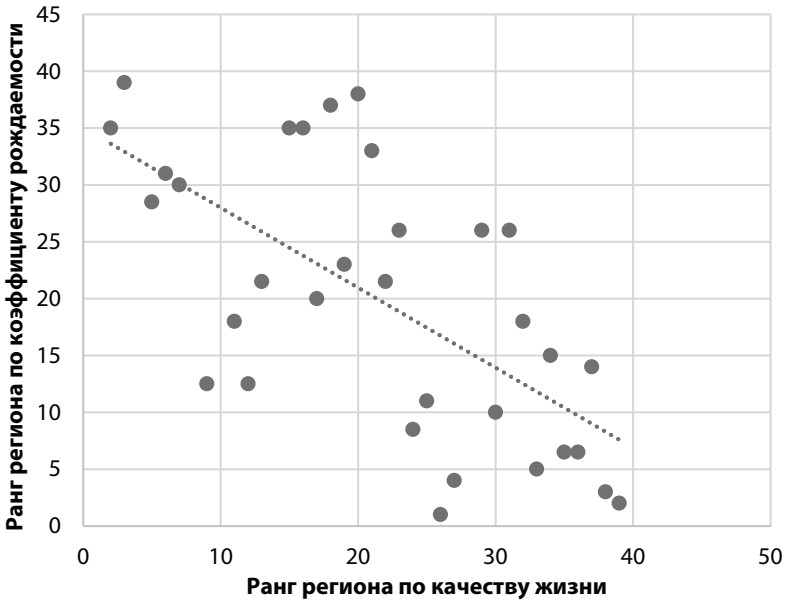

Рис. 3.20. *Корреляционное поле для рангов приграничных регионов по качеству жизни и по коэффициенту рождаемости, 2022 г. (источник: составлено авторами)*

Обобщая результаты проведенного анализа, можно сделать вывод о выраженной неоднородности взаимосвязей между показателями качества жизни населения и основными характеристиками человеческого потенциала (в частности, рождаемостью и миграционным приростом) по различным кластерам регионов. Полученные результаты демонстрируют, что влияние качества жизни на демографические и социальные процессы носит дифференцированный характер и не является универсальным для всех типов территорий.

1. В регионах, отнесенных к шестому кластеру, взаимосвязь между качеством жизни и основными параметрами человеческого потенциала фактически отсутствует. Статистический анализ не выявил значимой зависимости между уровнем жизни населения и показателями рождаемости или миграционного прироста. Это свидетельствует о том, что повышение качества жизни в данных территориях не ведет автоматически к росту численности населения или улучшению демографических показателей.

Подобная ситуация может объясняться спецификой кластерных регионов: как правило, это территории с устойчивым депопуляционным трендом, неблагоприятной возрастной структурой

и ослабленным трудовым потенциалом. Здесь уже сформировалась демографическая инерция, при которой даже улучшение материальных условий и инфраструктуры не приводит к изменению поведенческих установок населения. Кроме того, возможна миграция активного трудоспособного населения в более динамичные регионы, вследствие чего демографические показатели реагируют на социально-экономические изменения слабее, чем в среднем по выборке.

Таким образом, для шестого кластера можно заключить, что традиционные меры, направленные на повышение качества жизни (рост доходов, развитие инфраструктуры, улучшение социальных услуг), не обеспечат роста человеческого потенциала, если не будут дополнены адресными демографическими и кадровыми программами, ориентированными на закрепление населения, развитие занятости и повышение социальной привлекательности территорий.

2. В регионах четвертого кластера выявлено отсутствие взаимосвязи между качеством жизни и коэффициентом рождаемости. При этом по ряду других характеристик эти регионы демонстрируют относительно устойчивое развитие и высокий уровень социально-экономического развития. Отсутствие связи может быть обусловлено изменением мотивационных моделей репродуктивного поведения населения. В условиях стабилизации доходов и повышения уровня жизни рождаемость перестает зависеть напрямую от экономических факторов и начинает определяться социально-культурными и институциональными установками, такими как уровень урбанизации, ценность образования и карьеры, доступность социальных услуг, семейная политика.

Следовательно, повышение качества жизни в этих регионах не является ключевым стимулом роста рождаемости, поскольку население ориентировано на другие приоритеты — профессиональную самореализацию, материальную устойчивость, комфорт и качество среды обитания. Для таких территорий целесообразно усиливать меры семейной и демографической политики нематериального характера, направленные на создание благоприятной среды для рождения и воспитания детей — развитие инфраструктуры детства, улучшение условий занятости родителей и т. д.

3. В пятом кластере наблюдается утрата взаимосвязи между качеством жизни и миграционным приростом. Это означает, что миграционные потоки перестают зависеть от уровня жизни и формируются под воздействием других факторов: экономической структуры, возможностей трудоустройства, пространственной доступности, транспортной инфраструктуры и региональной политики.

Подобная тенденция характерна для регионов с низкой степенью экономического развития или переходных территорий, где качество жизни само по себе не является определяющим фактором миграционной привлекательности. Люди чаще ориентируются на наличие рабочих мест, уровень зарплат в конкретных отраслях, транспортную связанность и перспективы карьерного роста, нежели на общие показатели комфортности или социальных благ.

Для таких территорий приоритетом государственной политики должно стать сочетание мер по повышению качества жизни с активным экономическим развитием и стимулированием занятости. Это позволит укрепить реальные факторы закрепления населения и повысить региональную привлекательность для носителей человеческого потенциала.

4. Анализ также показал, что в 2022 г. в отдельных кластерах с ростом качества жизни усиливается обратная связь с рождаемостью (четвертый кластер), что согласуется с закономерностями демографического перехода: по мере повышения уровня благосостояния население стремится к меньшему числу детей, отдавая предпочтение образованию и качеству воспитания.

Кроме того, в некоторых кластерах выявлено ослабление связи между качеством жизни и миграционными процессами (первый кластер, четвертый кластер, пятый кластер, шестой кластер), что отражает формирование новых мотивационных моделей мобильности: население все чаще ориентируется не только на материальные условия жизни, но и на иные факторы качества жизни — экологию, безопасность, социальную среду, доступность услуг и возможность самореализации.

В заключение отметим, что результаты проведенного анализа подтверждают, что влияние качества жизни на развитие человеческого потенциала носит нелинейный и дифференцированный характер, существенно варьируя в зависимости от типа региона и его социально-экономических особенностей. Это означает, что универсальная политика повышения качества жизни не обеспечивает однозначного роста демографических и миграционных показателей во всех территориях.

В связи с этим государственная политика, направленная на развитие человеческого потенциала, должна быть дифференцированной, учитывать кластерные различия и эластичность демографических характеристик по отношению к качеству жизни и другим социально-экономическим факторам.

Для регионов с низкой чувствительностью показателей (например, шестой кластер) приоритетом должно стать адресное стимулирование закрепления населения через меры занятости, развития социальной инфраструктуры, поддержки молодых семей и миграционного притока квалифицированных кадров. В кластерах, где связь качества жизни с рождаемостью или миграцией ослаблена (четвертый и пятый), требуется перенастройка инструментов региональной политики от прямого улучшения материальных условий к созданию среды устойчивого развития и социальной привлекательности.

В целом политика развития человеческого потенциала должна строиться с учетом разной эластичности демографических показателей по отношению к качеству жизни, а также включать комплексные механизмы: материальные стимулы, инфраструктурные проекты, социально-культурные программы и меры по формированию устойчивых мотиваций к жизни и труду в конкретных регионах. Только при таком подходе можно обеспечить реальное укрепление человеческого потенциала и устойчивое демографическое развитие на уровне страны и отдельных территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ[1]

Исследование человеческого потенциала показало, что основное богатство общества сосредоточено в людях. Качественный человеческий потенциал становится ключевым элементом национального богатства и необходимым фактором успешного социально-экономического развития территорий, в том числе приграничных. В результате проведенного исследования была определена логика исследования человеческого потенциала с позиции социально-экономического развития территории, представлены и проанализированы имеющиеся подходы к содержанию понятия «человеческий потенциал», факторов, влияющих на формирование, развитие, реализацию и воспроизводство человеческого потенциала, а также подходы к его измерению.

Рассмотрены основные концепции, связанные с понятием человеческого потенциала, и его значение в современной общественной жизни. Предложено рассматривать человеческий потенциал как совокупность демографических, социально-экономических и культурных особенностей населения, реализуемых при наличии соответствующих мотиваций, экологических и природно-климатических условий. Акцентировано внимание на концепции, разработанной нобелевским лауреатом А. Сеном, согласно которой общественное развитие должно обеспечивать человеку широкие возможности для саморазвития и самореализации с учетом демографических, социально-экономических, экологических и культурных особенностей территорий. В то же время от мотивации каждого человека зависит выбор — воспользоваться предоставляющимися возможностями общественного развития или нет.

Исследованы и систематизированы существующие в науке подходы к компонентам человеческого потенциала. Согласно представленным позициям, в большинстве исследований к компонентам человеческого потенциала авторы относят психофизиологический, социальный, трудовой, интеллектуальный, культурный и другие потенциалы. Обращено внимание на то, что все компоненты человеческого потенциала можно подразделить на врожденные (психофизиологические характеристики, способности, темперамент)

[1] Авторы: д-р экон. наук О. В. Артемова, канд. экон. наук О. А. Антонова, канд. экон. наук Д. А. Плетнев.

и приобретенные (развитие способностей, талантов, навыки, привычки и т. п.).

Установлено, что на человеческий потенциал влияют разные факторы, обусловленные природно-климатическими условиями, дифференциацией регионального развития, законодательным регулированием, современными социально-экономическими, экологическими, демографическими вызовами и т. п. Были выделены факторы, влияющие на формирование, развитие, реализацию и воспроизводство человеческого потенциала. К важнейшим факторам формирования и развития человеческого потенциала относятся социальное инвестирование, образовательная и медико-профилактическая инфраструктура, экологические условия, а также государственная политика, направленная на повышение доступности и качества базовых социальных благ.

На основе анализа научной литературы было определено отсутствие единого подхода к формулировке понятий, сопряженных с понятием «человеческий потенциал», таких как «трудовой потенциал», «человеческий капитал», что создает дополнительные сложности в анализе и разработке мер по улучшению качества человеческого потенциала. Представлена сравнительная характеристика по ряду признаков понятий «человеческий потенциал», «трудовой потенциал», «человеческий капитал».

Следующим важным аспектом исследования стало изучение значительного числа подходов к определению и измерению развития человеческого потенциала, различающихся трактовками компонентов, критериев и показателей оценки. Установлено, что оценка человеческого потенциала затруднена ввиду разнообразия и неоднородности подходов к его измерению. Основными методами оценки считаются статистический, социологический, интегральный и мониторинговый подходы. Наиболее распространенным международным инструментарием оценки является Индекс человеческого развития (ИЧР) (до 2013 г. — Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)), однако он подвергается критике за ограниченность используемых показателей и неприменимость для всех уровней сравнения. Для точной оценки измерения человеческого потенциала необходима стандартизация подходов, упрощение процедур разработки индикаторов и инструментов, а также учет специфики отдельных территорий. Исследование подтвердило ключевую роль человеческого потенциала в обеспечении социально-экономического развития приграничных территорий и подчеркнуло необходимость дальнейшего углубления

исследований в этой области, что позволит достичь роста качества жизни населения.

Было констатировано, что данное направление исследований сегодня является одним из важнейших и актуальных. Об этом свидетельствует многочисленность приграничных регионов РФ, протяженность их границ с сопредельными государствами, значительная дифференциация социально-экономической ситуации в приграничье России, которая обусловливает вариативный уровень и качество жизни населения на этих территориях, необходимость использовать трансграничные возможности для развития приграничных территорий РФ и сопредельных стран.

Названные направления исследования представлены авторами в научных публикациях (Артемова и др., 2020; Артемова и др., 2023; Артемова, Меленькина, 2024), которые использовались при подготовке данной монографии. В частности, применялись разработанные алгоритмы анализа и оценки человеческого потенциала приграничных территорий. Отличительной особенностью монографии является присутствие в ней масштабного охвата приграничных территорий: это все регионы, имеющие сухопутную границу с сопредельными странами, объединенные в макрорегионы европейской и азиатской частей страны.

Приграничные регионы России имеют специфические черты, которые обусловливают их социально-экономическое развитие. Для них характерны депопуляция и миграционный отток населения, при этом приграничные регионы теряют население более высокими темпами, чем в среднем по стране.

Причинами этих негативных тенденций являются низкий уровень жизни, недостаток рабочих мест и ограниченный доступ к качественным услугам. Таким образом, возможности населения приграничных территорий по получению образования, поддержанию здоровья и человеческого потенциала в целом неодинаковы. Дополнительным фактором, сдерживающим возможности развития и удержания человеческого потенциала в приграничных регионах, является монопрофильность хозяйственной деятельности.

Вследствие этого возникают негативные социальные явления (в частности, обезлюдивание), что создает дополнительные препятствия для формирования полноценного человеческого капитала.

С другой стороны, географическое положение этих регионов открывает возможности для международного сотрудничества и интеграции, однако это сотрудничество ограничивается бюрократическими преградами и недостаточно развитой

инфраструктурой. Результаты данного исследования подтверждают, что развитие человеческого потенциала в приграничных регионах России требует комплексного подхода с учетом специфических особенностей этих территорий. Необходимо инвестировать в образование, здравоохранение и создание рабочих мест для повышения качества жизни населения. Эффективное использование имеющихся ресурсов может стать основой для устойчивого развития этих регионов и повышения их конкурентоспособности на международной арене.

Выявленная нами специфика приграничных регионов позволила сформулировать некоторые положения, которые необходимо учитывать при анализе человеческого потенциала приграничных регионов России.

1. В исследовании из всех регионов РФ типологически выделены приграничные регионы. Группа этих регионов значительна, учитывая самую большую (по сравнению с другими странами) протяженность границ РФ с зарубежными странами.

2. Констатируется большая дифференциация приграничных регионов по их социально-экономическому положению, которая обусловлена фундаментальными (в том числе общими для регионов) и особыми региональными факторами.

Приграничные регионы обладают значительным потенциалом и играют большую роль в развитии страны, там проживают более 50 % ее населения, в них сосредоточено более 40 % совокупного производства ВРП субъектов РФ. Приграничным регионом в данном исследовании считалась территория, прилегающая к линии государственной границы субнациональных административных единиц — субъектов Федерации. Авторами монографии был предложен методический подход к выделению приграничных макрорегионов как самостоятельных институциональных единиц.

При этом под «макрорегионом» понималась часть территории РФ, которая включает территорию двух или более субъектов РФ, имеющих границу с иностранным государством. Выделение таких макрорегионов было обусловлено необходимостью разработки отдельных направлений, целей и задач выстраивания стратегии развития приграничных территорий на основе реализации человеческого потенциала.

В рамках европейской части приграничных территорий были выделены следующие макрорегионы: Прибалтийский, Центральный, Южный; в азиатской части — Российско-Казахстанский, Российско-Китайский, Российско-Монгольский приграничные макрорегионы.

Для анализа ситуации в приграничье РФ был предложен алгоритм исследования, который предусматривал, в частности, типологизацию регионов по географическому признаку, выделение макрорегионов; определение направлений исследования (экономического, демографического, социального) по каждому макрорегиону в целом и в разрезе отдельных регионов, а также анализ результирующих показателей. Период исследования охватывал 2013–2022 гг.

Были получены следующие результаты исследования выделенных макрорегионов.

1. В Прибалтийском макрорегионе за исследуемый период имел место рост ВРП на душу населения. При этом темпы роста в Прибалтийском приграничном регионе были выше темпов роста в целом по РФ. Это означает высокий экономический потенциал и значимость для национальной экономики данного макрорегиона. Регионом-лидером по объему ВРП на душу населения и по темпам роста ВРП является Мурманская область. Инвестиции в основной капитал на душу населения также увеличивались, но с меньшими темпами роста по сравнению с темпами роста ВРП. При этом темпы роста инвестиций в Прибалтийском макрорегионе были выше темпов роста в целом по РФ. Лидеры по объему инвестиций в основной капитал — Мурманская и Ленинградская области. Прибалтийский макрорегион характеризуется высокой плотностью населения по сравнению со среднероссийскими значениями, но высокой дифференциацией плотности населения по регионам данного макрорегиона. Численность населения, в том числе трудоспособного, макрорегиона незначительно увеличилась. Миграционный прирост в 2022 г. в Прибалтийском приграничном макрорегионе был положительным. Показатели рождаемости в макрорегионе были ниже средних показателей по РФ. Изменение коэффициентов рождаемости за анализируемый период находилось в зоне отрицательных значений. Уровень прерывания беременностей в макрорегионе был выше, чем в среднем по РФ. В отношении численности и уровня образования выпускников произошли существенные сдвиги. Численность выпускников со средним общим образованием по регионам макрорегиона существенно не изменилась, по выпускникам со средним профессиональным образованием выросла, по выпускникам с высшим образованием и числу аспирантов снизилась. Лидером по числу выпускников с высшим образованием и числу аспирантов является Калининградская область.

2. В Центральном макрорегионе наблюдался рост ВРП на душу населения, но темпы роста были ниже аналогичного значения по РФ.

Регион-лидер по объему ВРП на душу населения — Белгородская область. Инвестиции в основной капитал на душу населения также увеличивались, но с меньшими темпами роста по сравнению с темпами роста ВРП. Лидерами по объему инвестиций в основной капитал являются Курская и Воронежская области. Для макрорегиона за рассматриваемый период характерно снижение численности населения, снижение численности трудоспособного населения и его доли в общей численности населения, а также миграционный отток населения. Это снижает уровень человеческого капитала регионов. Показатели рождаемости были ниже средних показателей по РФ. Изменение коэффициентов рождаемости за период находилось в зоне отрицательных значений, но снижение коэффициентов рождаемости было немного ниже, чем в среднем по РФ. Уровень прерывания беременностей был ниже средних показателей по РФ. Численность выпускников со средним общим образованием, с высшим образованием снизилась, количество аспирантов снизилось, а выпускников со средним профессиональным образованием — выросло.

3. В Южном макрорегионе имел место рост ВРП. При этом темпы роста были ниже темпов роста в целом по РФ. Объемы ВРП на душу населения в среднем по Южному приграничному макрорегиону ниже данного показателя по РФ. Макрорегион не обладает высоким экономическим потенциалом. Регион-лидер по объему ВРП на душу населения и по темпам роста ВРП — Краснодарский край. Инвестиции в основной капитал на душу населения также увеличивались по Южному приграничному региону, но с меньшими темпами роста по сравнению с темпами роста ВРП. При этом темпы роста инвестиций в Южном приграничном регионе были ниже темпов роста в целом по РФ. Лидер по объему инвестиций в основной капитал — Краснодарский край. Макрорегион характеризуется высокой плотностью населения по сравнению со среднероссийскими значениями и характеризуется относительно высоким для России уровнем доли сельского населения. Численность населения макрорегиона возросла, но произошло снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения. Миграционный прирост в Южном приграничном макрорегионе был отрицательным (за исключением Краснодарского края). Прирост численности населения и трудоспособного населения повышает уровень человеческого капитала регионов. Показатели рождаемости были выше средних показателей по РФ. Уровень прерывания беременностей в макрорегионе был ниже средних показателей по РФ. В отношении численности и уровня образования

выпускников произошли существенные сдвиги. Численность выпускников со средним общим образованием, высшим образованием, аспирантов снизилась, однако выпускников со средним профессиональным образованием — выросла.

4. В Российско-Казахстанском макрорегионе наблюдался рост показателей ВРП на душу населения и инвестиций на душу населения. Численность населения по макрорегиону снизилась, прирост численности населения в трудоспособном возрасте находился в зоне отрицательных значений. Наблюдалась тенденция к снижению доли трудоспособного населения. В макрорегионе коэффициенты миграционного прироста отрицательные. В целом в макрорегионе происходит снижение человеческого потенциала, а это означает снижение возможностей обеспечения нормальной жизнедеятельности, расширенного воспроизводства населения, освоения приграничных территорий. По показателям рождаемости ситуация ухудшилась: произошло снижение рождаемости. Число абортов снижалось, но все еще оставалось высоким (выше, чем в среднем по РФ). В образовательной сфере (выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании) показатели в макрорегионе ниже, чем в среднем по РФ.

5. В Российско-Китайском макрорегионе наблюдался рост показателей ВРП на душу населения и инвестиций на душу населения. Имело место падение численности всего населения, в том числе трудоспособного, прирост численности населения в трудоспособном возрасте находился в зоне отрицательных значений. В среднем по макрорегиону коэффициенты миграционного прироста отрицательные. В макрорегионе происходит снижение человеческого капитала. Показатели рождаемости превышают аналогичные показатели в среднем по РФ (исключение — Приморский край). Число абортов снижается, но все еще остается высоким (выше, чем в среднем по РФ). В макрорегионе показатели в образовательной сфере по выпуску бакалавров и аспирантов ниже, чем в среднем по РФ.

6. В Российско-Монгольском макрорегионе наблюдался рост показателей ВРП на душу населения и инвестиций на душу населения. Численность населения в среднем по макрорегиону снизилась. Прирост численности населения в трудоспособном возрасте в среднем по макрорегиону находился в зоне отрицательных значений. В среднем по макрорегиону коэффициенты миграционного прироста за период отрицательные. В макрорегионе происходит снижение человеческого потенциала, что влечет за собой проблемы

поддержания достойного уровня жизни населения, трудности освоения и развития приграничных территорий. По рождаемости ситуация за период ухудшилась, произошло ее снижение. Число абортов снижалось, но все еще оставалось высоким (выше, чем в среднем по РФ). В макрорегионе показатели в образовательной сфере по выпуску бакалавров и аспирантов ниже, чем в среднем по РФ.

Анализ ожидаемой продолжительности жизни при рождении в «европейских» приграничных регионах РФ показал, что в среднем по РФ, а также по «европейским» приграничным регионам она возросла (кроме Мурманской области, где продолжительность жизни незначительно, но снизилась). Что касается анализируемых регионов, то в группу регионов с продолжительностью жизни выше 70 лет в 2013 г. попали 15 регионов (максимальное значение — в Республике Ингушетия), в 2022 г. — 17 регионов (максимальное значение — в Республике Ингушетия), в 2023 г. — 18 регионов (максимальное значение — в Республике Дагестан). Это свидетельствует о позитивной тенденции по повышению продолжительности жизни населения в регионах. Однако в части регионов ситуация менее благоприятная. Так, наименьшая продолжительность жизни в 2013, 2022, 2023 гг. наблюдается в Республике Карелия, к 70 годам продолжительность жизни в Псковской области приблизилась только в 2023 г.

Анализ ожидаемой продолжительности жизни при рождении в «азиатских» приграничных регионах РФ показал, что продолжительность жизни возросла по сравнению с 2013 г., однако в 2023 г. этот показатель снизился в пяти регионах.

В группу регионов с продолжительностью жизни выше 70 лет в 2013 г. попали шесть регионов (максимальное значение — в Волгоградской области), в 2022 г. — 10 регионов (максимальное значение — в Тюменской области), в 2023 г. — 13 регионов (максимальное значение — в Республике Калмыкия). Это свидетельствует о позитивной тенденции по повышению продолжительности жизни населения в регионах. Однако в части регионов ситуация неблагоприятная. Так, наименьшая продолжительность жизни в 2013, 2022, 2023 гг. наблюдалась в Республике Тыва. Наиболее благоприятная ситуация по ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Российско-Казахстанском макрорегионе, наименее благоприятная — в Российско-Монгольском макрорегионе.

В топ-10 регионов РФ (из 85 субъектов РФ) по качеству жизни в 2013 г. попали три региона европейского пограничья: Краснодарский край, Белгородская область и Воронежская область;

в 2022 г. — четыре региона: Краснодарский край, Белгородская область, Ленинградская область (7-е место), Калининградская область. Наименее благоприятная ситуация по КЖН в Южном макрорегионе.

В топ-10 регионов РФ по качеству жизни в 2013 г. попал один регион азиатского приграничья — Тюменская область, в 2022 г. вошел также один регион — Самарская область. Наиболее благоприятная ситуация по КЖН в Российско-Казахстанском макрорегионе, наименее благоприятная — в Российско-Монгольском макрорегионе (Артемова, Меленькина, 2024).

Итак, полученные результаты свидетельствуют о значительной дифференциации приграничных макрорегионов как по экономическим, так и по демографическим характеристикам. Наиболее уязвимыми оказались макрорегионы азиатской части России, что проявляется в значительном миграционном оттоке населения и низких показателях рождаемости. В то же время Южный макрорегион европейской части России продемонстрировал отдельные позитивные сдвиги, проявившиеся в росте численности населения (Артемова, Меленькина, 2024).

Итоги исследования позволяют сделать вывод о необходимости формирования и реализации дифференцированной государственной политики в сфере развития человеческого потенциала приграничных макрорегионов, учитывающей их пространственную специфику, демографические вызовы и особенности воспроизводства трудовых ресурсов. Особое внимание должно быть уделено разработке комплексных мер по повышению инвестиционной привлекательности этих территорий, развитию социальной и образовательной инфраструктуры, поддержке программ профессионального обучения и переподготовки кадров, что в перспективе позволит укрепить человеческий потенциал как важнейший ресурс устойчивого и сбалансированного развития приграничных территорий России (Артемова, Меленькина, 2024).

На основе проведенного анализа человеческого потенциала приграничных регионов России сделан вывод о существенной их неоднородности в этом отношении. Это определило необходимость дальнейшей работы, направленной на выявление общих черт в человеческом потенциале у приграничных регионов. Для решения этой задачи с использованием кластерного анализа была проведена многомерная группировка всех приграничных регионов России по всем показателям человеческого потенциала, проанализированным во второй главе, по данным 2015, 2019 и 2022 гг. В результате выявлено шесть кластеров, в которые включены регионы

со сходными характеристиками человеческого потенциала. Пять кластеров показали свою устойчивость на всем протяжении наблюдения, а один перестал идентифицироваться в 2019 и 2022 гг. Выделенные кластеры имеют устойчивую структуру, включающую ядро кластера, а также набор отличающих их характеристик.

Кластер «зажиточных доноров ЧП» включает регионы, входящие в ядро: Белгородская область, Ленинградская область, Хабаровский край, а также Астраханскую область, Оренбургскую область и Приморский край. Для большинства субъектов этого кластера характерны относительно высокие значения показателей, отражающих экономические условия формирования и развития человеческого потенциала. В то же время наблюдаются более низкие по сравнению со среднероссийским уровнем показатели рождаемости и удельного выпуска школ, а также высокая миграционная убыль, за исключением Ленинградской области.

Кластер «отстающих» включает регионы, формирующие его ядро: Смоленская область, Ростовская область, Еврейская автономная область, а также Волгоградскую область, Омскую область и Забайкальский край. Эти субъекты характеризуются устойчиво низкими значениями валового регионального продукта, объема инвестиций в основной капитал, числа выпускников аспирантуры, а также уровнем миграционного прироста. Совокупность указанных параметров указывает на наличие системных факторов, сдерживающих развитие человеческого потенциала.

Кластер «устойчивых точек притяжения» включает ядро, представленное Самарской областью, Челябинской областью и Новосибирской областью, а также такие регионы, как Республика Карелия и Воронежская область. Этот кластер объединяет преимущественно индустриально развитые территории с относительно высоким уровнем социально-экономического развития. При этом отсутствуют ярко выраженные устойчивые отклонения по ключевым характеристикам человеческого потенциала, что свидетельствует о сбалансированности их развития.

Кластер «бедных, но молодеющих» представлен ядром в составе Брянской области, Псковской области, Республики Калмыкия, Курганской области, Республики Алтай, Алтайского края и Республики Бурятия, а также включает Республику Дагестан, Республику Северная Осетия — Алания и Саратовскую область. Для субъектов данного кластера характерно значительное отставание от среднероссийского уровня по большинству ключевых индикаторов развития человеческого потенциала, включая ожидаемую продолжительность жизни,

валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал и миграционный прирост. Вместе с тем, для данного кластера характерны превышающие среднероссийские значения по количеству выпускников СОО и СПО (за исключением Псковской области).

Кластер «бедных, но любящих жизнь» включает ядро, представленное Республикой Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республикой, Карачаево-Черкесской Республикой и Чеченской Республикой, а также Республику Крым и Республику Тыва. Регионы данного кластера характеризуются существенно более низкими по сравнению со среднероссийскими показателями валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал, выпуска специалистов с высшим образованием и аспирантов. Однако при этом фиксируются превышающие среднероссийские значения по ожидаемой продолжительности жизни (в ядре кластера) и коэффициенту рождаемости (за исключением Республики Крым). Такой профиль отражает противоречивую ситуацию: с одной стороны, низкий уровень экономического и образовательного развития, с другой — относительная стабильность демографических процессов.

Для каждого кластера предложены особые направления государственной политики сохранения и приумножения человеческого потенциала, отражающие особенности кластера:

— для регионов, входящих в первый кластер, приоритетным направлением должно стать развитие инфраструктуры для жизни на имеющейся хорошей материальной основе, а также реализация региональных программ, направленных на рост рождаемости, и сохранение в области выпускников школ, техникумов и вузов;

— для регионов, входящих в третий кластер, приоритетным направлением должно стать экономическое развитие, а также реализация региональных программ, направленных на рост числа выпускников аспирантуры;

— для регионов, входящих в четвертый кластер, рекомендуется усилить меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости, улучшение репродуктивного здоровья и повышение качества медицинских услуг. Также необходима разработка миграционных программ по привлечению и удержанию квалифицированных кадров;

— для повышения уровня человеческого потенциала в пятом кластере необходимо сосредоточиться на развитии высшего образования, модернизации региональной экономики и стимулировании занятости. Особое внимание следует уделить созданию

условий для закрепления молодежи и предотвращения миграционного оттока;

— для регионов шестого кластера необходима реализация комплексной стратегии развития человеческого капитала, включающей инвестиции в образовательную систему, меры по снижению социального неравенства и улучшение условий жизни. Особое внимание следует уделить созданию образовательных кластеров, доступных для молодежи, и развитию системы поддержки науки и технологий. Также важно расширять социальную и транспортную инфраструктуру, чтобы повысить мобильность и вовлеченность населения в экономическую активность.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что приграничные регионы России, составляя существенную долю ее территории, населения и экономического потенциала, сохраняют высокий уровень и человеческого потенциала, но это происходит скорее вопреки складывающимся тенденциям развития экономики и общества. Государству необходимо реализовывать целенаправленную политику, направленную на поддержку приграничных регионов, дифференцированную в зависимости от профиля (набора характеристик) человеческого потенциала в нем, который может определяться сформированными в ходе исследования кластерами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Anderson, J., & Yeda, S. (2024). Human Capital Attraction and Retention in Cities: An Analysis in the Brazilian Context. *Revista de Gestão Social e Ambiental,* (18). https://doi.org/10.24857/rgsa.v18n9-181

Bedianashvili, G., Tsartsidze, M., Mikeladze, N., & Gabroshvili, Z. (2024). Human capital and economic growth under modern globalization. *Journal of Entrepreneurship and Sustainability Issues,* (12), 268-289. https://doi.org/10.9770/jesi.2024.12.1(19)

Chu, T., & Duong, V. (2024). From the border of 'barrier' to the border of 'connectivity': The current development and connectivity of Vietnam-China cross-border infrastructure. *Journal of Infrastructure, Policy and Development,* (8). https://doi.org/10.24294/jipd.v8i12.8119

Dhungel, R. (2023). Demographic Change and Border Security Governance of Nepal: An Analysis of Perceptions. *Journal of APF Command and Staff College,* (6), 53–74. https://doi.org/10.3126/japfcsc.v6i01.57585

Hamed, A., Salman, A., Yassen, M., Aldabagh, D., & Savenko, V. (2024). Human Capital Development in Knowledge Economies. *Journal of Ecohumanism,* (3), 798–816. https://doi.org/10.62754/joe.v3i5.3938

Hidayah, U., Amo, F., & Klau, A. (2024). Social and Economic Development of Rural Border Area in Malaka and Belu Regencies (Border of Indonesia-Timor Leste). *Jurnal Perencanaan Pembangunan: The Indonesian Journal of Development Planning,* (8), 191–216. https://doi.org/10.36574/jpp.v8i2.588

Jašková, D., & Havierniková, K. (2020). The Human Resources as an Important Factor of Regional Development. *International Journal of Business and Society, 21*(3), 1464–1478. https://doi.org/10.33736/ijbs.3364.2020

Koišová, E., Masárová, J., & Ivanová, E. (2021). Socio-demographic potential of human resources in the Visegrad regions. *Journal of Business Economics and Management, 22*(4), 1026–1046. https://doi.org/10.3846/jbem.2021.14541

Kurakov, A. L. (2011). The role of human capital in the process of modernization of economy. *Актуальные проблемы экономики и права, 3*(19), 20–24.

Liang, S. (2024). Border Effects and China's Border. In *Trade in the Context of Integration*. https://doi.org/10.1007/978-981-97-3044-5_3

Ma, L. (2024). Quality adjustment and analysis of human resource prices in China: Based on a hedonic price model. *PLoS ONE, 19*(4): e0297352. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0297352

McFadden, D. (2008). Human capital accumulation and depreciation. *Applied Economic Perspectives and Policy,* (30), 379–385.

Saryglar, S., Shakhova, E., & Borisova, O. (2023). *Social Isolation and Demographic Problems of Border Territories: Theoretical Analysis and Application in Migration Studies*. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75483-9_31

Shultz, T. (1968). Human Capital. In *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 6. N.Y.

Shuming Z., & Juan, D. (2012). Thirty-two years of development of human resource management in China: Review and prospects. *Human Resource Management Review, 22* (3), 179–188. https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2012.02.001

Svatošová, L. (2011). State and development analysis of human resources in Czech region South-West. *Acta univ. agric. et silvic. Mendel. Brun., LIX* (7), 387–394.

Zhang, J., & Chen, Z. (2024). Exploring Human Resource Management Digital Transformation in the Digital Age. *Journal of the Knowledge Economy, 15* , 1482–1498. https://doi.org/10.1007/s13132-023-01214-y

Абрамов, Р. А., Кулапов, М. Н., Соколов, М. С. (2020). Тренды управления развитием приграничного сотрудничества геостратегических территорий в процессе формирования Союзного государства России и Беларуси. *Инновации и инвестиции,* (100), 26–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-upravleniya-razvitiem-prigranichnogo-sotrudnichestva-geostrategicheskih-territoriy-v-protsesse-formirovaniya-soyuznogo (дата обращения: 19.03.2025)

Абрамян, С. И., Федотов, А. А. (2021). Интегральный индекс человеческого потенциала: региональный анализ. *Бизнес. Образование. Право,* (4(57)), 63–69. https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.57.411.

Авдашкин, А. А. (2022). Миграции в российско-казахстанском приграничье (на примере Южного Урала). *Журнал Фронтирных Исследований,* (3(27)), 118–139. https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.306

Агабекова, Н. В., Новоселова, С. В. (2012). Методика статистического мониторинга уровня развития человеческого потенциала. *Вестник Белорусского государственного экономического университета,* (5), 43–49.

Аганбегян, А. Г. (2018). Сбережение населения России под вопросом. *Народонаселение, 21* (4), 4–13. https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-01

Айвазян, С. А., Афанасьев, М. Ю., Кудров, А. В. (2019). Индикаторы основных направлений развития и интегральный индикатор качества условий жизни на региональном уровне. *Вестник ЦЭМИ РАН, 2* (1).

Анопченко, Т. Ю., Воронина, Н. Ф. (2023). *Формирование и развитие человеческого потенциала: концепция, структура, управление в современном информационном обществе.* Москва: Ай Пи Ар Медиа, 178.

Антонова, О. А. (2024). Дискурс контекстов понятия «качества жизни населения» в практике регионов современной России. *Дискуссия,* (11(132)), 99–107. https://doi.org/10.46320/2077-7639-2024-11-132-99-107

Антонова, О. А. (2023). Методологические подходы к оценке качества трудовой жизни занятого населения региона. *Дискуссия,* (1(116)), 16–34.

Артемова, О. В., Логачева, Н. М., Савченко, А. Н. (2020). Оценка технологических возможностей регионов для развития человеческого потенциала (на примере субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов). *Социум и власть,* (4(84)), 30–46. https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-4-30-46

Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. (2023). Развитие приграничных территорий России и Казахстана в условиях вызовов (региональный аспект). В *Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов* (с. 7–12). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Первое экономическое издательство». https://doi.org/10.18334/9785912924927.7-12

Артемова О. В., Меленькина С. А. (2024). Человеческий потенциал приграничных регионов азиатской части России. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент, 18* (4), 15-32. https://doi.org/10.14529/em240402

Артемова, О. В., Меленькина, С. А, Ужегов, А. О. (2023). Подходы к оценке качества жизни населения (территориальный аспект). В *Города нового времени: система GLASS* (с. 5–20). Екатеринбург.

Артемова, О. В., Нестеренко, И. Ю., Меленькина, С. А., Гончарова, О. К. (2025). Человеческий потенциал приграничных макрорегионов РФ: условия и возможности развития. *Векторы благополучия: экономика и социум, 53* (2), 99–119. https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/1991

Архипова, Л. С., Горохова, И. В. (2023). Уровень экономической безопасности реального сектора экономики в приграничных регионах России. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал,* (4(76)): 7615. URL: https://eee-region.ru/article/7615 (дата обращения: 10.05.2024)

Атясова, Н. Ю., Суртаева, О. В., Максимов, М. Б. (2022). Человеческий капитал приграничных регионов России: субъективная оценка в представлениях населения. *Society and Security Insights, 5* (4), 70–89. https://doi.org/10.14258/ssi(2022)4-04.

Бабинцев, В. П., Куркина, М. П. (2012). Человеческий потенциал как научная категория. *Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право,* (8(127)), 223–229.

Баннова, К. А., Актаев, Н. Е. (2021). Влияние показателей регионального рейтинга качества жизни на благосостояние населения Российской Федерации. *Креативная экономика, 15* (7), 2991–3006. https://doi.org/10.18334/ce.15.7.112355

Белик, И. С., Камдина, Л. В., Стародубец, Н. В. (2019). Влияние антропогенных факторов промышленного производства на качество жизни населения в регионе. *Экономика региона, 15* (4), 1156–1168.

Березутский, Ю. В. (2019). *Социальная активность молодежи региона: социологический анализ.* Москва: Дело (РАНХиГС), 174.

Бийжанова, Э. К. (2018). Социальная политика региональной власти: развитие социокультурного потенциала приграничья. *Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 4* (70), 3–9.

Бобков, В. Н. (Ред.). (2022). *Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего.* Москва: ФНИСЦ РАН, 274.

Бодак, А. В. (2015). Человеческий потенциал как базовая модель развития общества. В *Материалы XX окружных научных социальных чтений,*

г. Сургут, 29–30 октября 2015 г. URL: https://socioprofi.com/sites/default/files/publishings/15_0.pdf (дата обращения: 25.08.2024).

Борисова, О. В., Шахова, Е. В. (2021). Некоторые особенности здоровьесберегающего поведения населения приграничных регионов России. *Society and Security Insights, 4*(3), 102–110.

Буланов, В., Катайцева, Е. (2011). Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала. *Общество и экономика,* (1), 14–22. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16902047_46049935.pdf (дата обращения: 25.08.2024)

Валиахметов, Р. М. (2018). Социологические подходы к оценке и диагностике человеческого потенциала региона. *Вопросы территориального развития,* (5(45)), https://doi.org/10.15838/tdi.2018.5.45.8

Вишневский, А. Г. (2010). *Сбережение народа или депопуляция России?: доклад к XI Международной научной конференции Государственного университета — Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6–8 апреля 2010* г. Москва: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 82.

Гагарина, Г. Ю., Архипова, Л. С. (2023). Роль человеческого потенциала в обеспечении экономической безопасности приграничных регионов Российской Федерации. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, 20*(6(132)), 59-73. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-6-59-73.

Генчикова, И. В. (2022). Развитие человеческого потенциала в стратегиях российских регионов. *Экономическое возрождение России,* (1(71)), 155–162.

Глазьев, С. Ю. (2010). Новый технологический уклад в современной мировой экономике. *Международная экономика,* (5), 5–27.

Григорьев, С. И. (2002). Патриотизм в России неотделим от русской идеи. *Витязь,* (1–2), 28–39.

Григорьева, И. А. (2013). Развитие социальной политики в России в 1990–2000-х гг. *Мир России,* (1), 136. URL: https://www.hse.ru/data/2013/06/25/1287290507/mr_13_1_6.pdf?ysclid=m75qxz05hf151421054 (дата обращения: 11.04.2024)

Гришина, Е. С. (2013 а). Факторы, оказывающие влияние на человеческий потенциал региона. *Креативная экономика,* (1(73)), 113–117.

Гришина, Е. С. (2013 б). Исследование человеческого потенциала региона путем проведения его мониторинга. *Креативная экономика, 7*(2(74)), 43–48.

Давыдова, Т. Е. (2018). Человеческий потенциал в стратегии развития региона: методологические аспекты исследования. *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление,* (4), 69–74

Докторович, А. Б. (2011). О сохранении и развитии человеческого потенциала. *Пространство и время,* (4), 125–130.

Дорошенко, С. В. (2020). Компаративный анализ малого предпринимательства в приграничных регионах России и Казахстана. *Экономика региона, 16*(3), 712–724. https://doi.org/10.17059/ekon. reg.2020-3-3.

Дорошенко, Ю. А., Старикова, М. С., Сомина, И. В. (2019). Сравнительная оценка приграничных и внутренних регионов Российской Федерации по уровню развития человеческого капитала. *Современная экономика: проблемы и решения,* (12(120)), 251–259.

Ермилина, Д. А. (2022). Качество жизни в России: краткий обзор. *Вестник университета,* (3), 97–107.

Зайцева, Е. В., Казанцева, А. Е., Азоркин, Е. А. (2020). Формирование человеческого потенциала как результат кластеризации региона посредством модели «четверной спирали». В *Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем:* Материалы 4-й Международной научной конференции памяти академика А. И. Татаркина и научного семинара «Развитие российских регионов», Челябинск, 25–27 ноября 2020 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 161. EDN QHAADZ.

Залесская, О. В. (2021). Периферийность дальневосточного приграничья как определяющий фактор в российско-китайском взаимодействии на Дальнем Востоке. В *Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации:* Сборник материалов I международной научной онлайн-конференции, Екатеринбург, 24–25 сентября 2021 года (с. 97–101). Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ».

Заславская, Т. И. (2005). Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. *Общественные науки и современность, (3), 5–16; Общественные науки и современность,* (4), 13–25.

Золотарев, В. С., Невская, Н. И., Комарова, Т. Г. (2008). Феномен человеческого потенциала и основные концепции его развития. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки,* (3), 89–94.

Зубаревич, Н. В. (2009). Индекс развития человеческого потенциала в регионах России в 2005–2006 годах. В *Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008: Россия перед лицом демографических вызовов.* Москва: ПРООН, 194–203.

Иванов, М. Б., Данилюк, М. Б. (2021). Методика и результаты сравнительной оценки социально-экономического потенциала приграничных территорий республики Беларусь. *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні,* (3(65)), 82–89. URL: https://elib.nlb.by/elib/Record/BY-NLB-br0001735707 (дата обращения: 08.06.2024).

Иванов, О. И. (2013). Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 336. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21166703_20166146.pdf (дата обращения: 08.06.2024)

Игнатов, Д. А., Тимофеева, О. Г., Михайлова, О. В. (2020). Развитие человеческого потенциала как неотъемлемая часть повышения качества жизни населения. *РЕГИОН: системы, экономика, управление,* (1(48)), 27–35.

Исакова, А. А. (2024). Расчет и анализ индекса человеческого развития для регионов России. *Научный журнал «Бизнес и общество»,* (3(43)), 12.

Кабанов, Ю. А., Чугунов, А. В. (2021). Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах. *Журнал исследований социальной политики, 19* (1), 101–114.

Кадомцева, С. В., Манахова, И. В. (2024). Государственные финансы и качество жизни населения регионов Северо-Западного федерального округа. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 16* (2), 63–79.

Калугина, З. И. (2020).Человеческий потенциал развития приграничных регионов Сибири. В *Континент Сибирь*. Под ред. В. А. Крюкова; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Всероссийский экономический журнал «ЭКО». Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 454.

Капелюшников, Р. (2013). Сколько стоит человеческий капитал России? *Вопросы экономики,* (1), 27–47; *Вопросы экономики,* (2), 24–46.

Карпенко, М. С., Колосов, В. А., Себенцов, А. Б. (2021). Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения. *Проблемы национальной стратегии,* (5(68)), 25–40. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25

Кашепов, А. В. (2021). Избыточная смертность населения в 2020–2021 гг. *Вестник Алтайской академии экономики и права,* (5), 200–207. URL: https://s.vaael.ru/pdf/2021/5-2/1706.pdf (дата обращения: 24.08.2024)

Киселева, Л. С. (2015). Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология. *Международный журнал экспериментального образования,* (8(1)), 17–20.

Клемешев, А. П. (Ред.) (2021). *Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России*. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья. Монография. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 213.

Кочева, Е. В. (2010). Развитие человеческого потенциала как объект статистического исследования. *Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета,* (4), 13–22.

Кравченко, Л. А. (2018). Сущность и составляющие развития человеческого потенциала. *Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции,* (3), 123–130.

Крюков, В. А., Баранов, А. О., Слепенкова, Ю. М. (2021). Динамика человеческого капитала в Азиатской России в первые десятилетия XXI века. *Экономика региона, 17* (4), 1181–1195. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-10

Кузнецова, Е. С. (2023). Демографический потенциал регионов западной части АЗРФ и арктических регионов европейских стран. *Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета,* (2), 107–114. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54331674 (дата обращения: 24.08.2024)

Кузнецова, Т. Ю. (2018). Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского

союза. *Балтийский регион, 10* (3), 41–57. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-3

Лапшин, В. А. (2013). Структурные компоненты человеческого потенциала. *Научный потенциал: работы молодых ученых,* (1), 259–263.

Леонидова, Г. В., Чекмарева, Е. А., Советов, П. М., Панов, М. М. (2015). *Трудовой потенциал сельских территорий: методологические аспекты оценки*. Препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 78.

Липатова, Л. Н., Градусова, В. Н. (2019). Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период. *Управленческое консультирование,* (6), 102–113. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-6-102-113

Логачева, Н. М. (2022). Методические подходы к выбору параметров оценки качества жизни населения в условиях цифровизации. В *Социально-экономическое развитие промышленного региона* (с. 18–23). Челябинск.

Логинова, Л. В. (2022). Миграция сельского населения в современных условиях: состояние, особенности и последствия. В *Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы* (с. 239–245). Саратов: ЦАИ СГАУ.

Логинова, Л. В., Щебланова, В. В. (2023). Миграция населения в приграничном регионе: состояние и тенденции (на примере Саратовской области). *Социологические исследования,* (10), 52–64.

Локосов, В. В. (2023). Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения. *Народонаселение, 26* (4), 4–14. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.1

Локосов, В. В. (2024). *Человеческий потенциал: определение и структура*. URL: https://www.fnisc.ru/files/File/Uchen_sovet_17_04_24_Lokosov.pdf (дата обращения: 24.08.2024)

Мазелис, Л. С., Красова, Е. В., Бойко, А. А. (2022). Комплексная оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации. *Экономика и управление, 28* (8), 753–766.

Максимова, С. Г., Омельченко, Д. А., Ноянзина, О. Е. (2022 а). Вклад человеческого капитала в региональное развитие: экспертные оценки структурных компонентов и институциональных условий в российском приграничье. *Society and Security Insights, 5* (2), 13–32. https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-01

Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. (2022 б). Интеллектуальный потенциал населения приграничных регионов России: оценка перспектив и барьеров развития. В *Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества:* сборник научных трудов V Международной конференции, Казань, 20–21 мая 2022 года (с. 361–372). Казань: Издательство Казанского университета.

Манаева, И. В. (2023). Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ. *Проблемы развития территории, 27* (4), 71–92.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. (1961). Сочинения. Т.20 (с. 486). Москва: Политиздат.

Матчинов, В. А., Моисеева, И. Г., Савкина, А. А. (2024). Индексная оценка объективных показателей качества жизни населения в контексте реализации национальных проектов в Калужской области. *Креативная экономика, 18* (5), 1059–1074.

Маханькова, И. В. (2023). Кластеризация районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей на основе экономических и социальных показателей. В *Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов:* материалы VIII международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 04–06 октября 2023 года (с. 106–111). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Первое экономическое издательство». https://doi.org/10.18334/9785912924927.106-111

Морошкина, М. В. (2022). Динамика развития человеческого и трудового потенциала приграничных регионов со странами-участниками ЕАЭС. *Проблемы современной экономики,* (4(84)), 20–23.

Мурашева, С. В. (2019). Влияние вынужденной миграции на принимающие регионы. *Society and Security Insights, 2* (3), 98–110. https://doi.org/10.14258/ssi(2019)3-6279

Орешников, В. В., Низамутдиров, М. М. (2023). Оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 9* (3), 192–213.

Осмоловская, Л. Г. (2016). Типология российских приграничных регионов по степени развития трансграничных связей. *Региональные исследования,* (1(51)), 126–135.

Пастухов, А. Л. (2019). Развитие человеческого и социального капиталов как факторов безопасности приграничных регионов. В *Инновационные технологии и вопросы обеспечения безопасности реальной экономики:* сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции (с. 199–208). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Петти, В. (1993). Трактат о налогах и сборах (A Treatise of Taxes and Contributions, 1662). Петрозаводск: Петроком, 156.

Подвойский, Г. Л. (2022). Вопросы воспроизводства человеческого потенциала в условиях новых вызовов. *Мир новой экономики, 16* (3): 63–74. https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-63-74

Попкова, Л. И. (2019). Теория и практика приграничных исследований. *Геополитика и экогеодинамика регионов, 5* (1), 243–249.

Попова, Г. В. (2009). Развитие: понятие и сущность (теоретический аспект). *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России,* (4(44)), 139–148.

Римашевская, Н. М. (2001). Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век. *Проблемы прогнозирования,* (3), 34–48 URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fp/3/03.pdf?ysclid=mgumy0yvjs570602407 (дата обращения: 24.08.2024)

Римашевская, Н. М., Мигранова, Л. А., Токсанбаева, М. С. (2014). Человеческий и трудовой потенциал российских регионов. *Народонаселение,* (3), 106–119

Рубанов, И. Н., Тикунов, В. С. (2007). О методике оценки индекса развития человеческого потенциала и его использовании в российских условиях. *Географический вестник,* (1–2(5)), 57–72.

Сахаровский, С. Н. (2012). Институциональные факторы формирования человеческого потенциала. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований), 4* (2), 83–92.

Селезнёв, П. С., Кашин, Е. А. (2021). Мировые подходы к оценке человеческого потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 11* (5), 35–39. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-5-35-39

Сен, А. (1989). *Развитие как расширение человеческого выбора*. Москва: Новое издательство.

Симонян, Р. Х., Слуцкин, Л. Н. (2020). Сравнительный анализ массового сознания студенческой молодежи российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничий: опыт математического моделирования. *Балтийский регион, 12* (2), 40–53. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-3.

Симонян, Р. Х. (2011). Реформы 1990-х годов: оценка сегодня. *Россия и современный мир,* (1(70)), 3. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Reformy_Simonyan.pdf (дата обращения: 24.08.2024)

Соболева, И. В., Чубарова, Т. В. (2023). Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (5), 40–58. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_5_40_58

Соболева, С. В., Григорьев, Ю. А., Смирнова, Н. Е., Чудаева, О. В. (2013). Воспроизводство и формирование населения сибирского приграничья: оценка преимуществ и угроз. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки, 13* (2), 142–156.

Соколов, А. А., Руднева, О. С. (2023). Региональные особенности демографических процессов в российско-казахстанском трансграничье. *Народонаселение, 26* (3), 30–42. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.3

Студентова, Е. А. (2020). Учет приграничного потенциала в стратегиях социально — экономического развития муниципалитетов Зауралья. *Вестник Томского государственного университета. Экономика,* (51). https://doi.org/10.17223/19988648/51/3

Сысоева, Н. М. (2024). Проблемы реализации человеческого потенциала приграничной полосы азиатской России. В *Человеческий капитал современного общества: проблемы оценки и перспективы развития:* материалы Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием (к 75-летию со дня рождения ученого, общественного деятеля, д-ра экон. наук, профессора Е. Д. Цыреновой), Улан-Удэ, 06 февраля 2024 года (с. 146–153). Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

Тихонова, Н. Е. (2012). Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России. *Terra Economicus, 10* (1), 137.

Толкунов, В. А. (2021). Характеристика экономического потенциала Брянской области. *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия,* (3(59)), 143–152.

Троицкий, Е. С. (2007). *Д. И. Менделеев: систему процветания России — в жизнь!* Москва: Издательский дом «Граница».

Троянская, М. А. (2021). Миграция на приграничных территориях России и Казахстана: практические аспекты. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 17* (1(394)), 4–25. https://doi.org/10.24891/ni.17.1.4

Тупикина, Е. Н., Кочева, Е. В. (2011). Развитие человеческого потенциала: статистическое исследование. *Успехи современного естествознания,* (10), 83–84. URL: https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=28771 (дата обращения: 26.02.2025).

Федорова, М. Н. (2023). Развитие человеческого потенциала России: необходимость комплексного решения проблем. В *Воспроизводство национального человеческого потенциала в условиях глобальных вызовов:* сборник статей. Отв. ред. И. В. Соболева, Т. В. Чубарова. Москва: ИЭ РАН, 284. URL: https://inecon.org/docs/2023/Soboleva_Chubarova_book_2023.pdf (дата обращения: 24.08.2024)

Федотов, А. А. (2021). Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая). *Народонаселение, 24* (2), 53–65. https://doi.org/10.19181/ population.2021.24.2.5.

Федотов, А. А. (2020). Человеческий потенциал и качество населения: подходы к определению. *International Journal of Humanities and Natural Sciences,* (3-2(42)), 79–86

Халикова, С. С. (2022). Жизненные стратегии дальневосточной молодежи. *Власть и управление на Востоке России,* (1(98)), 117–124.

Цыренова, Е. Д., Сахаровский, С. Н., Целовальникова, Л. Ю. (2014). Человеческий капитал в системе родственных понятий. *Вестник ВСГУТУ,* (6), 140–146.

Чекмарева, Е. А., Устинова, К. А., Лихачева, Т. Н. (2017). Теоретико-методологические подходы к исследованию человеческого потенциала сельских территорий. *Проблемы развития территории,* (4(90)), 96–111.

Черепанова, М. И., Гришанова, М. А., Плотникова, М. В. (2022). Образовательный потенциал населения приграничных регионов России. *Society and Security Insights, 5* (2), 33–46. https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-02.

Шаралдаев, Б. Б., Шаралдаева, И. А., Бадмаев, А. Г. (2021). Трансграничное сотрудничество России и Китая в условиях новой мировой геополитики. *Вестник Забайкальского государственного университета, 27* (9), 121–128;

Юдин, Б. Г. (1998). Концепция человеческого потенциала как программа исследований. В *Человек — Философия — Гуманизм:* основные доклады и об-

зоры Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). В 9 т. Т. 9 (с. 47–54). Санкт-Петербург: Политиздат.

Яковенко, Н. В., Чугунова, Н. В. (2022). Многофакторный подход к оценке социально-экономико-экологического метрополитенного развития приграничных областей Центрально-Черноземного района (Белгородская, Воронежская, Курская области) для разработки модельной концепции. *Юг России: экология, развитие, 17* (3(64)), 163–174. https://doi.org/10.18470/1992-1098-2022-3-163-174.

Яковлева, Н. Г. (2023). Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала. *Уровень жизни населения регионов России, 19*(1), 36–46. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46

Яськова, Т. И. (2021). Межстоличное положение как вызов социально-экономическому развитию российско-белорусского приграничья. *Региональные исследования,* (2), 74–85. https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-2-7.

Приложение А

Характеристика рейтингов по оценке качества жизни населения регионов

Таблица А1

Сравнительная характеристика рейтингов по оценке качества жизни населения приграничных регионов

Название рейтинга	Цель составления	Компоненты КЖ в рейтинге	Количество «объективных» показателей	Количество опросных, «субъективных» показателей	Лидеры и аутсайдеры рейтинга по самому свежему из доступных
Рейтинг регионов по качеству жизни (АСИ Рейтинг качества жизни), 2023 г.	Цель рейтинга — оценить усилия региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан; разработан для общей оценки удовлетворенности людей социальной сферой и местом, в котором человек живет	Показатели объединены в 10 групп: 1. Медицинское обслуживание 2. Образование и развитие 3. Жилье и инфраструктура 4. Потребление и досуг 5. Чистота и экология 6. Инклюзивность и равенство 7. Безопасность 8. Социальная защита 9. Государственные услуги и сервисы 10. Возможности для работы и своего дела	74 показателя статистики и геоаналитики	67 опросных показателей	Регионы-лидеры: 3. Тюменская область 9. Сахалинская область Регионы-аутсайдеры: н/д

Продолжение табл. А1 на след. стр.

Продолжение табл. А1

Название рейтинга	Цель составления	Компоненты КЖ в рейтинге	Количество «объективных» показателей	Количество опросных, «субъективных» показателей	Лидеры и аутсайдеры рейтинга по самому свежему из доступных
Рейтинг качества жизни населения регионов РФ (РИА Рейтинг качества жизни), 2023 г.	Цель отсутствует	Показатели, объединены в 11 групп: 1. Уровень доходов населения 2. Занятость населения и рынок труда 3. Жилищные условия населения 4. Безопасность проживания 5. Демографическая ситуация 6. Экологические и климатические условия 7. Здоровье населения и уровень образования 8. Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры 9. Уровень экономического развития 10. Уровень развития малого бизнеса 11. Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры	66 показателей статистики	Опросные показатели отсутствуют	Регионы-лидеры: 4. Краснодарский край 6. Ленинградская область 7. Калининградская область 9. Ростовская область 10. Самарская область Регионы-аутсайдеры: 1. Республика Калмыкия 2. Курганская область 4. Карачаево-Черкесская Республика 5. Республика Алтай 7. Забайкальский край 8. Еврейская автономная область 9. Республика Ингушетия

Продолжение табл. А1 на след. стр.

Продолжение табл. А1

Название рейтинга	Цель составления	Компоненты КЖ в рейтинге	Количество «объективных» показателей	Количество опросных, «субъективных» показателей	Лидеры и аутсайдеры рейтинга по самому свежему из доступных
Рейтинг качества жизни регионов РФ РБК, 2021 г.	Цель рейтинга — это способ ранжировать регионы не по традиционным показателям экономического потенциала или инвестиционной активности, а по целому ряду индикаторов, непосредственно отражающих уровень жизни россиян, проживающих в той или иной местности (розничный товарооборот на душу населения в регионе, доступность жилья, обеспеченность медиками, климатическая зона и другие — всего десять индикаторов)	Показатели объединены в 10 групп: 1. Уровень покупательной активности 2. Доступность жилья 3. Способность населения обслуживать кредиты 4. Уровень официальной занятости 5. Уровень накопления населения 6. Обеспеченность основными фондами социальной сферы 7. Обеспеченность жильем 8. Обеспеченность педагогическим составом 9. Обеспеченность медиками 10. Климатическая зона	10 статистических показателей	Опросные показатели отсутствуют	Регионы-лидеры: 3. Белгородская область 5. Воронежская область 6. Краснодарский край 8. Тюменская область Регионы-аутсайдеры: 2. Кабардино-Балкарская республика 3. Курганская область 5. Республика Ингушетия 6. Республика Калмыкия 7. Еврейская автономная область 8. Республика Алтай 9. Карачаево-Черкесская Республика

Продолжение табл. А1 на след. стр.

Продолжение табл. А1

Название рейтинга	Цель составления	Компоненты КЖ в рейтинге	Количество «объективных» показателей	Количество опросных, «субъективных» показателей	Лидеры и аутсайдеры рейтинга по самому свежему из доступных
Индекс качества городской среды, 2023 г.	Цель индекса качества городской среды — стать инструментом для оценки качества городской среды и условий ее формирования, что позволит использовать результаты оценки для создания рекомендаций по улучшению среды	6 типов городского пространства и 6 критериев городской среды, в результате складывается матрица из 36 индикаторов	36 показателей статистики	Опросные показатели отсутствуют	—
ESG-индекс городов и регионов	Цель разработки ESG-индекса — определение оценки статуса и прогресса развития городов и регионов России. Индекс — общая система координат и инструментов для помощи в комплексном развитии территорий[1]	Показатели группируются отдельно по уровню «Город» и уровню «Регион»	Для оценки уровня «Регион» используются 68 показателей статистики: — окружающая среда — 14 — общество — 43 — управление — 11	Для оценки уровня «Город» используются 50 показателей (по количеству опросных показателей данные отсутствуют)	Регионы-лидеры: 1. Белгородская область, 2. Воронежская область, 3. Калининградская область, 4. Камчатский край, 5. Краснодарский край Регионы-аутсайдеры: н/д

Окончание табл. А1 на след. стр.

Окончание табл. А1

Название рейтинга	Цель составления	Компоненты КЖ в рейтинге	Количество «объективных» показателей	Количество опросных, «субъективных» показателей	Лидеры и аутсайдеры рейтинга по самому свежему из доступных
ESG-индекс городов и регионов	Цель разработки ESG-индекса — определение оценки статуса и прогресса развития городов и регионов России. Индекс — общая система координат и инструментов для помощи в комплексном развитии территорий[1]	Показатели группируются отдельно по уровню «Город» и уровню «Регион»	Для оценки уровня «Город» используются 50 показателей: — окружающая среда — 10 — общество — 30 — управление — 10	Для оценки уровня «Город» используются 50 показателей (по количеству опросных показателей данные отсутствуют)	Регионы-лидеры: 1. Белгородская область, 2. Воронежская область, 3. Калининградская область, 4. Камчатский край, 5. Краснодарский край Регионы-аутсайдеры: н/д

[1] Результаты формирования Индекса используются в реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», национального проекта «Жилье и городская среда», в том числе для определения размера субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды.

Источник: составлено авторами по данным: 1. Рейтинг регионов по качеству жизни (АСИ Рейтинг качества жизни), 2023 г. Рейтинг качества жизни — 2023. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/?ysclid=m3v3o96sqo76371307 (дата обращения: 15.09.2025).

2. Рейтинг качества жизни населения регионов РФ (РИА Рейтинг качества жизни), 2023 г. Рейтинг регионов по качеству жизни — 2023. URL: https://riarating.ru/infografika/20240212/630257500.html (дата обращения: 15.09.2025).

3. Рейтинг качества жизни регионов РФ РБК, 2021 г. URL: https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/6078136e9a7947d0e9e1b1fb?ysclid=m3v3s16ce5815526941(дата обращения: 15.09.2025).

4. Индекс качества городской среды, 2023 г.URL: https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/ (дата обращения: 15.09.2025).

5. ESG-индекс городов и регионов, 2023 г. ESG-рейтинг городов и регионов URL: https://устойчивые-территории.города.рф/ (дата обращения: 15.09.2025).

Приложение Б

Показатели приграничных регионов европейской части РФ

Таблица Б1

Экономические показатели приграничного макрорегиона МР1

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.)			Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	376223,1	958811,4	154,9	93725,0	189929,0	102,6
Среднее по всем приграничным регионам	261541,0	652529,2	149,5	75563,7	175338,8	132,0
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	229185,8	563696,2	146,0	68819,4	127282,2	85,0
Среднее по макрорегиону	306867,7	889376,9	189,8	80934,0	208206,6	157,3
Республика Карелия	287744,6	738326,4	156,6	53808,0	180278,0	235,0
Калининградская область	287490,4	715358,6	148,8	71642,0	136223,0	90,1
Ленинградская область	381510,3	822793,9	115,7	144304,0	270827,0	87,7
Мурманская область	402526,1	1735233,4	331,1	90984,0	386862,0	325,2
Псковская область	175067,2	435172,2	148,6	43932,0	66843,0	52,2

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б2

Демографические показатели приграничного макрорегиона МР1

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.
Среднее по РФ	143805638	146713743	2,02	83135711	81538145	–1,9	29,0	4,0	–25
Среднее по всем приграничным регионам	1532083	1531686	–0,03	873351	833782	–4,5	–27,0	–20,0	7
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	1579408	1630671	3,25	882169	887061	0,6	–8,0	–8,0	0
Среднее по макрорегиону	955232	966200	1,15	532271	521175	–2,1	–18,2	27,4	46
Республика Карелия	620815	530132	–14,61	350784	266192	–24,1	–130,0	15,0	145
Калининградская область	959635	1031661	7,51	566242	589642	4,1	97,0	61,0	–36
Ленинградская область	1779030	2014894	13,26	912293	1062200	16,4	173,0	157,0	–16
Мурманская область	761637	661969	–13,09	473078	380359	–19,6	–207,0	–52,0	155
Псковская область	655041	592342	–9,57	358957	307482	–14,3	–24,0	–44,0	–20

Источник: рассчитано авторами по данным: ЕМИСС. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31556; ЕМИСС. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36730; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б3

Социальные показатели (здравоохранение) приграничного макрорегиона МР1

Субъекты РФ	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел.)			Прерывание беременности (аборты) (ед. на 1000 женщин 15–49 лет)		
	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	13,0	9,0	–4,0	28	15	–46,4
Среднее по всем приграничным регионам	14,0	10,0	–4,7	31	16	–48,9
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	14,0	9,0	–4,2	23	12	–48,5
Среднее по макрорегиону	11,2	7,6	–3,6	33	16	–50,0
Республика Карелия	11,9	8,2	–3,7	39	16	–59,0
Калининградская область	12,4	7,9	–4,5	34	14	–58,8
Ленинградская область	8,8	6,0	–2,8	23	10	–56,5
Мурманская область	11,9	8,5	–3,4	25	19	–24,0
Псковская область	11,0	7,3	–3,7	43	23	–46,5

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б4

Показатели в сфере образования приграничного макрорегиона МР1

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (человек на 10 000 человек населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	48	43	–10,4	31	42	35,5	90	56	–37,8	9	7	–22,2
Среднее по всем приграничным регионам	55	46	–16,5	32	44	39,7	76	43	–43,8	6	4	–34,4
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	54	41	–24,5	28	42	53,3	72	42	–42,2	5	4	–24,2
Среднее по макрорегиону	44	44	0,4	27	38	40,0	58	25	–57,6	4	3	–28,8
Республика Карелия	55	60	10,2	31	49	60,2	55	36	–34,6	4	3	–32,6
Калининградская область	47	46	–2,8	32	41	26,0	77	34	–56,0	8	5	–35,8
Ленинградская область	30	26	–11,7	11	16	41,3	12	4	–66,4	0	1	40,8
Мурманская область	43	45	4,6	33	44	33,5	83	18	–78,1	5	3	–34,9
Псковская область	46	44	–4,2	27	39	41,3	66	32	–51,1	3	3	–2,6

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б5

Экономические показатели приграничного макрорегиона МР2

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.)			Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	376223,1	958811,4	154,9	93725,0	189929,0	102,6
Среднее по всем приграничным регионам	261541,0	652529,2	149,5	75563,7	175338,8	132,0
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	229185,8	563696,2	146,0	68819,4	127282,2	85,0
Среднее по макрорегиону	249859,3	571644,1	128,8	67828,3	119666,0	76,4
Белгородская область	368593,1	859545,1	133,2	83891,0	126882,0	51,2
Брянская область	176108,0	474159,6	169,2	48764,0	75434,0	54,7
Курская область	242938,0	620432,2	155,4	63932,0	188884,0	195,4
Смоленская область	233809,0	549222,4	134,9	57569,0	73758,0	28,1
Республика Крым	*	340924,6	*	*	111277,0	*
Ростовская область	215492,0	556629,3	158,3	59675,0	111406,0	86,7
Воронежская область	262215,8	600596,0	129,0	93139,0	150021,0	61,1

Примечание: * — статистические данные по республике Крым за 2013 г. отсутствуют.

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б6

Демографические показатели приграничного макрорегиона МР2

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.
Среднее по РФ	143805638	146713743	2,02	83135711	81538145	–1,9	29	4	–25
Среднее по всем приграничным регионам	1532083	1531686	0,00	873351	833782	–4,5	–27	–20	7
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	1579408	1630671	3,00	882169	887061	0,6	–8	–8	0
Среднее по макрорегиону	1910911	1861852	–2,57	1063432	997607	–6,2	9	–24	–33
Белгородская область	1543725	1525496	–1,18	871775	820788	–5,8	46	–73	–119
Брянская область	1246410	1158570	–7,05	654134	571911	–12,6	–46	–20	26
Курская область	1117744	1072595	–4,04	604608	550442	–9,0	37	–16	–53
Смоленская область	966118	879971	–8,92	543424	449724	–17,2	–40	–52	–12
Республика Крым	*	1923948	*	*	1039594	*	*	–12	*
Ростовская область	4258577	4178435	–1,88	2401678	2305569	–4,0	8	–1	–9
Воронежская область	2332889	2293949	–1,67	1304975	1245220	–4,6	48	3	–45

Примечание: * — статистические данные по республике Крым за 2013 г. отсутствуют.

Источник: рассчитано авторами по данным: ЕМИСС. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31556; ЕМИСС. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36730; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б7

Социальные показатели (здравоохранение) приграничного макрорегиона МР2

Субъекты РФ	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел.)			Прерывание беременности (аборты) (ед. на 1000 женщин 15–49 лет)		
	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	13	9	–4,0	28	15	–46,4
Среднее по всем приграничным регионам	14	10	–4,7	31	16	–48,9
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	14	9	–4,2	23	12	–48,5
Среднее по макрорегиону	11	7	–3,8	25	12	–51,2
Белгородская область	12	7	–4,5	17	8	–52,9
Брянская область	11	7	–4,0	33	17	–48,5
Курская область	12	7	–4,2	32	14	–56,3
Смоленская область	11	6	–4,4	28	16	–42,9
Республика Крым	*	9	*	*	12	*
Ростовская область	12	8	–3,9	18	10	–44,4
Воронежская область	11	8	–3,2	23	9	–60,9

Примечание: *статистические данные по республике Крым за 2013 г. отсутствуют.

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б8

Социальные показатели (образование) приграничного макрорегиона МР2

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (человек на 10 000 человек населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	48	43	–10,4	31	42	35,5	90	56	–37,8	9	7	–22,2
Среднее по всем приграничным регионам	55	46	–16,5	32	44	39,7	76	43	–43,8	6	4	–34,4
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	54	41	–24,5	28	42	53,3	72	42	–42,2	5	4	–24,2
Среднее по макрорегиону	49	40	–19,0	34	43	25,4	97	56	–42,6	7	5	–26,0
Белгородская область	54	37	–32,5	27	45	63,8	97	57	–40,9	9	10	11,1
Брянская область	57	45	–21,2	34	43	25,1	83	39	–53,0	4	4	2,4
Курская область	49	39	–20,4	38	50	34,0	123	66	–46,4	9	6	–41,0
Смоленская область	45	42	–5,5	35	42	19,5	84	47	–44,4	3	2	–25,3
Республика Крым	*	40	*	*	34	*	*	40	*	*	3	*
Ростовская область	45	35	–21,0	34	48	39,6	92	63	–31,2	9	7	–25,0
Воронежская область	46	42	–8,8	36	38	4,1	102	77	–24,0	10	7	–30,4

Примечание: *статистические данные по республике Крым за 2013 г. отсутствуют.

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б9

Экономические показатели приграничного макрорегиона МРЗ

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.)			Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	376223,1	958811,4	154,9	93725,0	189929,0	102,6
Среднее по всем приграничным регионам	261541,0	652529,2	149,5	75563,7	175338,8	132,0
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	229185,8	563696,2	146,0	68819,4	127282,2	85,0
Среднее по макрорегиону	155978,6	323119,1	107,2	61015,6	77095,3	26,4
Краснодарский край	307971,4	738801,1	139,9	177970,0	118562,0	–33,4
Республика Дагестан	152776,7	285551,7	86,9	60598,0	98239,0	62,1
Республика Ингушетия	102879,9	159603,5	55,1	42791,0	44488,0	4,0
Кабардино-Балкарская Республика	128113,9	286415,1	123,6	25703,0	63980,0	148,9
Карачаево-Черкесская Республика	140225,1	268526,2	91,5	45777,0	72554,0	58,5
Республика Северная Осетия — Алания	168273,0	316184,7	87,9	40860,0	63417,0	55,2
Чеченская Республика	91610,2	206751,3	125,7	33410,0	78427,0	134,7

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б10

Демографические показатели приграничного макрорегиона МРЗ

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.
Среднее по РФ	143805638	146713743	2,0	83135711	81538145	–1,9	29	4	–25
Среднее по всем приграничным регионам	1532083	1531686	0,0	873351	833782	–4,5	–27	–20	7
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	1579408	1630671	3,2	882169	887061	0,6	–8	–8	0
Среднее по макрорегиону	1741104	1874112	7,6	976728	1037863	6,3	–14	–16	–2
Краснодарский край	5399752	5825693	7,9	3096253	3260157	5,3	159	20	–139
Республика Дагестан	2964340	3198342	7,9	1706950	1789309	4,8	–61	–11	50
Республика Ингушетия	444855	515197	15,8	247202	301427	21,9	37	31	–6
Кабардино-Балкарская Республика	866194	903802	4,3	499861	502934	0,6	–37	–36	1
Карачаево-Черкесская Республика	471432	468770	–0,6	265298	257418	–3,0	–83	–14	69
Республика Северная Осетия — Алания	705030	683071	–3,1	387179	380424	–1,7	–81	–65	16
Чеченская Республика	1336127	1523906	14,1	634352	773369	21,9	–34	–38	–4

Источник: рассчитано авторами по данным: ЕМИСС. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31556; ЕМИСС. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36730; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б11

Социальные показатели (здравоохранение) приграничного макрорегиона МРЗ

Субъекты РФ	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел.)			Прерывание беременности (аборты) (ед. на 1000 женщин 15–49 лет)		
	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	13,0	9,0	–4,0	28	15	–46,4
Среднее по всем приграничным регионам	14,0	10,0	–4,7	31	16	–48,9
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	14,0	9,0	–4,2	23	12	–48,5
Среднее по макрорегиону	17,5	12,9	–4,6	14	8	–42,6
Краснодарский край	13,1	9,2	–3,9	21	11	–47,6
Республика Дагестан	18,8	13,3	–5,5	10	6	–40,0
Республика Ингушетия	21,2	15,3	–5,9	11	6	–45,5
Кабардино-Балкарская Республика	15,6	11,1	–4,5	13	6	–53,8
Карачаево-Черкесская Республика	13,9	9,4	–4,5	15	8	–46,7
Республика Северная Осетия — Алания	15,3	11,0	–4,3	19	11	–42,1
Чеченская Республика	24,7	20,8	–3,9	12	10	–16,7

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица Б12

Социальные показатели (образование) приграничного макрорегиона МРЗ

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (чел. на 10 000 чел. населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	48	43	–10,4	31	42	35,5	90	56	–37,8	9	7	–22,2
Среднее по всем приграничным регионам	55	46	–16,5	32	44	39,7	76	43	–43,8	6	4	–34,4
Среднее по всем «европейским» приграничным регионам	54	41	–24,5	28	42	53,3	72	42	–42,2	5	4	–24,2
Среднее по макрорегиону	66	40	–39,6	22	45	100,7	61	40	–34,5	4	3	–23,2
Краснодарский край	39	40	1,9	35	48	35,4	71	38	–46,4	4	3	–28,3
Республика Дагестан	72	33	–54,5	20	45	124,6	65	32	–51,3	3	2	–32,1
Республика Ингушетия	81	35	–56,8	16	49	208,4	45	33	–26,6	2	1	–65,1
Кабардино-Балкарская Республика	72	46	–35,1	21	33	59,7	50	31	–37,6	6	4	–25,9

Окончание табл. Б12 на след. стр.

Окончание табл. Б12

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (чел. на 10 000 чел. населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Карачаево-Черкесская Республика	53	34	–35,6	11	45	322,4	59	47	–21,0	4	4	–5,7
Республика Северная Осетия — Алания	78	42	–45,6	24	48	100,4	89	59	–34,5	9	7	–21,0
Чеченская Республика	69	49	–28,5	30	47	55,6	46	39	–13,8	1	2	39,2

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Приложение В
Показатели приграничных регионов азиатской части РФ

Таблица В1

Экономические показатели приграничного макрорегиона МР4

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	376223,1	958811,4	154,9	93725,0	189929,0	102,6
Среднее по приграничным регионам	261541,0	652529,2	149,5	75563,7	175338,8	132,0
Среднее по «азиатским» приграничным регионам	289274,0	732902,0	153,4	81344,5	218818,5	169,0
Среднее по макрорегиону	269766,7	623868,7	131,3	71608,0	109546,6	53,0
Астраханская область	271899,3	801999,8	195,0	120785,0	90252,0	–25,3
Волгоградская область	234934,7	491186,6	109,1	54610,0	87238,0	59,7
Саратовская область	209176,4	493792,4	136,1	50335,0	85911,0	70,7
Самарская область	325671,7	754217,9	131,6	83972,0	141650,0	68,7
Оренбургская область	359328,3	850040,2	136,6	75970,0	126953,0	67,1
Челябинская область	252946,0	673544,8	166,3	61635,0	109287,0	77,3
Курганская область	191153,9	442701,5	131,6	37673,0	71277,0	89,2
Тюменская область	600110,8	1071252,3	78,5	175111,0	222827,0	27,2
Омская область	280429,7	514203,2	83,4	53516,0	103898,0	94,1
Новосибирская область	300099,4	693656,0	131,1	67638,0	115323,0	70,5

Окончание табл. В1 на след. стр.

Окончание табл. В1

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Алтайский край	175666,0	440933,3	151,0	39498,0	68068,0	72,3
Республика Алтай	159791,0	434627,5	172,0	56175,0	147730,0	163,0
Республика Калмыкия	145760,6	448137,3	207,4	53986,0	53692,0	–0,5

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В2

Демографические показатели приграничного макрорегиона МР4

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.
РФ	143805638	146713743	2,00	83135711	81538145	–1,9	29,00	4,00	–25,00
Среднее по приграничным регионам	1532083	1531686	–0,03	873351	833782	–4,5	–27,31	–20,35	6,96
Среднее по всем «азиатским» регионам	1491518	1490686	–0,10	865792	851318	–1,7	–44,14	–29,62	14,52
Среднее по макрорегиону	1895805	1838419	–3,00	1095412	990010	–9,6	–19,69	–23,30	–3,61
Астраханская область	1007421	954164	–5,30	589456	522821	–11,3	–28,00	–50,00	–22,00
Волгоградская область	2585707	2481432	–4,00	1469607	1348913	–8,2	–19,00	–25,00	–6,00
Саратовская область	2515480	2417978	–3,90	1415922	1291916	–8,8	27,00	–33,00	–60,00
Самарская область	3219640	3153533	–2,10	1867312	1738943	–6,9	22,00	–6,00	–28,00
Оренбургская область	1995431	1848579	–7,40	1142881	969384	–15,2	–82,00	–27,00	55,00
Челябинская область	3488252	3414351	–2,10	2000820	1868576	–6,6	13,00	0,05	–12,95
Курганская область	873840	766959	–12,20	455934	361445	–20,7	–113,00	–58,00	55,00
Тюменская область	1408417	1605583	14,00	947918	906810	–4,3	155,00	32,00	–123,00
Омская область	1967459	1841800	–6,40	1128725	939364	–16,8	–27,00	–53,00	–26,00
Новосибирская область	2724153	2795879	2,60	1604391	1555004	–3,1	79,00	30,00	–49,00

Окончание табл. В2 на след. стр.

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.
Алтайский край	2368759	2142941	–9,50	1345567	1123176	–16,5	–71,00	–36,00	35,00
Республика Алтай	208482	210789	1,10	116389	111217	–4,4	–84,00	–17,00	67,00
Республика Калмыкия	282421	265458	–6,00	155435	132560	–14,7	–128,00	–60,00	68,00

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31556; ЕМИСС. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36730; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В3

Показатели в сфере здравоохранения приграничного макрорегиона МР4

Субъекты РФ	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел.)			Прерывание беременности (аборты) (ед. на 1000 женщин 15–49 лет)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
РФ	13	9	–32,6	28	15	–46,4
Среднее по приграничным регионам	14	10	–4,7	31	16	–48,9
Среднее по всем «азиатским» регионам	15	10	–34,7	38	20	–48,6
Среднее по макрорегиону	14	9	–37,2	33	18	–47,6
Астраханская область	15	10	–31,8	21	12	–42,9
Волгоградская область	12	7	–38,3	33	14	–57,6
Саратовская область	11	7	–40,4	25	15	–40,0
Самарская область	12	8	–35,8	24	13	–45,8
Оренбургская область	15	9	–41,2	50	24	–52,0
Челябинская область	14	9	–35,5	34	18	–47,1
Курганская область	14	8	–41,4	46	29	–37,0
Тюменская область	17	11	–33,1	40	21	–47,5
Омская область	15	9	–40,8	27	13	–51,9
Новосибирская область	14	10	–31,9	43	22	–48,8
Алтайский край	13	8	–38,8	29	16	–44,8
Республика Алтай	21	13	–37,9	45	24	–46,7
Республика Калмыкия	15	9	–37,7	18	7	–61,1

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В4

Показатели в сфере образования приграничного макрорегиона МР4

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (человек на 10 000 человек населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
РФ	48	43	–9,5	31	42	36,8	90	56	–38,0	9	7	–18,5
Среднее по приграничным регионам	54	45	–16,7	32	44	39,7	76	43	–43,8	6	4	–34,4
Среднее по всем «азиатским» регионам	56	50	–11,5	35	46	30,9	79	44	–44,9	7	4	–41,4
Среднее по макрорегиону	54	47	–13,8	37	49	33,2	88	50	–42,8	8	5	–39,1
Астраханская область	89	57	–36,2	46	52	14,8	73	58	–21,5	7	6	–14,4
Волгоградская область	37	39	5,6	36	46	26,6	93	45	–51,6	7	4	–41,4
Саратовская область	43	37	–14,4	38	44	16,0	90	60	–34,0	10	5	–52,5
Самарская область	47	39	–17,1	33	47	42,2	95	60	–37,1	9	8	–6,2
Оренбургская область	47	40	–14,1	45	53	17,5	71	43	–39,9	4	2	–43,4
Челябинская область	42	39	–7,6	31	47	49,0	91	47	–48,3	6	4	–40,2
Курганская область	43	39	–10,1	33	43	29,7	74	37	–50,9	3	2	–17,2
Тюменская область	53	63	19,7	34	40	18,8	151	57	–62,3	10	5	–51,7

Окончание табл. В4 на след. стр.

Окончание табл. В4

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (человек на 10 000 человек населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Омская область	53	44	–17,6	42	54	29,0	91	67	–26,4	9	6	–33,3
Новосибирская область	47	50	6,5	28	44	56,9	98	60	–38,6	13	10	–22,6
Алтайский край	51	47	–7,0	31	42	34,4	60	39	–35,1	5	4	–32,6
Республика Алтай	62	57	–8,7	43	62	42,9	62	24	–62,0	4	1	–77,4
Республика Калмыкия	90	56	–38,0	35	60	70,2	89	57	–36,2	12	4	–68,7

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В5

Экономические показатели приграничного макрорегиона МР5

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	376223,1	958811,4	154,9	93725,0	189929,0	102,6
Среднее по приграничным регионам	261541,0	652529,2	149,5	75563,7	175338,8	132,0
Среднее по «азиатским» приграничным регионам	289274,0	732902,0	153,4	81344,5	218818,5	169,0
Среднее по макрорегиону	254419,4	665196,9	161,5	82139,2	243526,4	196,5
Забайкальский край	211655,3	549172,0	159,5	52583,0	182749,1	247,5
Амурская область	259501,7	794644,1	206,2	125297,0	610703,0	387,4
Еврейская автономная область	225611,9	543204,8	140,8	83526,0	135446,0	62,2
Хабаровский край	371974,6	828825,8	122,8	111915,0	205471,0	83,6
Приморский край	297982,4	840706,9	182,1	63339,0	179059,0	182,7
Республика Алтай	159791,0	434627,5	172,0	56175,0	147730,0	163,0

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder

Таблица В6

Демографические показатели приграничного макрорегиона МР5

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. /2013 г.
Среднее по РФ	143805638	146713743	2,00	83135711	81538145	–1,9	29,00	4,00	–25,00
Среднее по приграничным регионам	1532083	1531686	–0,03	873351	833782	–4,5	–27,31	–20,35	6,96
Среднее по всем «азиатским» регионам	1491518	1490686	–0,10	865792	851318	–1,7	–44,14	–29,62	14,52
Среднее по макрорегиону	925127	872519	–5,70	549895	499656	–9,1	–85,00	–47,00	38,00
Забайкальский край	1083079	996474	–8,00	634749	564775	–11,0	–114,00	–55,00	59,00
Амурская область	811944	759884	–6,40	475054	444439	–6,4	–81,00	–40,00	41,00
Еврейская автономная область	170331	148519	–12,80	95214	77228	–18,9	–153,00	–87,00	66,00
Хабаровский край	1338982	1288427	–3,80	815529	747872	–8,3	–28,00	–23,00	5,00
Приморский край	1937946	1831019	–5,50	1162436	1052403	–9,5	–47,00	–57,00	–10,00
Республика Алтай	208482	210789	1,10	116389	111217	–4,4	–84,00	–17,00	67,00

Источник: рассчитано авторами по данным: ЕМИСС. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31556; ЕМИСС. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36730; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В7

Показатели в сфере здравоохранения приграничного макрорегиона МР5

Субъекты РФ	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел.)			Прерывание беременности (аборты) (ед. на 1000 женщин 15–49 лет)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
РФ	13,0	9,0	–32,6	28,0	15,0	–46,4
Среднее по приграничным регионам	14,0	10,0	–4,7	31,0	16,0	–48,9
Среднее по всем «азиатским» регионам	15,0	10,0	–34,7	38,0	20,0	–48,6
Среднее по макрорегиону	15,2	10,2	–32,9	43,5	22,0	–49,4
Забайкальский край	15,9	11,2	–29,6	42,0	23,0	–45,2
Амурская область	14,1	9,1	–35,5	49,0	22,0	–55,1
Еврейская автономная область	13,7	9,5	–30,7	54,0	24,0	–55,6
Хабаровский край	13,9	9,6	–30,9	42,0	23,0	–45,2
Приморский край	12,7	8,8	–30,7	29,0	16,0	–44,8
Республика Алтай	21,1	13,1	–37,9	45,0	24,0	–46,7

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В8

Показатели образования регионов приграничного макрорегиона МР5

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (человек на 10 000 человек населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
РФ	48	43	–9,5	31	42	36,8	90	56	–38,0	9	7	–18,5
Среднее по приграничным регионам	54	45	–16,7	32	44	39,7	76	43	–43,8	6	4	–34,4
Среднее по всем «азиатским» регионам	56	50	–11,5	35	46	30,9	79	44	–44,9	7	4	–41,4
Среднее по макрорегиону	52	51	–3,0	35	46	29,9	70	37	–47,7	5	2	–51,9
Забайкальский край	54	50	–7,9	32	44	36,6	54	33	–39,2	4	2	–57,7
Амурская область	50	50	–1,0	44	50	12,8	65	32	–51,6	3	3	–22,5
Еврейская автономная область	53	54	1,9	23	27	14,7	47	27	–42,7	3	1	–49,3
Хабаровский край	46	44	–4,5	37	47	27,3	114	61	–46,3	8	4	–53,3
Приморский край	47	49	3,5	32	46	43,4	79	44	–44,0	8	4	–47,1
Республика Алтай	62	57	–8,7	43	62	42,9	62	24	–62,0	4	1	–77,4

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В9

Экономические показатели приграничного макрорегиона МР6

Субъекты РФ	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	ВРП на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2013 г.	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб./чел.), 2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
Среднее по РФ	376223,1	958811,4	154,9	93725,0	189929,0	102,6
Среднее по приграничным регионам	261541,0	652529,2	149,5	75563,7	175338,8	132,0
Среднее по «азиатским» приграничным регионам	289274,0	732902,0	153,4	81344,5	218818,5	169,0
Среднее по макрорегиону	171 453,0	440 430,8	156,9	49 180,3	122 647,3	149,4
Республика Алтай	159791,0	434627,5	172,0	56175,0	147730,0	163,0
Республика Тыва	132 391,2	320 059,3	141,8	44805,0	51414,0	14,8
Республика Бурятия	181 975,1	457 864,5	151,6	43158,0	108696,0	151,9
Забайкальский край	211655,3	549172,0	159,5	52583,0	182749,1	247,5

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В10

Демографические показатели приграничного макрорегиона МР6

Субъекты РФ	Численность населения, чел.			Население в трудоспособном возрасте, чел.			Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Изменение 2022 г. / 2013 г.
Среднее по РФ	143805638	146713743	2,00	83135711	81538145	–1,9	29,00	4,00	–25,00
Среднее по приграничным регионам	1532083	1531686	–0,03	873351	833782	–4,5	–27,31	–20,35	6,96
Среднее по всем «азиатским» регионам	1491518	1490686	–0,10	865792	851318	–1,7	–44,14	–29,62	14,52
Среднее по макрорегиону	643889	629487	–2,20	368857	345676	–6,3	–85,00	–39,00	46,00
Республика Алтай	208482	210789	1,10	116389	111217	–4,4	–84,00	–17,00	67,00
Республика Тыва	311944	337408	8,20	168202	177144	5,3	–100,00	–61,00	39,00
Республика Бурятия	972050	973275	0,10	556086	529568	–4,8	–42,00	–23,00	19,00
Забайкальский край	1083079	996474	–8,00	634749	564775	–11,0	–114,00	–55,00	59,00

Источник: рассчитано авторами по данным: ЕМИСС. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31556; ЕМИСС. Среднегодовая численность трудовых ресурсов. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36730; Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В11

Показатели в сфере здравоохранения приграничного макрорегиона МР6

Субъекты РФ	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 чел.)			Прерывание беременности (аборты) (ед. на 1000 женщин 15–49 лет)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
РФ	13	9	–32,6	28	15	–46,4
Среднее по приграничным регионам	14	10	–4,7	31	16	–48,9
Среднее по всем «азиатским» регионам	15	10	–34,7	38	20	–48,6
Среднее по макрорегиону	20	13	–34,1	46	25	–46,7
Республика Алтай	21	13	–37,9	45	24	–46,7
Республика Тыва	26	18	–32,2	53	32	–39,6
Республика Бурятия	18	11	–36,4	44	19	–56,8
Забайкальский край	16	11	–29,6	42	23	–45,2

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

Таблица В12

Показатели образования регионов приграничного макрорегиона МР6

Субъекты РФ	Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем общем образовании (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск специалистов со средним проф. образованием (чел. на 10 000 чел. населения)			Выпуск бакалавров, специалистов, магистров (человек на 10 000 человек населения)			Численность аспирантов (на конец года; чел. на 10 000 чел. населения)		
	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)	2013 г.	2022 г.	Прирост 2022 г. / 2013 г. (%)
РФ	48	43	–9,5	31	42	36,8	90	56	–38,0	9	7	–18,5
Среднее по приграничным регионам	54	45	–16,7	32	44	39,7	76	43	–43,8	6	4	–34,4
Среднее по всем «азиатским» регионам	56	50	–11,5	35	46	30,9	79	44	–44,9	7	4	–41,4
Среднее по макрорегиону	70	54	–22,1	32	41	30,5	55	31	–43,4	5	3	–49,6
Республика Алтай	53	54	1,9	23	27	14,7	47	27	–42,7	3	1	–49,3
Республика Тыва	115	59	–48,5	38	48	23,5	32	30	–7,4	4	1	–64,4
Республика Бурятия	56	53	–4,1	32	46	44,5	88	36	–59,5	9	6	–39,6
Забайкальский край	54	50	–7,9	32	44	36,6	54	33	–39,2	4	2	–57,7

Источник: рассчитано авторами по данным: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. Антонова О. А., кандидат экономических наук, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (параграфы 1.1, 1.2, заключение);
2. Артемова О. В., доктор экономических наук, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (введение, параграфы 2.1, 2.3, заключение, приложение В);
3. Гончарова О. К., Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (параграф 2.2, приложение А);
4. Логачева Н. М., доктор экономических наук, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (параграф 1.3);
5. Меленькина С. А., кандидат экономических наук, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (параграф 2.3, приложения Б, В);
6. Нестеренко И. Ю., кандидат экономических наук, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (параграф 2.2);
7. Плетнев Д. А., кандидат экономических наук, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (введение, параграфы 3.1, 3.2, 3.3, заключение);
8. Ужегов А. О., Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (параграфы 3.1, 3.2, 3.3).

Научное издание

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института экономики УрО РАН.
Протокол Ученого совета №5 от 30.06.2025.
Рег. №6(25) (протокол редсовета №6 от 27.06.2025)

Редактор Н. А. Леготина
Компьютерная верстка Н. Р. Хамидуловой

Дата подписания в печать 20.12.2025
Дата выхода в свет 25.12.2025
Формат 60х90 1/16. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 12.
Тираж 300 экз. Заказ № 35

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук»
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательский Дом «Ажур»
г. Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54
т. (343) 350-78-28, (343) 350-78-49
https://azhur66.ru/